

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

Чэнь Сяотин

**Вопросы демографии Китая в медиадискурсе СМИ Китая, России и
США: сравнительный анализ**

Специальность: 5.9.9 – Медиакоммуникации и журналистика

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Волкова Ирина Ивановна

Москва – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА	18
1.1 Концептуальные и теоретические основы медиадискурса	18
1.2. Методологические подходы к изучению медиадискурса: тематическое моделирование с поддержкой корпусного дискурсивного анализа	32
1.3. Демографическая коммуникация и её роль в современных медиа	46
Вывод по главе 1	66
ГЛАВА 2. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА О КИТАЕ В СМИ КИТАЯ, РОССИИ И США	68
2.1. Тематическое конструирование демографического медиадискурса о Китае (на основе метода LDA)	68
2.2. Текстовый анализ лексико-семантических стратегий демографического медиадискурса	98
2.3. Интертекстуальные практики конструирования демографического медиадискурса	116
Вывод по главе 2	134
ГЛАВА 3. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА О КИТАЕ	137
3.1. Факторы конструирования демографического медиадискурса	137
3.2. Стратегии оптимизации международной коммуникации по демографическим вопросам	158
Вывод по главе 3	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	178
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	212

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху глобальной информатизации изучение медиадискурса как пространства трансляции социальных смыслов и идеологических установок приобретает особую актуальность. Современные СМИ — не просто канал передачи информации, но активный конструктор социальной реальности. Как отмечал Уолтер Липпман, медиа формируют «картины в наших головах»¹, создавая «псевдосреду», влияющую на общественное мнение.

Демографический вопрос — не просто статистика, а основа социальной стабильности. Его освещение в СМИ представляет собой процесс дискурсивного конструирования, где интерпретация данных определяется социальными, политическими и культурными факторами², что приводит к формированию различных нарративов в национальных медиапространствах, отражающих сложное переплетение идеологических и геополитических контекстов³.

В настоящее время Китай находится в эпицентре глобальных демографических изменений. По данным Фонда ООН, около двух третей мирового населения живёт в зонах низкой рождаемости⁴. Китай — на переднем крае этой проблемы с вызовами: старением, кризисом семейных ценностей, гендерным дисбалансом и сокращением рабочей силы. В 2022 году в Китае впервые с 1949 года зафиксировано отрицательное сальдо естественного прироста⁵, а ООН прогнозировала, что к апрелю 2023 года Индия превзойдёт Китай по численности населения⁶. Эти события вызвали беспрецедентный международный резонанс, однако интерпретация данных

¹ Lippmann, W. (1997). Public opinion (pp. 15–27). New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.

² Etzemüller, T. (2011). The population discourse: a transnational matrix; the case of Germany and Sweden. *Historical Social Research*, 36(2), 101–119.

³ Bilá, Magdaléna and Svetlana V. Ivanova. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics*. 24(2). 219–252.

⁴ Учитывая, что население мира превышает 8 миллиардов человек, какое влияние это окажет на планетарное здоровье и устойчивое развитие? //ООН. – 2023. – URL: <https://news.un.org/zh/story/2023/04/1117202> (дата обращения: 27.03.2024). [世界人口超过 80 亿, 对地球健康和可持续发展有何影响]

⁵ China's population is about to shrink for the first time since the great famine struck 60 years ago. // World Economic Forum. – 26 июня 2022. – URL: <https://www.weforum.org/stories/2022/07/china-population-shrink-60-years-world/> (дата обращения: 27.03.2024).

⁶ 8 billion lives, infinite possibilities. // UNFPA. – 2023. – URL: <https://www.unfpa.org/swp2023> (дата обращения: 27.03.2024).

процессов в медиапространствах разных стран кардинально различается, например, некоторые западные СМИ сформировали дискурс «коллапса китайского населения».

Как подчёркивает С. Гринхальг, западные СМИ представляют образ Китая как авторитарного или угрожающего «Другого», акцентируя «принудительность» мер и игнорируя контекст модернизации⁷. При этом в медиа наблюдается тенденция к упрощению демографической тематики, что искажает общественное понимание процессов. Такая упрощённая матрица демографического дискурса рассматривает население одновременно как ресурс и угрозу, а статистические данные используются для легитимации политических решений, закрепляя их в общественном сознании как естественные и неизбежные меры⁸.

Можно сказать, что в современном мире демографические вопросы приобретают всё более политизированный характер, подобно таким глобальным вызовам, как изменение климата⁹. Демография становится важной частью международной политической повестки, и то, как медиа разных стран конструируют образ китайской демографической политики, напрямую влияет на международное восприятие Китая.

Таким образом, **актуальность** работы обусловлена необходимостью сравнительного исследования демографического медиадискурса как инструмента конструирования различных интерпретаций демографических вопросов Китая в медиапространствах России, Китая и США в условиях глобализации информационного пространства и усиливающейся политизации демографической проблематики.

Выбор темы диссертации обусловлен тремя ключевыми факторами. Во-первых, медиадискурс не просто информирует о демографических процессах, но и активно формирует их восприятие обществом, создавая определенные

⁷ Greenhalgh, S. (2003). Science, Modernity, and the Making of China's One-Child Policy. *Population and Development Review*, 29(2), 163–196.

⁸ Messerschmidt, R. (2014). "Garbled demography" or "Demographization of the social"? – A Foucaultian Discourse Analysis of German Demographic Change at the Beginning of the 21st Century. *Historical Social Research*, 39(1 (147)), 299–335.

⁹ Demography is politics. // Ipsos. – 2023. – URL: <https://www.ipsos.com/en/almanac-2024/demography-politics> (дата обращения: 28.03.2024).

смысловые рамки. Во-вторых, сравнение медиадискурсов России, Китая и США раскрывает как особенности национальных медиасистем, так и глубинные идеологические различия в трактовке демографических изменений. В-третьих, понимание языковых и смысловых механизмов формирования образа китайской демографической политики практически важно для противодействия информационным искажениям и разработки действенных подходов к международному диалогу.

Научная гипотеза исследования — демографический медиадискурс выступает не только как средство передачи информации, но и как носитель идеологического влияния. СМИ, применяя определенные дискурсивные стратегии на уровне тематических структур и языковых средств, формируют общественное восприятие демографических проблем и продвигают социально-политическую повестку. В международной коммуникации демографический медиадискурс не ограничивается представлением статистических данных, а формируется под влиянием таких структурных факторов, как особенности национальных медиасистем, характер двусторонних отношений и культурные ценности.

Цель исследования — выявить особенности дискурсивного конструирования демографического медиадискурса Китая в СМИ России, Китая и США, а также определить ключевые факторы, влияющие на формирование различных интерпретаций данной темы в национальных медиапространствах.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. систематизировать теоретико-методологические подходы к изучению медиадискурса и обосновать комплексную методологию исследования медиадискурса;
2. проследить эволюцию демографической политики Китая, ее моделей коммуникации в китайских СМИ и провести системный визуальный анализ научных публикаций по теме китайской демографической

политики с использованием библиометрического инструмента CiteSpace (2014–2024 гг.);

3. собрать медиаконтент «China Daily», двенадцати российских и трех американских новостных изданий с помощью Python и создать три корпуса для эмпирического анализа;
4. выявить основные тематические структуры и тенденции (2013–2024) в трех корпусах с помощью тематического моделирования (LDA анализ) и провести сравнительный анализ языковых средств, используемых для формирования образа китайской демографических вопросов в медиатекстах трех стран;
5. раскрыть основные метафорические модели, применяемые для описания демографических вопросов в Китае, и проанализировать их окраску;
6. определить характер интертекстуальных связей в медиатекстах о демографической политике Китая посредством анализа цитирования и стратегий передачи речи;
7. раскрыть факторы, влияющие на конструкцию демографического медиадискурса СМИ трех корпусов и предложить стратегии оптимизации международной коммуникации по вопросам демографического дискурса Китая

Объект исследования — медиатексты китайских, российских и американских СМИ, посвященные демографическим вопросам Китая в период с 2013 по 2024 год.

Предмет исследования — особенности дискурсивного конструирования демографического медиадискурса Китая в СМИ России, Китая и США

Степень научной разработанности проблемы.

Демографический медиадискурс как концепция вводится в данном исследовании для анализа медиатекстов по демографическим вопросам. Теоретические основы с 20-го века восходят к понятию «демографическая коммуникация» (Институт коммуникационных исследований Востока и

Запада, 1977) и работам С. Кар¹⁰, Т. Валенте¹¹ и А. Гунасекера¹², Чжун-Им Ким¹³ о связи между СМИ и демографическими процессами.

Теоретико-методологические основы исследования анализа медиадискурса были заложены в трудах М. Фуко¹⁴, Ф. де Соссюра¹⁵, Р. Якобсона¹⁶ и др., развиты Т. ван Дейком¹⁷, Н. Фэрклоу и Р. Водак¹⁸, Р. Фаулер¹⁹, Ван Леувен²⁰. В российском контексте существенный вклад внесли Н. Д. Арутюнова²¹, Т.Г. Добросклонская²², В.И. Карасик²³, Г.Н. Трофимова²⁴, Е.А. Кожемякин²⁵, М.Р. Желтухина²⁶ и др. Междисциплинарный характер дискурсивных исследований также определяет методологическое многообразие, включая, в частности, использование корпусного анализа (П. Бейкер²⁷, М. Стаббс²⁸, В.Е. Чернявская²⁹, Н.К. Радина³⁰) и тематического моделирования (А. Тёрнберг³¹, Г. Брукс³², С. Яворска³³, И. В. Суслов³⁴).

¹⁰ Kar, S. B., Demangone, D. M., & Kar, B. B. (1975). Communication research in family planning: An analytical framework. In *Population Communication: Technical Documentation* (No. 2, p. 5). Paris: UNESCO.

¹¹ Valente, T. W., Poppe, P. R., & Merritt, A. P. (1996). Mass-media-generated interpersonal communication as sources of information about family planning. *Journal of Health Communication*, 1(3), 247–265.

¹² Goonasekera, A. (1986). Media and population. *Sri Lanka Population Digest*, 1, 12–20.

¹³ Kim, J. (1988). Rethinking population communication. *Asia-Pacific Population Journal*, 3(4), 3–16.

¹⁴ Foucault, M. (1972). *The archaeology of knowledge*. Pantheon Books.

¹⁵ Saussure, F. (1916). *Course in General Linguistics*. McGraw-Hill Education.

¹⁶ Jakobson, R. (1960). Linguistics and Poetics. In T. Sebeok (Ed.), *Style in Language* (pp. 350–377). Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press.

¹⁷ van Dijk, T. A. (2013). Ideology and discourse. In M. Freeden & M. Stears (Eds.), *The Oxford handbook of political ideologies* (online edition, pp. 396–398). Oxford University Press.

¹⁸ Fairclough, N., & Wodak, R. (1997). Critical Discourse Analysis. In T. van Dijk (Ed.), *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. London: Sage.

¹⁹ Fowler, R. (1991). *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. London; New York: Routledge.

²⁰ van Leeuwen, T. (2008). *Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis*. New York, NY: Oxford University Press.

²¹ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 136–137.

²² Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. – 2015. – № 1 (6). – С. 45–56.

²³ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

²⁴ Трофимова Г. Н. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: дис. ... докт. филол. наук. М. 2004.

²⁵ Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования/ Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – Белгород, 2010. – № 12 (83). – С. 13–21.

²⁶ Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. - М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003.

²⁷ Baker, P. (2006) *Using Corpora in Discourse Analysis*. London: Continuum.

²⁸ Stubbs, M. (1994). Grammar, text, and ideology: Computer-assisted methods in the linguistics of representation. *Applied Linguistics*, 15(2), 201–223.

²⁹ Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 50. – С.135–148.

³⁰ Радина Н.К. Методика идентификации контекстуальных идеологем в цифровом медиадискурсе (на примере медиадискурса о пандемии covid-19) / Н. К. Радина // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2021. – № 5. – С. 116–136.

³¹ Törnberg, A., & Törnberg, P. (2016). Muslims in social media discourse: Combining topic modeling and critical discourse analysis. *Discourse, Context & Media*, 13, 132–142.

Такие технологии обработки естественного языка становятся важной тенденцией в современных дискурсивных исследованиях.

Анализ медиасреды был разработан Д.С. Халлином и П. Манчини³⁵, в Китае — Чжао Юэчжи³⁶, Су Ин³⁷, Цзи Дэцяня³⁸ и др., в российском контексте — Е.Л. Вартановой³⁹, Д.В. Дунасом⁴⁰, О. В. Смирновой⁴¹, И.Н. Деминой, М.В. Шкондиным⁴², И.И. Волковой⁴³, А.А. Грабельниковым⁴⁴, Е.В. Мартыненко⁴⁵, М.Г. Шилиной⁴⁶ и др., а также теориями Х-У матрицы социолога С.Г. Кирдиной⁴⁷, что позволяет анализировать особенности дискурсивных практик в различных странах.

Медиарепрезентация демографических вопросов в национальных медиасистемах изучается в российском научном дискурсе (Д.Г. Саитова⁴⁸,

³² Brookes, G., & McEnery, T. (2018). The utility of topic modelling for discourse studies: A critical evaluation. *Discourse Studies*, 21(1), 3–21.

³³ Jaworska, S., Nanda, A. (2018) Doing well by talking good: A topic modelling-assisted discourse study of corporate social responsibility. *Applied Linguistics*. 39(3): 373–399.

³⁴ Суслов И. В., Тихонова С. В., Балаш В.А. Конструирование образа СССР в традиционных печатных медиа (на примере «Аргументов и фактов»): опыт статистического и качественного анализа коммуникационных стратегий // Медиалингвистика. – 2024. – Т. 11, № 2. – С. 224–236

³⁵ Hallin, D. C., & Mancini, P. (2004). *Comparing media systems: Three models of media and politics* (pp. 66–75). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

³⁶ Zhao, Y. (2012). Understanding China's media system in a world historical context. In D. C. Hallin & P. Mancini (Eds.), *Comparing media systems beyond the Western World* (pp. 143–176). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

³⁷ Су Ин, Чжан Чжэньцзяо. Прорыв западного контекста: расширение теоретической адаптивности сравнительных исследований медиасистем // Международная журналистика. – 2022. – Т. 44, № 9. – С. 131–153. [苏颖 张振娇. 突破西方情境: 比较媒介体制研究的理论适应性拓展. 国际新闻界]

³⁸ Цзи Дэцянь, Янь Бовэй. Между внутренним и внешним: пограничная логика исследований коммуникации «глобального Китая» // Глобальный журнал СМИ. – 2024. – Т. 11, № 3. – С. 158–171. [姬德强, 闫伯维. "内外之间: "全球中国"传播研究的边界逻辑." 全球传媒学刊]

³⁹ Вартанова Е. Л. Медиасистема России: учебник для студентов вузов / Е. Л. Вартанова. – Москва: Аспект Пресс, 2021. – С. 424.

⁴⁰ Вартанова Е. Л., Дунас Д. В. Российская медиасистема в начале 2020 гг.: вызовы эпохи неопределенности // Меди@льманах. – 2022. – № 6(113). – С. 8–17.

⁴¹ Смирнова, О. В. Исследование газеты в условиях цифровизации: актуализация подходов / О. В. Смирнова // Меди@льманах. – 2024. – № 1(120). – С. 18–24.

⁴² Демина И. Н., Шкондин М. В. Медиасистема России: методологические аспекты оптимизации // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – № 2 (5). – С. 187–199.

⁴³ Волкова И. И., Кемарская И. Н., Лободенко Л. К. и др. Экосистема медиа: цифровые модификации. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. – С. 252.

⁴⁴ Грабельников А. А. Русская газета, цифровая среда и аудитория / А. А. Грабельников, Т. С. Родионова. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2022. – С. 349.

⁴⁵ Мартыненко Е. В., Базанова А. Е., Малаховский А. К., Иванова А. А. Медиасистемы постсоветского пространства: векторы эволюции и методы исследований // Вопросы теории и практики журналистики. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 609–627.

⁴⁶ Шилина М. Г. Тенденции развития современных медиасистем и актуальные концепции теории СМК // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. – 2010. – С. 6–22.

⁴⁷ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в Х-У-теорию / С.Г. Кирдина. – СПб.: Нестор-Истор., 2014. – С. 306.

⁴⁸ Саитова Д. Г. Институт СМИ в контексте реализации демографической политики России: региональный опыт / Д. Г. Саитова, М. С. Бахтина // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2022. – Т. 2, № 4. С. 95–109.

Т.К. Ростовская и Е.Н. Васильевой⁴⁹, В.В. Тучкова⁵⁰, Ю.Р. Вакуленко⁵¹) и китайском контексте (Ян Жоунань⁵², Чжоу Шэн⁵³). Также национальные кейсы других стран представлены в работах К. Махмуда⁵⁴ (Иран), И. Юн Парк⁵⁵ (Южная Корея), К. Сари⁵⁶ (Индонезия), С. Дэвид⁵⁷ (Филиппины).

Влияние демографического медиадискурса на социальное восприятие изучают Дж. Кастерлайн⁵⁸, Х. Грол-Прокопчик⁵⁹, А. Шиндльмайр,⁶⁰ И. Ворошилова и М.В. Такмаков⁶¹, Цзин Го⁶², Лю Цзюань⁶³ (негативное влияние), Г. Кристманн⁶⁴ (позитивные аспекты).

Основными исследователями кросс-культурного сравнительного анализа демографического медиадискурса являются китайские исследователи Чжан Яодань⁶⁵, Лю Жунлинь⁶⁶ и др., среди которых Р. Чжу⁶⁷,

⁴⁹ Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Освещение семейно-демографической политики в СМИ: результаты всероссийского исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 236–248.

⁵⁰ Тучкова В. В. Современная семья в зеркале российского телевидения // Медиаскоп. – 2012. – № 2. – С. 6.

⁵¹ Вакуленко Ю. Р. Специфика освещения проблемы демографии в печатных СМИ // Огарев-Online. – 2016. – № 12(77). – С. 5.

⁵² Ян Жоунань. Рамки освещения темы двух детей в ведущих китайских газетах: анализ публикаций «Жэньминь Жибао» (2012–2017) // Восточная коммуникация. – 2018. – № 5. – С. 155–158. [杨若男. 中国主流报纸二孩议题的报道框架——对《人民日报》(2012-2017)报道的考察. 东南传播]

⁵³ Чжоу Шэн, У Бо, Тянь Фуцин. Исследование формирования интернет-повестки дня на основе политики трех детей // Журнал глобальных медиа-исследований. – 2022. – № 03. – С. 125–142. [周胜, 吴波 & 田福庆. 基于三孩政策的网络议程设置研究. 全球传媒学刊]

⁵⁴ Mahmoodi, K., Mohammadpur, A., & Rezaei, M. (2015). A discourse analysis of population policies in the context of politics in Iran. *Quality & Quantity*, 49(5), 1883–1895.

⁵⁵ Yung Park, I. (2022). The Discourse on Multi-Child Families in South Korea's Media and Popular Culture. *Korean Studies*, 46, 227–258.

⁵⁶ Sari, C. A. M., Utari, P., & Satyawan, I. A. (2022). Identification of Communication Strategies for Population Control in Indonesia: A Systematic Review. *KnE Social Sciences*, 7(5), 741–756.

⁵⁷ David, C. C., Legara, E. F. T., Aiu, J. M. L., & Monterola, C. P. (2014). News frames of the population issue in the Philippines. *International Journal of Communication*, 8, 1247–1267.

⁵⁸ Casterline, J. B. (2001). Mass media and fertility change. In *National Research Council (Ed.), Diffusion processes and fertility transition: Selected perspectives* (Chapter 7, pp. 208–235). Washington, DC: *National Academies Press*.

⁵⁹ Grol-Prokopczyk, H. (2018). Celebrity culture and demographic change: The case of celebrity nonmarital fertility, 1974–2014. *Demographic Research*, 39, 251–284.

⁶⁰ Schindlmayr, T. (2001). The Media, Public Opinion and Population Assistance: Establishing the Link. *Family Planning Perspectives*, 33(3), 128–132.

⁶¹ Ворошилова А. И. «информационная война» за демографию в эпоху социальных сетей / А. И. Ворошилова, М. В. Такмаков // Воспитание как стратегический национальный приоритет: Международный научно - образовательный форум, Екатеринбург, 15–16 апреля 2021 года. Т. 4. – 2021. – С. 413–417.

⁶² Guo, J., & Feng, M. (2024). Social media exposure's effects on public support toward three-child policy in China: role of cognitive elaboration, perceived negative effects, and institutional trust. *Journal of Public Policy*, 44(1), 121–142.

⁶³ Лю Цзюань, Сун Тинтин. «Сконструированная тревожность»: использование социальных медиа и восприятие женщинами рисков, связанных с деторождением // Медиаобзор. 2022. – № 6. – С. 79–86. [刘娟 & 宋亭亭. “被渲染的焦虑”: 社交媒体使用与女性生育风险感知. 传媒观察]

⁶⁴ Christmann, G.B. 2017. Analysing Changes in Discursive Constructions of Rural Areas in the Context of Demographic Change. Towards Counterpoints in the Dominant Discourse on “Dying Villages”. *Comparative Population Studies*. 41, 3–4.

⁶⁵ Чжан Яодань. Степень магистра в области сравнительных исследований по интерпретации проблем роста населения китайскими и британскими СМИ (диссертация, Северо-Западный университет). – 2016. [张耀丹. 中英媒体对人口增长问题构建比较研究硕士(学位论文, 西北大学).]

Чжан Линь⁶⁸, Цэн Рунси⁶⁹, и Ван Цинь⁷⁰ исследовали репрезентацию демографического вопросов Китая и в зарубежных медиа и её влияние на формирование международного имиджа страны. В западном контексте Х. Наоми⁷¹ и С. Гринхалг⁷² исследовали репрезентацию китайской демографической политики в американских СМИ, указывая на проблему предвзятости в западном медийном освещении.

Политизация демографического дискурса исследуется М. Тейтельбаумом⁷³, Дж. Голдстоуном⁷⁴, которые показывают, как демографические нарративы становятся инструментами международной коммуникации. **Проблемы информационных искажений** в демографических данных отмечают Т. Тейтельбаум и В. В. Юмагузин⁷⁵, а **феномены упрощения и кризисности в медиадискурсе** исследуют Р. Мессершмидт⁷⁶, Т. Этцемюллер⁷⁷, который анализирует, как нарративы о населении становятся частью политико-социальной динамики разных стран.

Анализ научной литературы показывает, что «демографический медиадискурс» как целостное понятие редко встречается в научных трудах, а существующие исследования сосредоточены на внутригосударственных

⁶⁶ Лю Жуньлин. Исследование интерпретации и стратегий пропаганды политики трёх детей в китайских и немецких медиа // Исследования языка и культуры. – 2022. – № 4. – С. 206–208. [刘润林. 中德主流媒体对三孩政策的解读与宣传策略研究. 语言与文化研究]

⁶⁷ Zhu, R., Hou, W., & Krever, R. (2023). Images of China in the Australian press: Time for new frames and new readings of old frames to broaden the horizons of framing analysis? *Media International Australia*, 0(0).

⁶⁸ Чжан Линь, Ань Жочэнь. Исследование рамки внешней коммуникации политики второго ребенка в Китае // Современные коммуникации (Журнал Китайского университета коммуникаций). – 2018. – № 2. – С. 165–167. [张琳 & 安若辰. (2018). 我国“二胎政策”对外传播框架研究. 现代传播(中国传媒大学学报).]

⁶⁹ Цзэн Жуньси, Ян Сиси. Дискурсивные рамки и семантические стратегии зарубежных СМИ в освещении китайской политики // Журнал информации. – 2017. – № 6. – С. 99–104+92. [曾润喜 & 杨喜喜. 国外媒体涉华政策传播的话语框架与语义策略. 情报杂志]

⁷⁰ Ван Цинь. Исследование дискурса китайской демографической политики в американских СМИ на основе корпуса // Корпусная лингвистика. – 2022. – № 2. – С. 109–126+169. [王琴. 基于语料库的美国媒体中国人口话语建构研究. 语料库语言学]

⁷¹ Hauser, N. W. (2011). American discourse on China: A cross-time comparison of U.S. news framing of China's one-child policy, 1979-2009 [Thesis, University of Missouri--Columbia].

⁷² Greenhalgh, S. (2003). Planned Births, Unplanned Persons: "Population" in the Making of Chinese Modernity. *American Ethnologist*, 30(2), 196–215.

⁷³ Teitelbaum, M. S. (2014). Political demography: Powerful forces between disciplinary stools. *International Area Studies Review*, 17(2), 99–119.

⁷⁴ Goldstone, J.A., Kaufmann, E.P., Toft, M.D. (2012). Political Demography: How Population Changes are Reshaping International Security and National Politics. *Boulder, CO: Paradigm*.

⁷⁵ Юмагузин В. В. Основные ошибки и неточности в статьях по демографической тематике в СМИ / В. В. Юмагузин, М. В. Винник // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2016. – № 4. – С. 3–21.

⁷⁶ Messerschmidt, R. (2014). "Garbled demography" or "Demographization of the social"? – A Foucaultian Discourse Analysis of German Demographic Change at the Beginning of the 21st Century. *Historical Social Research*, 39(1 (147)), 299–335.

⁷⁷ Eitzmüller, T. (2011). The population discourse: a transnational matrix; the case of Germany and Sweden. *Historical Social Research*, 36(2), 101–119.

аспектах демографической коммуникации и влиянии СМИ на восприятие демографических проблем общественностью.

Научная новизна данного исследования — в следующих аспектах:

1. *Исследовательский подход*: **впервые** проведено позиционирование демографической проблематики как самостоятельного направления в коммуникационных исследованиях, аналогичного «экологической коммуникации». Вместо традиционного рассмотрения через призму экономического и социального развития, **уточнены** исследовательские вопросы с позиций международной журналистики, в результате **выявлены** механизмы конструирования демографического дискурса в глобальном информационном пространстве.
2. *Объекты сравнительного анализа*: в то время как существующие кросс-национальные исследования фокусируются на сопоставлении «Китай-Запад», в данной работе **впервые включён** российский медиадискурс, обеспечивая сравнительный анализ репрезентации демографических проблем Китая в медиасистемах трех стран с различными медиасистемами и политико-культурными контекстами.
3. *Методологический инструментарий*: исследование выходит за рамки традиционного контент-анализа: применяется критический дискурс-анализ с использованием методов компьютерной лингвистики и тематического моделирования, таким образом, **обеспечено** понимание не только явного содержания, но и скрытых смысловых структур в освещении демографической проблематики Китая.

Методы исследования. В условиях многообразия медиаинформации и сложности больших данных современные лингвистические исследования нуждаются в специализированном программном обеспечении для автоматизации обработки и объективной оценки результатов⁷⁸. В связи с этим, в работе используется методика «тематического моделирования с

⁷⁸ Иванова Т. К., Бушканец Л. Е. Перспективы применения междисциплинарных методов в дискурс-анализе текста политической направленности на примере речи П. А. Столыпина // Медиалингвистика. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 124–144.

поддержкой корпусного дискурсивного анализа» (*Topic Model-Assisted Corpus Discourse Analysis*)⁷⁹, предполагающая комбинированное использование корпусной лингвистики (КЛ) и тематического моделирования (ТМ) для систематического анализа текстового содержания, максимально объективного выявления тематических различий и их интерпретации в рамках теоретической парадигмы критического дискурс-анализ (КДА)⁸⁰. Подробное описание методологии представлено в параграфе 1.2.

В качестве основной аналитической рамки применяется *трехмерная модель Н. Фэрклоу*, включающая *анализ текстуальных характеристик, дискурсивных практик и социальных практик*. На основе данной модели в исследовании реализованы следующие эмпирические методы:

1. Тематическое моделирование для выявления скрытых тематических структур в массиве медиатекстов;
2. Корпусный анализ с использованием программного обеспечения AntConc 4.2.4 для исследования лексико-семантических особенностей текстов;
3. Метафорический анализ для изучения концептуальных метафор в медиатекстах;
4. Анализ интертекстуальности и цитирования для исследования стратегий речевой интертекстуальности и их эмоциональной окраски.

Эмпирические материалы исследования: публикации ведущих СМИ Китая, США и России о демографической политике Китая за период с 1 января 2013 года по 1 октября 2024 года. Источниками послужили: китайская англоязычная газета «China Daily», американские медиа «The Wall Street Journal» (WSJ), «The New York Times»(NYT), «The Washington Post»(TWP), а также 12 российских медиа — «РТ», «ТАСС», «РИА Новости», «Аргументы и факты», «Российская газета», «Известия», «Коммерсантъ», «Интерфакс», «Газета.ру», «Лента.ру», «РБК» и «Ведомости». Выбор данных источников обусловлен тем, что эти ведущие СМИ обладают более высокой

⁷⁹ Jaworska, S., Nanda, A. (2018) Doing well by talking good: A topic modelling-assisted discourse study of corporate social responsibility. *Applied Linguistics*, 39(3), 373–399.

⁸⁰ Törnberg, A., & Törnberg, P. (2016). Combining CDA and topic modeling: Analyzing discursive connections between Islamophobia and anti-feminism on an online forum. *Discourse & Society*, 27(4), 401–422.

авторитетностью и официальной репрезентативностью, что позволяет более точно отражать доминирующие дискурсивные позиции соответствующих стран по данной тематике. Вместе с тем, по сравнению с более фрагментированными социальными медиа, данные институциональные СМИ удобны для проведения систематизированного межстранового сравнительного анализа.

Для сбора материала использовалась автоматизированная технология веб-скрапинга на языке Python, с помощью которой производился целенаправленный поиск текстов на официальных сайтах указанных медиа по ключевым словам «демографическая политика Китая», «планирование семьи», «политика трех детей» и др. В итоге корпус исследования составил 1783 статьи, в том числе: корпус China Daily (CN) — 845 статьей, корпус трех американских изданий (US) — 450 статьей, корпус восьми российских медиа (RU) — 488 статьей.

Хронологические рамки исследования (январь 2013 — октябрь 2024 года) определены рядом факторов. В ноябре 2013 года в Китае была официально смягчена политика планирования семьи с введением «политики второго ребенка для семей, где один из родителей был единственным ребенком», но мировые СМИ начали освещать готовящуюся реформу еще в начале того же года. Поэтому стартовой точкой исследования выбрано начало 2013 года. В последующие годы демографическая политика Китая претерпела значительных изменения: в 2015 году введена политика «всеобщего второго ребенка», в 2021 — «политика трех детей». В том же году значительное внимание привлекли итоги седьмой национальной переписи населения. Исследуемый период, таким образом, охватывает время с начала 2013 года до октября 2024 года (момент завершения сбора данных).

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии концептуальных основ «демографического медиадискурса» в условиях глобализации информационного пространства. Сравнительный анализ медиадискурса Китая, России и США о демографических проблемах Китая

расширяет исследовательскую перспективу международной коммуникации по демографическим вопросам. Интеграция критического дискурс-анализа с методами компьютерной лингвистики способствует более систематическому и объективному анализу конструирования социальной реальности в медиатекстах. Выявленные факторы, влияющие на конструирование медиадискурса в различных социокультурных контекстах, вносят вклад в развитие сравнительного анализа медиасистем.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее результатов в международной журналистской практике, при подготовке информационных материалов о демографической политике, а также в образовательном процессе – при разработке курсов по медиалингвистике, международной журналистике и межкультурной коммуникации. Методологические разработки, алгоритмы и программный код для анализа тематической структуры и эволюции новостных текстов на русском и английском языках, а также идентификации цитат могут быть использованы в дальнейших исследованиях медиадискурса о социально значимых проблемах. Выявленные дискурсивные стратегии и языковые средства могут способствовать оптимизации международной коммуникации и повышению эффективности межкультурного взаимодействия в условиях глобализации информационного пространства.

Личный вклад автора — в разработке концепции «демографического медиадискурса» как самостоятельного объекта научного изучения, создании инновационного методологического инструментария, включающего интеграцию LDA-тематического моделирования, корпусной лингвистики и критического дискурс-анализа, а также в проведении сбора, обработки и интерпретации массива медиатекстов китайских, российских и американских СМИ за период 2013–2024 гг. На основе полученных данных автором лично осуществлен комплексный сравнительный анализ и подготовлены основные публикации по результатам исследования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Демографический медиадискурс функционирует как комплексная дискурсивная практика, в которой медиа посредством специфических стратегий и фреймов конструируют демографические вопросы в медиапространстве, формируя определенные когнитивные рамки восприятия и трансформируя объективные демографические показатели в идеологически нагруженные нарративы.

2. В медийном освещении демографических проблем Китая наблюдаются существенные тематические различия. Китайские СМИ создают макроуправленческий нарратив, ориентированный на национальное развитие; российские СМИ придерживаются фактологического и сравнительного подхода; американские СМИ конструируют ценностно-критический дискурс с акцентом на индивидуальных правах.

3. Анализ языковых средств демонстрирует различные дискурсивные практики при освещении демографической политики Китая. Китайские СМИ используют преимущественно девелопменталистский дискурс, американские – дискурс свободы и прав человека, российские – дискурс сбалансированной объективности.

4. Метафорический анализ выявляет разные когнитивные схемы восприятия демографических проблем. Китайские СМИ представляют активистский подход, трактующий вызовы как возможности; российские СМИ создают драматический нарратив, насыщенный элементами кризиса и культурными отсылками; американские СМИ конструируют нарратив неизбежного упадка.

5. Анализ интертекстуальных практик показывает, что китайские и американские СМИ предпочитают косвенную речь, что усиливает дискурсивное доминирование позиции СМИ, а российские медиа чаще используют прямую речь, конструируя авторитетное присутствие источника информации.

6. Различия в конструировании демографического медиадискурса обусловлены особенностями национальных медиасистем, характером двусторонних отношений и доминирующими культурными ценностями.

7. Для оптимизации международной коммуникации по демографическим вопросам Китая необходимо трансформировать дискурсивные рамки, акцентируя переход от количественных к качественным показателям, укреплять дискурсивное лидерство, обеспечивать баланс информационного освещения и эмоционального резонанса, а также интегрировать технологические инновации и диверсифицировать коммуникационные субъекты для повышения международного влияния и доверия.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается комплексным применением методологического инструментария, включающего критический дискурс-анализ, тематическое моделирование (LDA), корпусный анализ и метафорический анализ; репрезентативной выборкой эмпирического материала (1783 статьи из ведущих СМИ трех стран за период 2013-2024 гг.); применением объективных количественных методов обработки текстовых данных с использованием современных компьютерных технологий; соответствием полученных результатов теоретическим положениям медиалингвистики и теории дискурса. Выводы исследования подтверждаются системным сопоставительным анализом медиатекстов, а также верифицируются посредством многоуровневого изучения дискурсивных практик в различных социокультурных контекстах.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается комплексным применением методологического инструментария, включающего критический дискурс-анализ, тематическое моделирование (LDA), корпусный анализ и метафорический анализ; репрезентативной выборкой эмпирического материала (1783 статьи из ведущих СМИ трех стран за период 2013-2024 гг.); применением объективных количественных методов обработки текстовых данных с использованием современных компьютерных технологий; соответствием полученных результатов

теоретическим положениям медиалингвистики и теории дискурса. Выводы исследования подтверждаются системным сопоставительным анализом медиатекстов, а также верифицируются посредством многоуровневого изучения дискурсивных практик в различных социокультурных контекстах.

Апробация работы. Промежуточные результаты исследования представлены автором на международных и всероссийских конференциях РУДН, МГУ и УрФУ: Всероссийской научно-практической конференции «Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы»(2022 г. и 2021г.), «Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура», «Журналистика и медиа эпохи глобальных перемен», «Журналистское образование в России и Китае в эпоху цифровизации», «Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности», «ЛОМОНОСОВ-2022» и «ЛОМОНОСОВ-2023».

Основные положения диссертации опубликованы в шести научных журналах, индексируемых ВАК, Scopus, WOS (2023–2025 гг.).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы (313 источника) и Приложений 1. «Программные коды и результаты визуализации тематического моделирования корпусов». Объем работы – 215 страниц, включая 7 рисунков, 4 графика и 13 таблиц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

Медиадискурс выступает как призма, через которую преломляется социальная реальность, не только отражая временные изменения и механизмы власти, но и глубоко формируя общественное восприятие и отношение к важнейшим социальным проблемам. В современном мире, где демографические вызовы становятся все более очевидными, вопросы населения вышли за рамки простой статистики и превратились в ключевые аспекты национального развития и социального управления. В контексте этих усиливающихся демографических проблем медиадискурс играет незаменимую роль в социальном управлении, передавая политическую информацию и влияя на общественное восприятие и отношение к демографическим вопросам.

Что такое «медиадискурс»? Как он переплетается с демографическими вопросами? В данной главе рассматриваются эти вопросы, систематически анализируется теоретическая эволюция медиадискурса и ключевые методологические подходы, исследуется инновационное сочетание критического дискурс-анализа и тематического моделирования, а также рассматривается историческая трансформация и модели коммуникации демографической политики Китая. Это создает теоретическую основу и методологическую поддержку для понимания конструирования демографического дискурса в различных социокультурных контекстах.

1.1 Концептуальные и теоретические основы медиадискурса

Медиадискурс как важная форма социальной практики играет ключевую роль в формировании общественного восприятия и распространении идеологии. В данном разделе прослеживается развитие теории медиадискурса, рассматривается то, как медиадискурс формирует общественное восприятие демографических вопросов, а также анализируется

роль демографического медиадискурса в пропаганде политики и формировании международного имиджа, что обеспечивает теоретическую основу для последующего эмпирического анализа демографического дискурса.

Эволюция понятия дискурса: от структурной лингвистики к критическому анализу

Термин «дискурс» (от фр. discours, англ. discourse, происходящего от лат. discursus — ‘движение, круговорот, беседа, разговор’) обозначает процесс речевой деятельности и способ выражения мысли⁸¹. В отношении определения понятия дискурса, по мнению А. А. Кибрика⁸², у исследователей до сих пор остается немало нерешённых вопросов. Ориентируясь на определение Н. Д. Арутюновой, дискурс понимается в его текстовой реализации как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, представленный в событийном аспекте»⁸³. При этом, согласно разграничению Т. ван Дейка, дискурс относится к актуальному речевому действию, тогда как текст — к системе языка и формальным лингвистическим знаниям, связанным с лингвистической компетенцией⁸⁴.

Исследование дискурса как научного феномена прошло впечатляющий путь от формального лингвистического анализа к социальной критике и выявлению идеологии. На ранних этапах Ф. де Соссюр (F. de Saussure) утверждал, что язык представляет собой «систему знаков, значение которых проявляется через различия между знаками»⁸⁵. Этот семиотический подход рассматривал язык как статическую структуру. Впоследствии «теория языковых функций» Романа Jakobson (Roman Jakobson) дополнительно подчеркнула коммуникативную функцию и знаковую природу языка,

⁸¹ Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис. докт. филол. наук: 10.02.19. – М., 2003. – С. 90.

⁸² Там же.

⁸³ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 136–137.

⁸⁴ Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

⁸⁵ Saussure, F. (1916). Course in General Linguistics. McGraw-Hill Education.

заложив основу для функционального анализа дискурса⁸⁶. К середине XX века Зеллиг Харрис (Zellig Harris) ввел термин «дискурс-анализ», предлагая изучать сверхфразовые структуры для понимания функционирования языка в конкретных контекстах⁸⁷. Этот поворот расширил исследование дискурса от лингвистической структуры к использованию языка и его социальным функциям.

К 1970-м годам исследование дискурса вышло за рамки лингвистики, постепенно становясь ключевым методом понимания социальной власти и идеологии. М. Фуко переопределил дискурс с точки зрения производства знания, отмечая: «Дискурс не просто форма выражения языка, но практика производства знания, легитимации власти и поддержания социального порядка»⁸⁸. «Дискурс — продукт власти» («discourse as a product of power») — дискурс обладает мощной социальной силой, которая доминирует над субъектами социальной практики, определяет, какие темы могут обсуждаться и каким образом они легитимируются, неявно конструируя отношения власти и знания. Под дискурсивными практиками понимается совокупность исторически сложившихся норм, регламентирующих высказывания в конкретный период и в определённом географическом, политическом, экономическом, социальном или лингвистическом пространстве, в зависимости от условий их реализации⁸⁹.

Однако детерминизм М. Фуко в отношении дискурса критиковался как чрезмерно фатальный, игнорирующий роль конкретных акторов в историческом и институциональном контексте⁹⁰. В ответ на эти критические замечания критический дискурс-анализ (КДА) предложил более нюансированное понимание дискурса, смягчая детерминистскую позицию М.

⁸⁶ Jakobson, R. (1960). Linguistics and Poetics. In T. Sebeok (Ed.), *Style in Language* (pp. 350-377). Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press.

⁸⁷ Harris, Z. (1952). Discourse analysis. *Language*, 28(1), 1–30.

⁸⁸ Foucault, M. (1972). *The archaeology of knowledge* (p. 49). Pantheon Books.

⁸⁹ Темнова, Е. В. Современные подходы к изучению дискурса / Е. В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация. Том Выпуск 26. – М: МАКС Пресс. – 2004. – С. 24–32.

⁹⁰ Burman, E., & Parker, I. (1993). Against discursive imperialism, empiricism and constructionism: Thirty-two problems with discourse analysis. In E. Burman & I. Parker (Eds.), *Discourse analytic research: Repertoires and readings of texts in action* (pp. 155–172). London: Routledge.

Фуко и утверждая, что дискурс никогда не бывает полностью когерентным и не может абсолютно предопределять социальную реальность⁹¹. КДА рассматривает дискурс как идеологическую практику, способную конструировать, натурализовать, поддерживать и трансформировать смыслы социального мира с различных позиций власти⁹². Тем не менее, нельзя отрицать, что «вклад Фуко в исследование оснований и условий дискурса составляет фундамент, на котором, вероятно, должны строиться методологические модели дискурс-анализа»⁹³.

Настоящий расцвет критического направления в дискурс-анализе пришелся на 1980-е годы, когда этот подход окончательно оформился как междисциплинарная методология, углубив дискурсивные исследования в область социальной критики. Норман Фэрклоу сформулировал ключевую идею: «язык не только отражает социальные структуры, но и является важной социальной практикой. Посредством конкретных форм использования языка он не только реконструирует социальный порядок, но и поддерживает властные отношения»⁹⁴. По его мнению, что основной целью критического дискурс-анализа является выявление того, как язык служит идеологии, способствуя тем самым неравному распределению власти. Например, СМИ путем избирательного освещения или использования определенных слов могут неявно указывать на легитимность или маргинальность определенных групп.

Существенный вклад в развитие этого направления внес Теун ван Дейк, который не только расширил, но и значительно углубил теоретические рамки критического дискурс-анализа. Он сместил фокус внимания на когнитивные аспекты, отмечая: «Ключ к критическому дискурс-анализу заключается в выявлении скрытой идеологии в тексте и объяснении того, как эта идеология

⁹¹ Ainsworth, S., & Hardy, C. (2004). Critical discourse analysis and identity: why bother? *Critical Discourse Studies*, 1(2), 225–259.

⁹² Fairclough, N. (1992). *Discourse and social change* (p. 67). Cambridge: Polity Press.

⁹³ Кожеев Е. Институциональные дискурсы: программа сравнительных исследований // Человек. Сообщество. Управление. – 2007. – № 2. – С. 101

⁹⁴ Fairclough, N. (2001). *Language and Power*. 2nd edition. (p.24.) Harlow, Eng.; New York: Routledge.

принимается и воспроизводится через социальное познание в контексте»⁹⁵. Особенно ценным оказался его анализ новостного дискурса, где медиадискурс через избирательное повествование и текстовую организацию может имплицитно легитимизировать расизм, гендерную дискриминацию или другие формы неравных властных отношений в обществе⁹⁶.

По мнению М.Н. Красина, дискурс и дискурс-анализ рассматриваются как совокупность методов интерпретации текстов и высказываний, возникающих в процессе речевой деятельности в конкретных общественно-политических и культурно-исторических условиях, с акцентом на их применение в междисциплинарных исследованиях⁹⁷. Примечательно, что этот метод дискурс-анализа в процессе своего развития демонстрирует явную междисциплинарность, применяясь не только в лингвистике, психологии, политологии и других дисциплинах, но и становясь чрезвычайно актуальным аналитическим инструментом в современных исследованиях СМИ.

В современном академическом ландшафте дискурсивные исследования все активнее обращаются к динамике социальных трансформаций и глобализационных процессов, пристально фокусируясь на вопросах расы, гендера, экологии и социальной справедливости. Например, в репортажах использование терминов «глобальное потепление» и «климатический кризис» или «рост населения» и «демографический взрыв» не случаен, а отражает глубинные семантические акценты и стоящие за ними политические позиции.

Таким образом, дискурсивные исследования совершили впечатляющую эволюцию от микроуровня лингвистической структуры до макроуровня социальных отношений и механизмов функционирования власти, становясь незаменимым теоретическим инструментарием для глубинного понимания социокультурной реальности.

⁹⁵ van Dijk, T. A. (1993). Principles of critical discourse analysis. *Discourse & Society*, 4(2), 249–283.

⁹⁶ van Dijk, T. A. (1991). *Racism and the press* (p. 256). London, England: Routledge.

⁹⁷ Красина, М. Н. Дискурс, дискурс-анализ и методы их применения в междисциплинарных проектах / М. Н. Красина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2018. – № 2. – С. 159–165.

Медиадискурс как средство формирования и трансляции идеологических рамок

В современной научной литературе определение «медиадискурса» характеризуется значительным концептуальным разнообразием. Российские исследователи предлагают многомерную типологию этого феномена. Е.А. Кожемякин и Е.В. Переверзев⁹⁸ выделяют четыре ключевых подхода определения этого понятия: *формальный*, акцентирующий внимание на текстовых характеристиках; *прагматический*, рассматривающий медиадискурс как инструмент взаимодействия и решения задач в специфических коммуникативных ситуациях; *функциональный*, трактующий медиадискурс как элемент социальной практики, призванный «раскрывать механизмы производства и восприятия медиаязыка в глобальном информационном обществе, а также механизмы формирования ‘информационной картины мира’⁹⁹». Показательным примером функционального подхода может служить анализ экологических новостей, где медиадискурс через фреймирование формирует общественное понимание климатических изменений (например, позитивный нарратив о «зеленой экономике» как решении проблемы). Наконец, четвертый — *идеологический* подход подчеркивает роль медиадискурса как инструмента идеологической трансляции, формирующего и укрепляющего властные отношения через языковые символы. Характерный пример — практика политических новостей, где происходит маркирование оппозиции как «угрозы национальной безопасности».

Эта многомерная типология создает методологически ценную основу для системного анализа медиадискурса. Особенно продуктивным представляется методологический подход, рассматривающий медиатексты как «дискретные единицы» информации, что позволяет исследователям

⁹⁸ Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования/ Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – Белгород, 2010. – № 12 (83). – С. 13–21.

⁹⁹ Добросклонская Т. Г. Прикладные аспекты медиалингвистических исследований // Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа: сб. статей. – Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2015. – С. 18–22.

извлекать из сложного информационного потока автономные фрагменты для научного анализа, тем самым эффективнее идентифицируя и деконструируя их идеологические элементы. Медiateкст, будучи базовой единицей медиадискурса¹⁰⁰, становится критически важным инструментом понимания и анализа быстротекущей информации в глобализированном информационном обществе.

Ключевыми характеристиками медиатекста считаются его медийность – воплощение через различные медиасредства с учетом формата и технических особенностей канала, массовость – как в процессе создания, так и в потреблении медиапродукции, интегративность или поликодовость – объединение различных семиотических кодов в единое коммуникативное пространство, а также открытость, позволяющая тексту оставаться динамичным и восприимчивым к интерпретации.

В современном медиапространстве, радикально отличающемся от традиционной однонаправленной линейной модели коммуникации, медиадискурс «не ограничивается языковой системой»¹⁰¹, а функционирует одновременно как источник формирования медиатекстов и генератор смыслов¹⁰², охватывая весь цикл производства, распространения и интерпретации информации в медиапространстве, находясь под воздействием прагматических, социокультурных, психологических и других факторов. Как точно отмечает Т.Г. Добросклонская¹⁰³, «медиадискурс представляет собой функционально обусловленный тип дискурса, понимаемый как совокупность речевой практики и продукты речевой деятельности в сфере массовой коммуникации, отличающийся богатством и сложностью взаимодействия». Более того, Е.А. Кожемякин подчеркивает высокую степень посреднической деятельности и тематичности

¹⁰⁰ Добросклонская. Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. - М. : Флинта: Наука, 2008.— С. 257-261

¹⁰¹ Уварова Е. А. Медиааспект и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий / Е. А. Уварова // Вестник МГОУ. – 2015. – № 5. – С. 47–53.

¹⁰² Алефиренко Н. Ф. Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность // Медиалингвистика. – 2016. – № 1 (11). – С. 49–57.

¹⁰³ Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. – 2015. – № 1 (6). – С. 45–56.

медиадискурса, видя его ключевую функцию в конструировании знания, распространении смыслов и регулировании контекстов¹⁰⁴. Синтезируя эти научные позиции, можно выделить такие определяющие свойства медиадискурса, как функциональная обусловленность, тематичность, структурность и динамичность. Исходя из этого, в нашем исследовании *медиадискурс определяется как комплексная речевая практика в сфере массовой коммуникации, конструирующая знания, распространяющая смыслы и регулирующая социальное познание посредством вербальных и невербальных символов.*

Новостной дискурс и идеология

Среди многообразных типов медиадискурса новостной дискурс занимает особое место, являясь не просто «важным каналом, через который люди узнают о фактах мира и условиях своего существования»¹⁰⁵, но и ключевой ареной дискурсивной борьбы¹⁰⁶. Как убедительно показал О. И. Исмаилов, средства массовой информации способны оказывать манипулятивное воздействие на широкую аудиторию, формируя поведенческие паттерны публики и создавая в сознании реципиентов необходимое манипулятору отношение к объекту/событию¹⁰⁷. Этот эффект достигается преимущественно через структурированные медиатексты. В своем глубоком анализе Р. Ж. Саурбаев отмечает, что «презентация современных новостей осуществляется посредством специфических практик медиатекста, суть которых заключается в целенаправленном конструировании новостного материала», и именно этот процесс конструирования формирует уникальные характеристики новостного дискурса, отличающие его от других видов медиадискурса»¹⁰⁸.

¹⁰⁴ Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования/ Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – Белгород, 2010. – № 12 (83). – С. 13–21.

¹⁰⁵ Richardson, J, E. (2007). *Analysing Newspaper: An approach from critical discourse analysis*. New York: Palgrave Macmillan.

¹⁰⁶ Fairclough, N (1995) *Media discourse*. London, UK: Arnold.

¹⁰⁷ Исмаилова О. И. Языковые средства реализации деструктивных речевых стратегий в российском и британском медиа политическом дискурсе / О. И. Исмаилова // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3(75). – С. 54–59.

¹⁰⁸ Саурбаев, Р. Ж. Речевые стратегии политического новостного дискурса на материале британской прессы: монография / Р. Ж. Саурбаев, Х.С. Шагбанова. – М: Новый индекс. – 2020. – С. 101.

В научном сообществе сложился устойчивый консенсус относительно того, что **новости представляют собой не нейтральный канал передачи информации, а сложный процесс идеологического конструирования**¹⁰⁹. В своем фундаментальном труде «Новости как дискурс» («News as discourse») ван Дейк вводит понятие «новостного дискурса», утверждая, что «любые медиа по своей сути не являются нейтральными, здравомыслящими или рациональными координаторами социальных событий» (сходные позиции прослеживаются в работах Г. Тухман¹¹⁰, Р. Фаулер¹¹¹, Н. Фэрклоу¹¹²), а выступают как инструмент реконструкции предустановленных идеологических рамок новостными производителями через «отражение, реконструкция, миф (т.е. целенаправленное создание искаженных фактов)». Конкретнее говоря, ван Дейк предлагает рассматривать новостной дискурс через призму трех взаимосвязанных уровней дискурсивных стратегий: макроструктуры (macrostructures) – включающие выбор тем и нарративные фреймы, микроструктуры (microstructures) – охватывающие семантические, синтаксические, риторические, стилистические и другие языковые характеристики, и суперструктуры (superstructures) – определяющие общую структурную организацию репортажа. Через эти многоуровневые стратегии конструируется образ «*позитивного Мы*» (Us) и «*негативного Другого*» (Other)¹¹³. Такая сконструированная медиа реальность приобретает характер *игры* и *спектакли*, используя механизмы, подобные игровым структурам, влияет на восприятие действительности аудиторией¹¹⁴, достигая целей *убеждения* и *направления*¹¹⁵.

Таким образом, можно заключить, что новости функционируют не просто как носители информации, а как сложная социальная практика,

¹⁰⁹ van Dijk, T.A. (1988). *News as Discourse* (p.11) Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

¹¹⁰ Tuchman, G. (1978). *Making News: A Study in the Construction of Reality*. New York: Free Press.

¹¹¹ Fowler, R. (1991). *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. London; New York: Routledge.

¹¹² Fairclough, N. (2001). *Language and Power*. 2nd edition. Harlow, Eng.; New York: Routledge.

¹¹³ van Dijk, T.A. (2013). Ideology and discourse. In M. Freedon & M. Stears (Eds.), *The Oxford handbook of political ideologies* (online edition, pp. 396–398). Oxford University Press.

¹¹⁴ Волкова, И. И. Особенности игрового кода политических медиакоммуникаций / И. И. Волкова, Е. А. Осиповская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2-1(32). – С. 47–50.

¹¹⁵ van Dijk, T.A. (1988). *News as Discourse* (p.30–35) Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

глубоко укорененная в экономическом, политическом и культурном контексте. На процесс производства новостей оказывает влияние целый комплекс факторов: медийная система, политическая позиция, профессиональные ценности журналистов, что неизбежно приводит к различиям в освещении одних и тех же событий медиа разных стран. В рамках нашего исследования *новостной дискурс определяется как речевая практика, которая посредством вербальных и невербальных символов стратегически отбирает, конструирует и транслирует информацию, формируя идеологические установки и социальные представления.*

Демографический медиадискурс: формирование общественного сознания и международная репрезентация

В условиях растущей актуальности глобальных демографических проблем вопросы народонаселения превратились в значимую социальную повестку, которая непрерывно транслируется и реконструируется медиасферой. С момента первого упоминания понятия «демографическая коммуникация» («Population communication») Институтом коммуникации Восток-Запад в 1977 году¹¹⁶, взаимосвязь демографии и медиа неуклонно укреплялась. Данный термин эволюционировал от определения ООН 1975 года, описывающего коммуникационные вмешательства как «все запланированные взаимодействия, направленные на изменение поведения аудитории в отношении рождаемости»¹¹⁷, к более комплексному пониманию, включающему пропаганду контроля рождаемости и общественные кампании¹¹⁸. Жунг-Им Ким¹¹⁹ подчеркивает, что это понятие охватывает все формы коммуникации в рамках демографической политики — от образовательных мероприятий до информационного обмена. По мнению

¹¹⁶ Glattbach, J. (1977). Public information and mass media in population communication programs. In *A synthesis of population communication experience* (p. 85). East-West Communication Institute.

¹¹⁷ Kar, S. B., Demangone, D. M., & Kar, B. B. (1975). Communication research in family planning: An analytical framework. In *Population Communication: Technical Documentation* (No. 2, p. 5). Paris: UNESCO.

¹¹⁸ Glattbach, J. (1977). Public information and mass media in population communication programs. In *A synthesis of population communication experience* (p. 85). East-West Communication Institute.

¹¹⁹ Kim, J. (1988). Rethinking population communication. *Asia-Pacific Population Journal*, 3(4), 3–16.

Чжан Ханьсяня¹²⁰, в Китае этот подход способствует распространению демографической культуры, выходя за рамки традиционной пропаганды планирования семьи. К 2024 году исследования Ся Вэйбо¹²¹ показали эволюцию от объяснения причин рождаемости к активному влиянию на репродуктивные установки, подчеркивая интеграционную роль медиа в сферах демографии, репродуктивного здоровья и социологии.

«Демографический медиадискурс» как продолжение новостного дискурса представляет собой дискурсивную деятельность вокруг важных социальных тем, которая трансформировалась в продукт конструирующей смысмы социальной практики, аналогично экологическому дискурсу. Во-первых, с точки зрения взаимодействия между медиа и обществом, воздействие СМИ на общественные демографические представления подтверждается многочисленными исследованиями. Дж. Кастерлайн¹²² указывает на значимую корреляцию между медиаконтактом и уровнем рождаемости, отмечая, что распространение новых идей о малом размере семьи и методах контрацепции способно изменить общественное восприятие идеального размера семьи, способствуя снижению рождаемости. Исследование Х. Грол-Прокопчик¹²³ демонстрирует, что журнал «People», благодаря многочисленным положительным репрезентациям знаменитостей с внебрачными детьми, содействовал дестигматизации внебрачного рождения в обществе. П. Конзо и соавторы¹²⁴ выявили, что негативное освещение в СМИ существенно усиливает предубеждения общества и отторжение по отношению к мигрантам. В противовес этому, по мнению Г.

¹²⁰ Чжан Ханьсян. О демографической коммуникации в контексте научного прогресса // Современная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 49–51. [张汉湘.(2009).论科学发展语境下的人口传播.现代传播. 中国传媒大学学报]

¹²¹ Ся Вэйбо, Янь Гуйси, Ван Жао. Вопросы и теоретические направления в столетнем исследовании демографической коммуникации с международной точки зрения // Журнал Цзилинского педагогического университета. – 2024. – № 5. – С. 99–108. [夏维波,颜贵禧 & 王尧.(2024).国际视域下百年人口传播研究的问题指向和理论动向.吉林师范大学学报(人文社会科学版)]

¹²² Casterline, J. B. (2001). Mass media and fertility change. In *National Research Council (Ed.), Diffusion processes and fertility transition: Selected perspectives* (Chapter 7, pp. 208–235). Washington, DC: *National Academies Press*.

¹²³ Grol-Prokopczyk, H. (2018). Celebrity culture and demographic change: The case of celebrity nonmarital fertility, 1974–2014. *Demographic Research*, 39, 251–284.

¹²⁴ Conzo, P., Fuochi, G., Anfossi, L., et al. (2021). Negative media portrayals of immigrants increase ingroup favoritism and hostile physiological and emotional reactions. *Sci Reports*, 11, Article 16407.

Кристманн ¹²⁵, путем формирования положительного демографического дискурса можно преобразовать восприятие деревни из «умирающей» в «динамичную», меняя доминировавшее ранее отрицательное общественное мнение.

С углублением глобализации и усложнением международных отношений демографический дискурс давно перестал быть нейтральной социальной темой и превратился в важный инструмент национальной политической стратегии. Т. Этцемюллер ¹²⁶ отмечает, что с момента возникновения евгенических идей в XIX веке население часто рассматривалось в рамках бинарной структуры: либо как потенциальный ресурс (когда его количество и «качество» считались подходящими), либо как угроза (когда считалось, что происходит «деградация»). Это мышление находится под сильным влиянием мальтузианства, рассматривающего население как чисто экономическую переменную. Р. Кассен указывает, что теория Т. Мальтуса ограничена контекстом своего времени и игнорирует технологический прогресс и механизмы социальной адаптации демографической структуры, поэтому не является универсальной¹²⁷. Хотя Т. Мальтус подчеркивал проблему избытка населения и нехватки ресурсов, современные медиа часто применяют эту логику в обратном направлении к сценариям сокращения населения, упрощая демографический спад до предвестника экономического упадка и формируя линейные нарративы «демографического кризиса». Такое мышление, приравнивающее население к единственной экономической переменной, скрывает возможности структурной адаптации и долгосрочного приспособления, способствуя распространению кризисных нарративов.

В освещении демографической политики развивающихся стран западными мейнстримными медиа эта тенденция проявляется особенно ярко.

¹²⁵ Christmann, G.B. (2017). Analysing Changes in Discursive Constructions of Rural Areas in the Context of Demographic Change. Towards Counterpoints in the Dominant Discourse on “Dying Villages”. *Comparative Population Studies*. 41, 3–4.

¹²⁶ Etzemüller, T. (2011). The population discourse: a transnational matrix; the case of Germany and Sweden. *Historical Social Research*, 36(2), 101-119.

¹²⁷ Cassen, R. (1994). Population and development: Old debates, new conclusions. In R. Cassen, K. K. Griffin, & R. C. H. Haas (Eds.), *Population and development: Old debates, new conclusions* (pp. 1–26). New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.

С. Гринхалг¹²⁸ в своем критическом исследовании того, как западные СМИ освещают демографическую политику Китая, показывает, что западные медиа обычно избирательно подчеркивают «тоталитарные» и «репрессивные» характеристики политики, намеренно или непреднамеренно игнорируя социально-исторический контекст возникновения демографической политики и сложность ее реализации. Аналогично, Н. Наоми¹²⁹, отмечает, что американские СМИ склонны критиковать политику Китая в области рождаемости и демографического управления с позиции прав человека, что долгое время усиливало негативные стереотипы о Китае и политическое противостояние.

Несмотря на важную роль СМИ в демографической коммуникации, в освещении демографических вопросов присутствуют явные искажения и вводящая в заблуждение информация. В. В. Юмагузин¹³⁰ в результате анализа содержания российских интернет-СМИ обнаружил, что медиа при освещении демографических проблем часто используют неверные термины и статистические показатели, что вводит общественность в заблуждение. Кроме того, в погоне за новостной ценностью, упрощением информации и в угоду политическим интересам, СМИ часто изображают демографические изменения как «демографический апокалипсис» (например, «демографический кризис» или «исчезновение населения»), создавая панику с помощью упрощённых графиков и преувеличенных формулировок¹³¹, что искажает научное понимание демографических проблем как у общественности, так и у лиц, принимающих решения. В контексте международной коммуникации демографические данные из изначально академического инструмента трансформируются в ресурс для геополитических нарративов, основная функция которых — формирование

¹²⁸ Greenhalgh, S. (2003). Planned Births, Unplanned Persons: "Population" in the Making of Chinese Modernity. *American Ethnologist*, 30(2), 196–215.

¹²⁹ Hauser, N. W. (2011). American discourse on China: A cross-time comparison of U.S. news framing of China's one-child policy, 1979-2009 [Thesis, University of Missouri--Columbia].

¹³⁰ Юмагузин В. В. Основные ошибки и неточности в статьях по демографической тематике в СМИ / В. В. Юмагузин, М. В. Винник // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2016. – № 4. – С. 3-21.

¹³¹ Messerschmidt, R. (2014). "Garbled demography" or "Demographization of the social"? – A Foucaultian Discourse Analysis of German Demographic Change at the Beginning of the 21st Century. *Historical Social Research*, 39(1 (147)), 299–335.

негативных ожиданий относительно перспектив развития других стран, используя «внешне объективные» прогнозы данных для обслуживания дискурсивных потребностей стратегической конкуренции. «Долгосрочные прогнозы сами по себе крайне неопределённые, однако медиа и политики зачастую используют их как непреложную истину»¹³². Эти проблемы не только снижают достоверность медийных сообщений, но и усиливают политизацию демографических вопросов.

Обобщая вышеприведенную литературу, можно видеть, что демографический дискурс через распространение в медиа эволюционировал от простого распространения информации к инструменту, глубоко влияющему на общественное восприятие и международные политические отношения. Фреймы освещения и дискурсивные стратегии, используемые СМИ при распространении демографической информации, не только напрямую влияют на коллективное понимание обществом демографических проблем, но и усиливают тенденцию к политизации демографических вопросов на международном уровне.

Таким образом, рассматриваемый в данном исследовании *«демографический медиадискурс»* можно понимать как: *комплексную дискурсивную практику, в которой медиа, используя языковые и неязыковые символы, стратегически отбирают, конструируют и распространяют информацию, связанную с демографией (например, демографические изменения, демографическая политика и ее социально-экономические последствия, рождаемость, миграция, старение населения и т.д.), и через этот процесс отражают и регулируют общественное восприятие, формируют определенные идеологии и, как следствие, влияют на или отражают направления политики и международных отношений.*

¹³² Teitelbaum, M. S. (2014). Political demography: Powerful forces between disciplinary stools. *International Area Studies Review*, 17(2), 99-119.

1.2. Методологические подходы к изучению медиадискурса: тематическое моделирование с поддержкой корпусного дискурсивного анализа

Сочетание критического дискурс-анализа, корпусного лингвистики и тематического моделирования открывает инновационные методологические перспективы для исследования сложных медиадискурсов. В данном разделе детально рассматриваются теоретические основы и операционные принципы такого метода, анализируется их взаимодополняющий потенциал в дискурсивных исследованиях, а также обсуждается возможность методологической интеграции для системного анализа масштабных медиатекстов с целью выявления скрытых идеологических конструктов, лежащих в основе демографического дискурса.

Принципы и подходы критического анализа дискурса (КДА)

Критический дискурс-анализ (КДА), берущий свои теоретические истоки в системно-функциональной лингвистике Холлидея и дискурсивной теории Фуко, был развит Норманом Фэрклоу и другими исследователями в конце 1980-х годов. В научном сообществе КДА воспринимается как методология изучения взаимосвязи между использованием языка и социальным контекстом, с особым акцентом на том, «как власть, доминирование и социальное неравенство конструируются, поддерживаются, воспроизводятся и сопротивляются в дискурсе»¹³³.

Критический дискурс-анализ имеет проблемно-ориентированный характер, фокусируясь на таких социальных вопросах, как расизм, идентичность, гендер и социальные изменения¹³⁴. По утверждению Н. Фэрклоу¹³⁵, критические дискурсивные исследования стремятся к идентификации скрытых «связей между языком, идеологией и властью» и

¹³³ Amoussou, F., Allagbe, A. (2018). Principles, Theories and Approaches to Critical Discourse Analysis. *Int J Stud Engl Lang Lit*, 6(1):11–18.

¹³⁴ Wodak, R., Chilton, P. (2005). *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis: Theory, methodology and interdisciplinarity*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

¹³⁵ Fairclough, N. (2001). *Language and Power*. 2nd edition. (p.5.) Harlow, Eng.; New York: Routledge.

объяснению того, как властные отношения неявно транслируют идеологические установки и обретают убедительность в дискурсе¹³⁶.

Дискурс-анализ не ограничивается строго определенными теориями или методами исследования¹³⁷. Как отмечает Н. Фэрклоу, критический дискурс-анализ как научное направление характеризуется *восемью ключевыми признаками*: 1. КДА исследует социальные проблемы; 2. Властные отношения имеют дискурсивную природу; 3. Дискурс конструирует общество и культуру; 4. Дискурс функционирует идеологически; 5. Дискурс исторически обусловлен; 6. Между дискурсом и обществом существует опосредованная связь; 7. Дискурс-анализ носит интерпретативный и пояснительный характер; 8. Дискурс представляет собой форму социального действия¹³⁸. Эти принципы указывают на то, что дискурс является конкретной социальной практикой, отражающей социальность, однако отношения между дискурсом и обществом не прямые, а опосредованные. Язык служит идеологии, а дискурс воплощает эти идеологические конструкторы.

Представители школы КДА, исходя из своих специфических исследовательских интересов, разработали различные теоретические перспективы, однако все они соответствуют вышеуказанным характеристикам и разделяют общий интерес к «взаимосвязи между языком, властью и идеологией, а также интерпретации дискурса в социальном, культурном, политическом и институциональном контекстах»¹³⁹. К *ключевым методологическим подходам КДА относятся*: метод критической лингвистики Фаулера (critical linguistics, CL), акцентирующая внимание на связи языковых форм и властных структур; метод социокультурного анализа Фэрклоу (social-cultural analysis), подчеркивающий многоуровневую

¹³⁶ Fairclough, N. & Wodak, R. (1997). "Critical Discourse Analysis." In *Discourse as Social Interaction*, edited by Teun A. van Dijk, 258–285. London: SAGE.

¹³⁷ Fairclough, N., Mulderrig, J., & Wodak, R. (2011). Critical discourse analysis. In T. A. van Dijk (Ed.), *Discourse studies: A multidisciplinary introduction* (pp. 357–374). London, England: SAGE.

¹³⁸ Fairclough, N. & Wodak, R. (1997). "Critical Discourse Analysis." In *Discourse as Social Interaction*, edited by Teun A. van Dijk, 258–285. London: SAGE.

¹³⁹ Fairclough, N. (1992). *Discourse and social change*. Cambridge: Polity Press

интеграцию текста, дискурсивных практик и социальных практик; социально-когнитивный подход ван Дейка (social-cognitive approach), фокусирующаяся на взаимодействии индивидуального познания и дискурса; дискурсивно-исторический подход Водак (discourse-historical approach, ДИИ), выделяющий влияние исторического и культурного контекста на дискурс; и метод анализа социальных акторов ван Леувена, специализирующийся на изучении способов представления акторов в контексте властных отношений.

Становится очевидным, что дискурс-анализ не представляет собой строгий методологический регламент, а скорее включает аналитическую рамку (основанную на понимании роли дискурса в социальной и мировой политике) и набор аналитических методов для эмпирического исследования этой концепции ¹⁴⁰. В контексте настоящего исследования, для систематического изучения скрытых идеологических конструкторов в новостных сообщениях о демографических проблемах в Китае, России и США, была гибко адаптирована *трехмерная аналитическая модель Н. Фэрклоу* с методологическими рамками.

В критической теории трехмерная аналитическая модель Н. Фэрклоу получила широкое применение в анализе политического дискурса (Подобные исследования представлены в работах Ю. Лу ¹⁴¹, Р. Чжоу ¹⁴², Ю. Чжао ¹⁴³ и др.). Согласно концепции Н. Фэрклоу ¹⁴⁴, язык является воплощением социального конструирования, а КДА способен через текстовый анализ выявлять скрытые связи между языком, идеологией и властью. Трехмерная модель рассматривает языковое использование как коммуникативное событие, состоящее из трех измерений (см. рис. 1):

¹⁴⁰ Alejandro, A., & Zhao, L. (2024). Multi-Method Qualitative Text and Discourse Analysis: A Methodological Framework. *Qualitative Inquiry*, 30(6), 461–473.

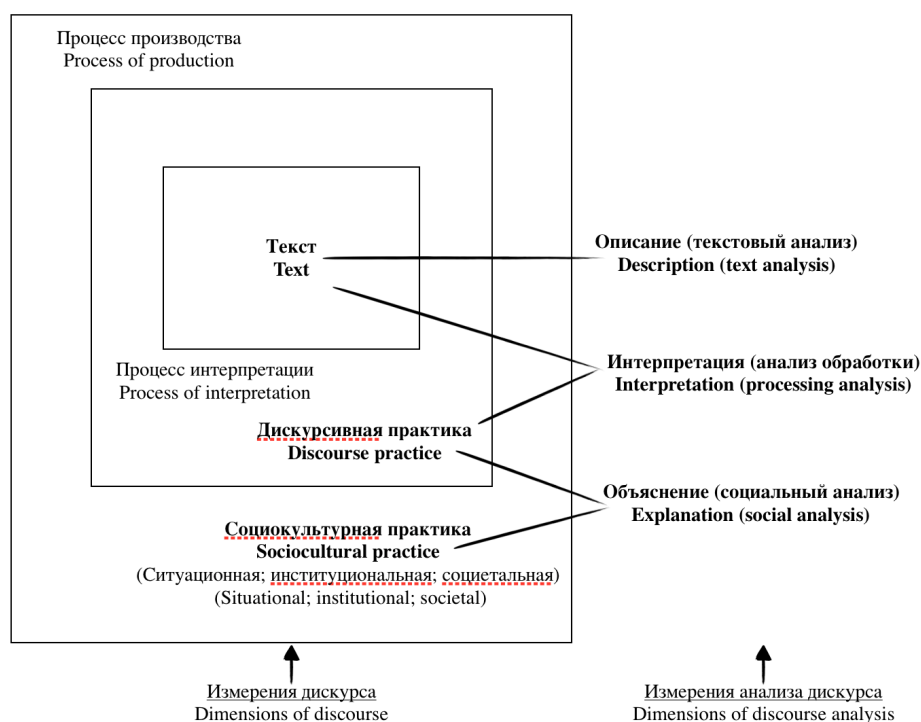
¹⁴¹ Lu, Y., Zhou, T. (2024). A critical discourse analysis of Chinese diplomatic speeches on China-US relations. *Humanit Soc Sci Commun*, 11, 1674.

¹⁴² Zhou, R., Qin, S. (2020). A Critical Discourse Analysis of News Reports on Sino-US Trade War in The New York Times. *Engl Lang Teach*, 13, 85–96.

¹⁴³ Zhao, Y. (2021). *A Critical Discourse Analysis of New Reports on UN Climate Change Conferences from Chinese and US Mainstream Newspapers*. China Acad J Electronic Publishing House.

¹⁴⁴ Fairclough, N. (2001). *Language and Power*. 2nd edition. Harlow, Eng.; New York: Routledge.

- **текстовый анализ (описание)** — лингвистические характеристики текста, включая структуру текста, выбор лексики или грамматические особенности, часто анализируемые с применением системно-функциональной грамматики (SFG) М. Холлидея ¹⁴⁵ и систем транзитивности, модальности и тема-рематических отношений;
- **анализ процесса (интерпретация)** — процессы производства, интерпретации и потребления текста, связанные с социальным познанием текстовой продукции и интерпретации, что объясняет взаимодействие текста и общества;
- **социальный анализ (объяснение)** — объяснение социокультурных факторов (политических, экономических, культурных, религиозных убеждений и групп интересов), связанных с производством и распространением текста, а также влияния текста на социокультурный контекст.

¹⁴⁵ Halliday, M. A. K. (1994). *An introduction to functional grammar* (2nd ed.). New York, NY: Routledge, Chapman and Hall, Inc.

Рис 1. Схематическое представление трехмерного подхода КДА по Н. Фэрклоу (Источник: *N.Fairclough, С. 133*¹⁴⁶, переведено и рисовано автором)

Этот метод не только фокусируется на текстовой репрезентации идеологии в медиа, но и выстраивает теоретическую рамку, связывающую текстовые характеристики с условиями производства и потребления текста и более широкими социальными процессами¹⁴⁷. Как замечает Н. Фэрклоу¹⁴⁸, три измерения не изолированы друг от друга, в практическом анализе они переплетаются между собой, причем отправная точка анализа определяется целями исследования. Особенно важно подчеркнуть, что ван Дейк настаивает на том, что **«КДА — не метод, а теоретическая перспектива, которая может интегрировать различные методы»**, если они придерживаются базовой критической перспективы и фокусируются на «производстве и воспроизводстве языка, власти и идеологии». Таким образом, исследователи могут осуществлять КДА, формулируя критические цели и определяя конкретные методы для их достижения¹⁴⁹.

На основе вышеизложенного, в данном исследовании будет применен комбинированный метод ТМ+КДА для реализации исследовательских задач. В следующих двух подразделах будут последовательно представлены теоретические основания и обоснование этого подхода, а также конкретные методы его применения.

***Тематическое моделирование в анализе медиадискурса:
теоретическая основа и обоснование***

Критический дискурс-анализ (КДА) как качественный инструмент исследования играет важную роль в раскрытии властных отношений, идеологических конструкторов и механизмов воспроизводства социального неравенства, однако обладает определенными ограничениями. КДА нередко

¹⁴⁶ Fairclough, N. (2010). *Critical discourse analysis: The critical study of language* (2nd ed., p. 133). Longman.

¹⁴⁷ Schröder, K. C. (2005). Media Pragmatics. In K. Brown (Ed.), *Encyclopedia of Language and Linguistics* (2 ed., Vol. 7, pp. 623–631). Pergamon Press.

¹⁴⁸ Fairclough, N. (2001). *Language and Power*. 2nd edition. Harlow, Eng.; New York: Routledge.

¹⁴⁹ van Dijk T. (2013). CDA is NOT a method of critical discourse analysis. Retrieved from <http://www.edisportal.org/debate/115-cda-not-method-critical-discourse-analysis>

критикуют за «избирательный» подход к текстам, подтверждающим предзаданные представления¹⁵⁰, и сверхинтерпретацию¹⁵¹, что вызывает обоснованные вопросы о репрезентативности выборки и объективности результатов. Кроме того, традиционный КДА обычно применяется к фрагментарному анализу небольших массивов данных, что может приводить к игнорированию системных дискурсивных паттернов, выявляемых только при работе с крупными текстовыми корпусами¹⁵². В эпоху больших данных эти ограничения становятся особенно заметными¹⁵³.

Как отмечалось в разделе 1.2.1, КДА представляет собой открытую теоретическую рамку, способную расширять свой критический потенциал через интеграцию с другими инструментами. Для преодоления ограничений критического дискурс-анализа исследователи, в том числе М. Стаббс¹⁵⁴, А. Партингтон¹⁵⁵, П. Бейкер и Т. МакЭнери¹⁵⁶) разработали подход корпусных дискурсивных исследований (Corpus-Assisted Discourse Studies, CDAS), объединяющий вычислительные методы корпусной лингвистики (извлечение ключевых слов, анализ коллокаций и конкорданса) с КДА. С помощью компьютерных инструментов CDAS позволяет автоматически выявлять и анализировать языковые паттерны¹⁵⁷, эффективно обрабатывать масштабные данные, одновременно предоставляя отправные точки для критической интерпретации языковых особенностей в конкретных контекстах. Подобная интеграция обеспечивает как количественный анализ крупных корпусов, так и глубокое контекстуальное прочтение языковых характеристик, что

¹⁵⁰ Baker, P., & Levon, E. (2015). Picking the right cherries? A comparison of corpus-based and qualitative analyses of news articles about masculinity. *Discourse & Communication*, 9(2), 221–236.

¹⁵¹ Baker, P., Gabrielatos, C., KhosraviNik, M., Krzyżanowski, M., McEnery, T., & Wodak, R. (2008). A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press. *Discourse & Society*, 19(3), 273–306.

¹⁵² Stubbs, M. (1994). Grammar, text, and ideology: Computer-assisted methods in the linguistics of representation. *Applied Linguistics*, 15(2), 201–223.

¹⁵³ Törnberg, A., & Törnberg, P. (2016). Muslims in social media discourse: Combining topic modeling and critical discourse analysis. *Discourse, Context & Media*, 13, 132–142.

¹⁵⁴ Stubbs, M. (1994). Grammar, text, and ideology: Computer-assisted methods in the linguistics of representation. *Applied Linguistics*, 15(2), 201–223.

¹⁵⁵ Partington, A., Morley, J., & Haarman, L. (Eds.). (2004). *Corpora and discourse*. Bern, Switzerland: Peter Lang.

¹⁵⁶ Baker, P., Gabrielatos, C., KhosraviNik, M., Krzyżanowski, M., McEnery, T., & Wodak, R. (2008). A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press. *Discourse & Society*, 19(3), 273–306.

¹⁵⁷ Cheng, W. (2013). Corpus-based linguistic approaches to critical discourse analysis. In C. Chapelle (Ed.), *The encyclopedia of applied linguistics* (pp. 1353–1360). West Sussex, UK: Wiley-Blackwell.

существенно повышает научную обоснованность и объяснительную силу исследования.

Несмотря на то, что традиционные количественные методы корпусной лингвистики расширили границы дискурс-анализа, они всё же зависят от эталонных корпусов и предустановленных ключевых слов, отличаются низкой эффективностью ручной классификации и ограниченными возможностями в выявлении латентных тематических структур в больших массивах данных¹⁵⁸. Схожую критику формальных методов корпусной лингвистики за недостаточное внимание к контекстуальному анализу высказывает российский исследователь Чернявская В. Е.¹⁵⁹. В ответ на эти ограничения ряд ученых, в том числе А. Тёрнберг и П. Тёрнберг¹⁶⁰, А. Мураками¹⁶¹ и С. Яворска и А. Нанда,¹⁶² предложили комбинировать тематическое моделирование (Topic Modelling, далее также ТМ) с КДА. Этот подход, основанный на корпусно-ориентированных технологиях обучения без учителя, позволяет извлекать скрытые языковые паттерны из массивов данных, избегая искажений от предзаданных ключевых слов или гипотез¹⁶³. В то же время тематическое моделирование (ТМ) способно улавливать полисемию слов и их динамическое значение в различных контекстах, что обеспечивает более тонкий анализ сложных дискурсов¹⁶⁴. Более того, У. Джо¹⁶⁵ подчеркивает превосходство ТМ в обработке данных, значительно превосходящих возможности ручного анализа, что существенно повышает

¹⁵⁸ Törnberg, A., & Törnberg, P. (2016). Muslims in social media discourse: Combining topic modeling and critical discourse analysis. *Discourse, Context & Media*, 13, 132–142.

¹⁵⁹ Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – № 9 (4). – С. 83–93.

¹⁶⁰ Törnberg, A., & Törnberg, P. (2016). Muslims in social media discourse: Combining topic modeling and critical discourse analysis. *Discourse, Context & Media*, 13, 132–142.

¹⁶¹ Murakami, A., Thompson, P., Hunston, S., Vajn, D. (2017). ‘What is this corpus about?’ Using topic modelling to explore a specialised corpus. *Corpora*, 12(2), 243–277.

¹⁶² Jaworska, S., Nanda, A. (2018). Doing well by talking good: A topic modelling-assisted discourse study of corporate social responsibility. *Applied Linguistics*, 39(3), 373–399.

¹⁶³ Törnberg, A., & Törnberg, P. (2016). Muslims in social media discourse: Combining topic modeling and critical discourse analysis. *Discourse, Context & Media*, 13, 132–142.

¹⁶⁴ Jacobs, T., & Tschötschel, R. (2019). Topic models meet discourse analysis: a quantitative tool for a qualitative approach. *International Journal of Social Research Methodology*, 22(5), 469–485.

¹⁶⁵ Jo, W. (2019). Possibility of Discourse Analysis using Topic Modeling. *Journal of Asian Sociology*, 48(3), 321–342.

репрезентативность исследования и создает уникальные преимущества в выявлении динамических тем и долговременных дискурсивных изменений¹⁶⁶.

Тем не менее, тематическому моделированию присущи определенные ограничения. Г. Брукс и Т. МакЭнери,¹⁶⁷ отмечают относительно слабую чувствительность ТМ к языковым нюансам, поскольку оно основано на принципе «мешка слов», рассматривающем текст как неупорядоченное множество лексических единиц и игнорирующем роль грамматики и контекста. Помимо этого, результаты ТМ характеризуются некоторой случайностью и невоспроизводимостью, а ключевые параметры анализа требуют ручной настройки исследователем и зависят от субъективной интерпретации, что снижает объяснительный потенциал результатов¹⁶⁸. М. Беднарек и др.¹⁶⁹ дополнительно акцентируют внимание на том, что высокий технический порог и «чернощичный» характер алгоритмов ТМ ограничивают его прозрачность¹⁷⁰ и могут создавать барьеры для исследователей без математической подготовки¹⁷¹.

В связи с этим исследователи рекомендуют более глубокую интеграцию корпусной лингвистики и дискурс-анализа в исследованиях с применением ТМ для достижения баланса между статистическими преимуществами и лингвистическими и социологическими аспектами¹⁷². С одной стороны, ТМ через технологии обучения без учителя идентифицирует имплицитные языковые паттерны в крупных корпусах, компенсируя систематические и глобальные перспективы, которые могут быть упущены в малых выборках КДА¹⁷³. Кроме того, статистические данные о популярности и распределении тем в ТМ не только снижают зависимость от субъективности исследователя в

¹⁶⁶ Brookes, G., & McEnery, T. (2018). The utility of topic modelling for discourse studies: A critical evaluation. *Discourse Studies*, 21(1), 3–21.

¹⁶⁷ Ibidem.

¹⁶⁸ Murakami, A., Thompson, P., Hunston S, Vajn D (2017) ‘What is this corpus about?’ Using topic modelling to explore a specialised corpus. *Corpora*, 12(2), 243–277.

¹⁶⁹ Bednarek, M. (2024). Topic modelling in corpus-based discourse analysis: Uses and critiques. *Discourse Studies*, 0(0).

¹⁷⁰ Jaworska, S., Nanda, A. (2018). Doing well by talking good: A topic modelling-assisted discourse study of corporate social responsibility. *Applied Linguistics*, 39(3), 373–399.

¹⁷¹ Busso, L., Petyko, M., Atkins, S., et al. (2022) Operation Heron: Latent topic changes in an abusive letter series. *Corpora* 17(2), 225–258.

¹⁷² Bednarek, M. (2024). Topic modelling in corpus-based discourse analysis: Uses and critiques. *Discourse Studies*, 0(0).

¹⁷³ Törnberg, A., & Törnberg, P. (2016). Muslims in social media discourse: Combining topic modeling and critical discourse analysis. *Discourse, Context & Media*, 13, 132–142.

КДА, но и расширяют возможности изучения динамических дискурсивных паттернов¹⁷⁴. С другой стороны, КДА со своей критической перспективой, подчеркивающей глубокое прочтение контекста и социального значения, компенсирует недостаточную чувствительность ТМ к грамматике и контексту. При раскрытии идеологических и властных отношений КДА может интерпретировать темы, сгенерированные ТМ, в более широких социальных и культурных рамках, тем самым углубляя объяснительный и критический потенциал анализа¹⁷⁵.

С точки зрения **методологической обоснованности**, КДА традиционно рассматривается как подход, который может и должен сочетаться с различными теориями и методами¹⁷⁶. Эффективность его интеграции с ТМ была подтверждена многими исследователями, включая Т. Джейкобс¹⁷⁷, А. Аранда¹⁷⁸ и Г. Брукс¹⁷⁹, которые отмечают, что это сочетание не противоречит эпистемологическим предпосылкам и методологическому духу дискурсивной теории. Особенно значимым представляется замечание Ф. Бринкманн,¹⁸⁰ о практической ценности ТМ в идентификации и кластеризации документов в рамках одной или нескольких тем, что особенно ценно для выявления дискурсивных структур. Более того, поскольку ТМ и КДА разделяют подход к дискурсу как к семантической макроструктуре, темам и топикам, ТМ может эффективно применяться для анализа семантических макроструктур в текстах.

Благодаря этой методологической инновации КДА вносит существенный вклад в критическую интерпретацию социально-политического и идеологического контекста, в то время как ТМ со своей

¹⁷⁴ Jo, W. (2019). Possibility of Discourse Analysis using Topic Modeling. *Journal of Asian Sociology*, 48(3), 321–342.

¹⁷⁵ Aranda, A. M., Sele, K., Etchanchu, H., Guyt, J. Y., & Vaara, E. (2021). From big data to rich theory: Integrating critical discourse analysis with structural topic modeling. *European Management Review*, 18(3), 197–214.

¹⁷⁶ Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London and New York: Routledge.

¹⁷⁷ Jacobs, T., & Tschötschel, R. (2019). Topic models meet discourse analysis: a quantitative tool for a qualitative approach. *International Journal of Social Research Methodology*, 22(5), 469–485.

¹⁷⁸ Aranda, A. M., Sele, K., Etchanchu, H., Guyt, J. Y., & Vaara, E. (2021). From big data to rich theory: Integrating critical discourse analysis with structural topic modeling. *European Management Review*, 18(3), 197–214.

¹⁷⁹ Brookes, G., & McEnery, T. (2018). The utility of topic modelling for discourse studies: A critical evaluation. *Discourse Studies*, 21(1), 3–21.

¹⁸⁰ Brinkmann, F. (2019). Topical discourse structures: Using topic modeling in discourse analysis approaches. *Human IT: Journal for Information Technology Studies as a Human Science*, 14(3), 83–114.

эффективностью и систематичностью восполняет пробелы КДА в обработке масштабных данных. Взаимно дополняя друг друга и балансируя между датаориентированным анализом и критической интерпретацией, эти подходы успешно преодолевают разрыв между количественными и качественными методами, не только обеспечивая теоретическую согласованность и практическую применимость ¹⁸¹, но и предоставляя комплексную методологическую основу для исследования сложных дискурсивных феноменов.

Тематическое моделирование с поддержкой корпусного дискурсивного анализа: подходы и применение

В корпусных исследованиях дискурса (CDAS) многие методы по сути представляют собой реорганизацию лексических единиц в корпусе, например, по частотности, значимости или силе совместной встречаемости, что обеспечивает иной взгляд, чем при чтении отдельного текста ¹⁸². Традиционный процесс корпусной лингвистики (CL) включает: после создания и очистки корпуса, использование инструментов (таких как AntConc, WordSmith, Sketch Engine) для извлечения ключевых и высокочастотных слов с целью идентификации основных тем; выявление семантических связей и фразовых моделей через анализ коллокаций, совместной встречаемости и n-граммных кластеров; изучение особенностей выражения через анализ ключевых слов в контексте (KWIC); наконец, помещение количественных результатов в социокультурный контекст для критического анализа, чтобы раскрыть скрытые значения в тексте ¹⁸³. Например, в исследовании Пэй и Чэнь ¹⁸⁴ освещения технологии 5G в китайских и британских СМИ обнаружено, что китайские медиа склонны использовать слова «технология», «прорыв» для создания нарратива

¹⁸¹ Aranda, A. M., Sele, K., Etchanchu, H., Guyt, J. Y., & Vaara, E. (2021). From big data to rich theory: Integrating critical discourse analysis with structural topic modeling. *European Management Review*, 18(3), 197–214.

¹⁸² Murakami, A., Thompson, P., Hunston, S., Vajn, D. (2017). ‘What is this corpus about?’ Using topic modelling to explore a specialised corpus. *Corpora*, 12(2), 243–277.

¹⁸³ Baker, P. (2006) *Using Corpora in Discourse Analysis*. London: Continuum.

¹⁸⁴ Pei, J., Cheng, L. (2024). Representations of 5G in the Chinese and British press: a corpus-assisted critical discourse analysis. *Humanit Soc Sci Commun*, 11, 400.

технологического прогресса, в то время как британские фокусируются на «безопасности» и «угрозе», формируя рамки геополитической конкуренции. Анализ коллокаций показал, что в британских СМИ «безопасность» часто сочетается с «угрозой» и «Huawei», тогда как в китайских «технология» сочетается с «лидирующий» и «будущее». Анализ согласованности далее выявил, что британские СМИ склонны рассматривать 5G как риск, а китайские подчеркивают положительное значение технологических инноваций, демонстрируя потенциал CDAS в исследовании идеологии дискурса. Подобные методы также широко применяются в междисциплинарном анализе политического¹⁸⁵ и экологического¹⁸⁶ дискурса.

В последние годы с увеличением масштаба и сложности данных тематическое моделирование (ТМ) — особенно латентное размещение Дирихле (LDA), структурные тематические модели (STM), динамические тематические модели (DTM) — стало важным дополнением исследований дискурса. По сравнению с традиционными инструментами CL, ТМ посредством статистического моделирования восполняет ограничения анализа ключевых слов в идентификации тематической иерархии, отслеживании временной динамики, что позволяет проводить исследования CDAS на более системном и эмпирически обоснованном уровне. В применении интеграции ТМ и CDAS различные аналитические процессы интегрируются, обеспечивая более комплексный взгляд на исследование дискурса. LDA как распространённый метод тематического моделирования способен идентифицировать латентные тематические структуры в больших корпусах. Его базовый процесс включает: предварительную обработку текста, такую как токенизация, удаление стоп-слов, выделение основы или лемматизация для очистки данных¹⁸⁷; затем LDA через вероятностное моделирование вычисляет распределение документ-тема и тема-слово,

¹⁸⁵ Lu, Y., Zhou, T. (2024). A critical discourse analysis of Chinese diplomatic speeches on China-US relations. *Humanit Soc Sci Commun*, 11, 1674.

¹⁸⁶ Liu, M., & Huang, J. (2024). Framing responsibilities for climate change in Chinese and American newspapers: A corpus-assisted discourse study. *Journalism*, 25(8), 1792–1811.

¹⁸⁷ Blei, D. (2012) Probabilistic Topic Models. *Communications of the ACM*, 55, 77–84.

идентифицируя основные темы на основе моделей совместной встречаемости слов¹⁸⁸. Суть этого процесса заключается в постепенном распределении слов корпуса по наиболее релевантным тематическим кластерам через множественные итерации алгоритма. Например, в корпусе, содержащем материалы по «уходу за домашними животными», LDA может идентифицировать две основные темы, где одна включает высокочастотные слова «корм для собак», «выгул», «тренировка», а другая — «кошачий наполнитель», «когтеточка», «корм для кошек». Вычисляя вероятностное распределение терминов в разных темах, LDA постепенно раскрывает тематическую структуру текстового массива, обеспечивая исследователей количественно обоснованной картиной дискурсивного ландшафта.

На основе анализа методологии соответствующей литературы можно выделить следующие *операционные этапы* исследования КДА с применением ТМ:

1. Выбор теоретической аналитической рамки: определение подходящей теории анализа дискурса в соответствии с целями исследования, например, дискурсивно-исторический подход (ДИА), трехмерная рамка Н. Фэркло или социально-когнитивная теория Ван Дейка и др.
2. Сбор данных и предварительная обработка текста: построение корпуса, проведение необходимой очистки и стандартизации текста.
3. Тематическое моделирование и классификация: использование методов LDA, STM для определения количества тем в тексте, извлечение латентных тем на основе моделей распределения слов и их индуктивное наименование в сочетании со списками ключевых слов.
4. Выбор ключевых слов: исследователи на основе тематического моделирования выбирают ключевые слова, тесно связанные с целями исследования, обычно по критериям частотности, тематического веса, временной эволюции или семантической спорности.

¹⁸⁸ Jacobs, T., & Tschötschel, R. (2019). Topic models meet discourse analysis: A quantitative tool for a qualitative approach. *International Journal of Social Research Methodology*, 22(5), 469–485.

5. Анализ коллокаций и контекста ключевых слов: использование корпусных инструментов (например, AntConc) для анализа моделей совместной встречаемости ключевых слов, риторических особенностей и эмоциональных тенденций, а также исследование тенденций эволюции тем и их семантических связей в сочетании с временной динамикой или корреляционным анализом.
6. Сочетание количественного и качественного анализа для интерпретации дискурса: объединение количественных результатов тематического моделирования с выбранной рамкой анализа дискурса для раскрытия конструирования смысла за текстом и его социокультурного фона.

При таком методологическом сочетании ТМ через алгоритмы предоставляет количественный взгляд на макроструктуру корпуса, в то время как CDA глубоко анализирует использование языка в конкретном контексте, выявляя, каким образом идентифицированные темы отражают и конструируют более широкие социальные, культурные или политические значения. Рассмотрим более конкретные примеры применения:

А. Тёрнберг и П. Тёрнберг¹⁸⁹ предоставляют детальный пример применения LDA. Они анализируют дискурс о мусульманах в социальных медиа через извлечение тематических кластеров «terrorism/терроризм» и «immigration/иммиграция». Затем используют CDAS для критической интерпретации этих кластеров, чтобы раскрыть более широкую социальную идеологию, например, расиализацию ислама.

Интересный подход демонстрирует Б. Джи¹⁹⁰, исследовавший стратегии освещения события делистинга компании «Didi» в СМИ через комбинацию тематического моделирования и корпусного анализа дискурса (CADS). Автор сначала извлек тематическое распределение репортажей через тематическое моделирование, затем выбрал три ключевых слова — «security/безопасность»,

¹⁸⁹ Törnberg, A., & Törnberg, P. (2016). Muslims in social media discourse: Combining topic modeling and critical discourse analysis. *Discourse, Context & Media*, 13, 132–142.

¹⁹⁰ Jin, B. (2023). A Topic-Modelling-Assisted Discourse Study of DiDi's Delisting from the New York Stock Exchange in Anglo-American Media Coverage. *Critical Arts*.

«Beijing/Пекин» и «crackdown/репрессии», используя Sketch Engine для дальнейшего анализа коллокаций, и наконец интерпретировал, как эти медиа через дискурс конструируют негативный образ китайских технологических компаний и логику власти в международном общественном мнении.

Особую ценность представляют исследования, сочетающие тематическое моделирование с анализом временных рядов для изучения связей тем в их временной динамике. С. Яворская¹⁹¹ изучает, как внешние события влияют на дискурсивные стратегии компаний, анализируя распределение тем в отчетах о корпоративной социальной ответственности. В итоге исследователь выбирает два репрезентативных ключевых слова из результатов тематического моделирования, сочетая анализ коллокаций и временных рядов, чтобы раскрыть, как компании корректируют свой дискурс для выражения стратегий ответственности. А. Аранда¹⁹² используют структурное тематическое моделирование (STM) для извлечения тем дискурса табачной индустрии, отслеживают их изменения через анализ временных рядов и применяют корреляционный анализ для выявления связи между текстами о «ментоле» и темой «привлечения молодежи», в конечном счете интерпретируя через критический анализ дискурса, как различные заинтересованные стороны используют дискурс для формирования легитимности табачной индустрии. Подобное сочетание ТМ и КДА с использованием корпусных инструментов можно также наблюдать в работах Чжао Цянь¹⁹³, Шао Пэн¹⁹⁴, Р. Грундманн¹⁹⁵, М. Йе и П. Томас¹⁹⁶ и других.

¹⁹¹ Jaworska, S., Nanda, A. (2018). Doing well by talking good: A topic modelling-assisted discourse study of corporate social responsibility. *Applied Linguistics*, 39(3), 373–399.

¹⁹² Aranda, A. M., Sele, K., Etchanchu, H., Guyt, J. Y., & Vaara, E. (2021). From big data to rich theory: Integrating critical discourse analysis with structural topic modeling. *European Management Review*, 18(3), 197–214.

¹⁹³ Чжао Цянь, Цай Шуминь. Репрезентация «остранивания» экологического образа Китая: анализ дискурсивных механизмов в «The New York Times» // Журнал Хэбэйского педагогического университета (Философия и социальные науки). – 2024. – Т. 47, № 1. – С. 147–156. [赵乾 & 蔡舒敏. 中国生态环境形象的“他者化”呈现: 基于《纽约时报》的话语机制分析. 河北师范大学学报(哲学社会科学版)]

¹⁹⁴ Шао Пэн, Ван Шэн, Инь Энтин. Эффект наделения властью в сетевом трауре: дискурсивные практики и борьба за власть в мемориальных пространствах социальных медиа // Журнал коммуникации и общества. – 2024. – № 70. – С. 115–151. [邵鹏, 王晟 & 應恩挺. 網絡哀悼的賦權效應: 社交媒體哀悼空間的話語實踐與權力博弈. 傳播與社會學刊 1]

¹⁹⁵ Grundmann, R. (2021). Using large text news archives for the analysis of climate change discourse: some methodological observations. *Journal of Risk Research*, 25(3), 395–406.

¹⁹⁶ Ye, M., & Thomas, P. (2020). Paternalism in China Daily's coverage of Chinese Muslims (2001–2015). *Discourse & Communication*, 14(3), 314–331.

Следовательно, сочетание традиционных инструментов корпусной лингвистики (CL) с методами тематического моделирования (TM) повышает гибкость и глубину исследований CDAS, обеспечивая более всестороннюю количественную поддержку и углубленный анализ контекста в изучении медиадискурса, а также укрепляя способность к комплексному осмыслению сложных дискурсивных явлений.

1.3. Демографическая коммуникация и её роль в современных медиа

Китайский социолог Фэй Сяотун отмечает, что репродуктивная система охватывает социальные институты и отношения, возникающие из потребности в продолжении рода, такие как брак, семейная организация и отношения между родителями и детьми. Эти институты не только обеспечивают продолжение человеческого общества, но и поддерживают стабильность социальной структуры¹⁹⁷. В данном контексте демографическая политика выступает ключевым внешним инструментом репродуктивной системы, способствуя стабильному «метаболизму» общества через регулирование репродуктивного поведения и семейной структуры. На протяжении всего этого динамического процесса медийное освещение пронизывает полный цикл политики — от «разработки и реализации» через «восприятие и обсуждение» к «обратной связи и корректировке», при этом роль СМИ непрерывно эволюционирует вместе с трансформацией политического курса и сменой исторических эпох.

Исходя из этого, в данном разделе прослеживается история развития демографической политики Китая и моделей её коммуникации, исследуются изменения роли СМИ в демографической коммуникации, а также представлен обзор соответствующих исследований для более четкого представления концепции демографического дискурса.

¹⁹⁷ Фэй Сяотун. Сельский Китай. Репродуктивная система. — Пекин: Издательство Пекинского университета, 1998. — С. 135–160. [费孝通. 乡土中国. 生育制度. 北京大学出版社]

История и основные этапы развития демографической политики

Китай

Демография (англ. *Demography*) – это научная дисциплина, изучающая численность, распределение, структуру населения и их изменения, а также факторы, влияющие на эти изменения, и их социально-экономические последствия¹⁹⁸. За последние десятилетия *фокус демографических исследований* существенно расширился от ранних технических анализов общей статистики населения к более широкому спектру вопросов, включая здоровье и благосостояние, старение, неравенство, образование и развитие детей, гендер и брак, рождаемость, изменения в структуре семьи, миграцию населения, расовую сегрегацию, рабочую силу, занятость, окружающую среду и изменение климата, что отражает многогранный, междисциплинарный характер современной демографии¹⁹⁹.

В свою очередь, *демографическая политика* представляет собой административно-исполнительные меры и руководящие принципы, разработанные правительством для предотвращения, замедления или решения дисбаланса между демографическими переменными и социальными, экономическими и политическими целями— по сути, это институциональная реакция государства на демографические вызовы²⁰⁰. В широком понимании демографическая политика охватывает не только регулирование рождаемости, но и комплексные меры в отношении структуры населения, его распределения, качества, мобильности, а также взаимосвязи между населением и экономическим развитием. Тем не менее, многолетний акцент на проблемах рождаемости привел к тому, что демографическая политика зачастую отождествлялась именно с политикой в области рождаемости²⁰¹.

¹⁹⁸ Poston, Jr, D. L., & Bouvier, L. F. (2016). An Introduction to Demography. In *Population and Society* (pp. 3–16). chapter, Cambridge: Cambridge University Press.

¹⁹⁹ Merli, M. G., Moody, J., Verdery, A., & Yacoub, M. (2023). Demography's changing intellectual landscape: A bibliometric analysis of the leading Anglophone journals, 1950–2020. *Demography*, 60(3), 865–890.

²⁰⁰ May, J. F. (2012). *World Population Policies: Their Origin, Evolution, and Impact*. New York: Springer.

²⁰¹ Жэнь Юань. Переход к адаптивной демографической политике // Нанкинские социальные науки. – 2019. – № 4. – С. 49–55. [任远. 转向一种适应性的人口政策. 南京社会科学]

На протяжении своей истории, для удовлетворения потребностей экономического развития в различные периоды, китайская демографическая политика претерпела множество фундаментальных корректировок, в целом эволюционируя *«от добровольного семейного планирования к государственному управлению, от поощрения рождаемости к строгому контролю роста населения и постепенному смягчению ограничений»*. Эта трансформация отражает не только динамическое развитие китайских реалий, но и различные требования к размеру, структуре и качеству населения на разных исторических этапах, постепенно смещая фокус от реагирования на быстрый рост к решению проблем старения населения и низкой рождаемости, и в конечном итоге к политическим целям, ориентированным на оптимизацию демографического развития.

1949 – начало 1970-х: Поощрение рождаемости — доминирование концепции демографического дивиденда

С основанием КНР в 1949 году завершился почти вековой период социальных потрясений, и страна вступила в фазу мирного строительства. В этот исторический период население рассматривалось преимущественно как ресурс и движущая сила экономического роста, а в обществе глубоко укоренилась традиционная концепция «много детей — много счастья». Государственная политика ориентировалась на поощрение деторождения, что закономерно привело к компенсационному демографическому буму. Однако быстрый рост вызвал нехватку ресурсов и продовольственное давление. В 1957 году китайский ученый Ма Иньчу представил «Новую теорию населения», предупреждая, что неконтролируемый демографический рост негативно влияет на экономику, но его идеи не были приняты. После 1960-х годов правительство начало пропагандировать сдержанность в деторождении с умеренным государственным вмешательством и добровольным планированием семьи²⁰². Этот период характеризовался

²⁰² Чжу Цюлян. Исследование эволюции демографической политики нового Китая. — Чанша: Издательство Хунаньского педагогического университета, 2015. — С. 70–72. [朱秋莲. 新中国人口生育政策变迁研究. 长沙: 湖南师范大学出版社]

высокой рождаемостью в истории Китая, когда в 1963 году суммарный коэффициент рождаемости достиг исторического максимума в 7,5. Население быстро увеличивалось, а экономика практически стагнировала, особенно в период «культурной революции», когда экономическая стагнация в сочетании с демографическим бумом привела к серьезному нарушению социального баланса²⁰³.

1978–2013: планирование семьи — эра строгого демографического контроля

К концу 1970-х годов растущее демографическое давление на экономическое развитие становилось все более очевидным, и демографическая политика перешла от «разумное ограничение рождаемости» («有节制地生育子女») к директиве «контроль населения неизбежен» («人口非控制不可») ²⁰⁴. В 1978 году планирование семьи было включено в Конституцию, в 1979 году официально внедрена «политика одного ребенка», которая в 1980 году была распространена на всю страну. Для реализации новой демографической стратегии правительство использовало административные средства, такие как управление квотами на рождаемость, плата за социальное воспитание, распространение контрацепции и другие, для строгого контроля роста населения. После внедрения этой политики суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в Китае снизился с 6,0 в конце 1970-х до 2,2 в начале 1980-х, а к концу 1990-х годов СКР Китая уже упал даже ниже уровня воспроизводства (примерно 1,5-1,7, при норме 2,1) и с тех пор оставался устойчиво низким²⁰⁵.

2013–2021: политики второго ребёнка — в поисках демографического баланса

²⁰³ Ло Мэнфань. Международное сравнительное исследование рождаемости и демографической политики // Академические исследования Цзяньхана. – 2024. – № 3. – С. 26–34. [罗梦凡. 生育率与人口政策的国际比较研究. 江汉学术]

²⁰⁴ Чэнь Дуй. Демографический дивиденд, демографический переход и экономический рост (диссертация, Сычуаньский университет) – 2021. – С. 10-15. [陈对. 人口红利、人口转变与经济增长 (博士学位论文, 四川大学).]

²⁰⁵ Zhou, M., & Guo, W. (2022). Sooner, later, or never: Changing fertility intentions due to Covid-19 in China's Covid-19 epicentre. *Population Studies*, 77(1), 123–140.

С наступлением XXI века проблемы старения населения, гендерного дисбаланса новорожденных и нехватки рабочей силы в Китае становились все более острыми и неотложными. Чтобы избежать попадания в «ловушку низкой рождаемости» ($СКР < 1,5$), политика планирования семьи в Китае начала смягчаться: в 2011 году была реализована политика «двоих детей для пар, где оба супруга были единственными детьми»; в 2013 году была внедрена политика «второго ребенка для семей, где один из родителей был единственным ребенком», а в 2015 году полностью отменило все ограничения на рождение второго ребенка²⁰⁶. Однако из-за высоких затрат на воспитание, давления на женскую занятость, интенсивной социальной конкуренции и других факторов, смягчение политики не привело к ожидаемому повышению рождаемости. Показательно, что согласно опросу 2015 года около 60% опрошенных пар колебались в решении о рождении второго ребенка²⁰⁷.

2021-настоящее время: политика трех детей — от ограничения к поощрению рождаемости

В ответ на быстрое старение населения и тревожно низкую рождаемость (1,3), выявленные переписью населения 2020 года, Китай в мае 2021 года ввел политику трех детей, разрешающую всем парам иметь трех детей²⁰⁸. Одновременно правительство ускорило создание системы поддержки рождаемости, включая оптимизацию родительского отпуска, увеличение услуг по уходу за детьми, предоставление субсидий на деторождение, усиление гарантий занятости женщин и т.д. Однако из-за запоздалости политики рождаемости, роста затрат на воспитание, ухудшения условий труда для женщин, изменения брачных и репродуктивных ценностей и других факторов, желание людей иметь детей оставалось низким, что

²⁰⁶ Изменения рождаемости в Китае: вызовы и меры реагирования//Национальный институт развития Пекинского университета. Чжан Цзюньсэнь, Го Жуфэй, И Цзюньцзянь. – 16 октября 2023. – URL: <https://nsd.pku.edu.cn/cbw/tlg1/tlg2023/532656.htm> (дата обращения: 15.12.2024). [中国生育率变化: 挑战与对策. 北京大学国家发展研究院. 张俊森, 郭汝飞, 易君健.]

²⁰⁷ Wang, Q. and X. Sun. (2020). Fertility choices in China under the two-child policy, *International Sociology* 35(3): 284–311.

²⁰⁸ Main Data of the Seventh National Population Census News Release. // National Bureau of Statistics of China. – 2021. – URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510_1817185.html (дата обращения: 02.11.2024).

вызывало негативную реакцию общественности²⁰⁹. Данные показывают, что в 2022 году население Китая впервые за 61 год показало отрицательный прирост²¹⁰, а в 2023 году суммарный коэффициент рождаемости в Китае составлял около 1,0, что является вторым с конца показателем среди основных мировых экономик²¹¹.

За десятилетия своего существования политика планирования семьи в Китае вызвала огромные споры как внутри страны, так и за рубежом. Её критики указывают на то, что власти преувеличивали эффективность принимаемых мер, прибегали к принудительным методам реализации политики, что привело к дисбалансу в структуре населения, ограничению индивидуальных репродуктивных прав и другим социальным проблемам²¹². С другой стороны, сторонники считают, что эта политика эффективно контролировала рост населения в специфических исторических условиях Китая, создавая необходимый фундамент для экономического развития. Китайский демограф Тянь Сюэюань в своей книге «Стратегия великой нации» пишет: «Хотя правительство всегда выступало против принудительного исполнения при реализации политики и разбиралось с некоторыми злостными случаями, но при местном внедрении всё же происходили некоторые случаи принудительного исполнения, что бросило тень на политику»²¹³. Трудно давать однозначную оценку этой политике как «чёрной или белой», но «долгосрочные ограничения рождаемости также изменили социальные репродуктивные установки, и даже при смягчении политики желание иметь детей остаётся низким, а тенденцию к

²⁰⁹ Chen, T., Hou, P., Wu, X., Yang, J., & Cong, G. (2023). Changes of people's fertility attitudes based on analysis of online public opinion on three-child policy in China. *Biodemography and Social Biology*, 68(4), 166–195.

²¹⁰ Национальная экономика преодолела давление и вышла на новый уровень // Национальное бюро статистики Китая. – 17 февраля 2023. – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202301/t20230117_1892090.html (дата обращения: 25.12.2024). [国民经济顶住压力再上新台阶. 国家统计局.]

²¹¹ Доклад о демографической ситуации в Китае // Население Юва. Жэнь Цзэпин, Лян Цзяньчжан, Хуан Вэньчжэн, Лю Цзюнь, Хэ Яфу. – 22 ноября 2024. – URL: https://www.sohu.com/a/829109752_467568 (дата обращения: 10.01.2025). [中国人口形势报告 2024. 育娲人口. 任泽平, 梁建章, 黄文政, 吕俊, 何亚福.]

²¹² Whyte, M. K., Feng, W., & Cai, Y. (2015). Challenging Myths About China's One-Child Policy. *The China Journal*, 74, 144–159.

²¹³ Тянь Сюэюань. Стратегия великой державы: обзор и перспективы демографической политики нового Китая. — Фуцзяньское народное издательство, 2020. — С.299.[田雪原. 大国之策: 新中国人口政策回顾与展望. 福建人民出版社.299.]

отрицательному приросту населения трудно обратить вспять»²¹⁴ — это стало неоспоримым фактом.

В современных условиях политика перешла от ограничения к поощрению рождаемости, но повышение желания иметь детей остается сложнейшей демографической задачей для Китая. В этом процессе особую значимость приобретает роль СМИ. В период планирования семьи масштабная пропаганда формировала социальные установки по рождаемости, а нынешняя политика поддержки рождаемости также нуждается в использовании медиа для улучшения общественного восприятия, формирования позитивного отношения семей к деторождению и содействия долгосрочному сбалансированному демографическому развитию.

Эволюция модели китайских СМИ в распространении демографической политики

Изменения политики в области рождаемости оказывают глубокое влияние на государственное управление, социальное развитие и демографическую структуру. В этом процессе СМИ играют ключевую роль в распространении политической информации, формировании общественной повестки и направлении общественного мнения. На протяжении разных исторических периодов технологическая эволюция медиа существенно влияла на правительственные коммуникационные стратегии, а каналы передачи информации, содержание и дискурсивные системы демонстрировали характерные для каждого этапа особенности. В данном разделе, основываясь на публикациях газеты «Жэньминь жибао» как репрезентативного официального медиа Китая, мы рассмотрим эволюцию моделей коммуникации демографической политики страны, прослеживая её трансформацию от однонаправленной пропаганды к многовекторному взаимодействию, а также проанализируем, как менялась роль медиа-коммуникации в процессе формирования политического курса.

²¹⁴ Там же, С. 293.

Эпоха традиционных медиа (1970-е—2013): формирование вертикальной коммуникации

На начальном этапе реализации политики одного ребенка распространение политической информации характеризовалось *однонаправленностью, директивностью и государственным доминированием*. Исторические документы свидетельствуют о постепенном усилении требований правительства к медийной пропаганде: в 1957 году подчеркивалась *«пропаганда должна быть умеренной»*, в 1978 году выдвигалось требование *«уверенно вести пропаганду, [...] чётко разъясняя суть вопроса»*, в 1980 году — *«широко формировать общественное мнение, усилить пропагандистско-воспитательную работу»*, а в 1988 году уточнялось, что *«среди пропагандистского воспитания и экономических ограничений основной упор делается на пропагандистское воспитание»*²¹⁵. Очевидна тенденция к постепенному усилению интенсивности политической пропаганды, при этом роль СМИ в реализации государственной линии становилась всё более значимой. На этом этапе основная задача медиа сводилась к триединой функции: поддержка правительственной пропаганды, демонстрация эффективности политики и обеспечение авторитетности политического дискурса. В такой информационной среде альтернативным точкам зрения было крайне сложно проникнуть в публичное пространство и получить широкое распространение²¹⁶.

Основными каналами политической пропаганды были официальные газеты, радио, телевидение, настенные лозунги и полевая пропаганда местных органов власти. Например, в это время широко распространялись такие пропагандистские лозунги, как «Лучшие имеют только одного ребенка, правительство позаботится о вашей старости», которые усиливали политический нарратив и формировали общественное сознание. репортажи «Жэньминь жибао» этого периода, которые выстраивались в рамках

²¹⁵ Там же, С. 90–168.

²¹⁶ Чэнь Хун, Цинь Цзин, Пан Юй. Дискурсивное регулирование политики планирования семьи: анализ политической сети на основе концепции «разделяемого дискурса» // Университет журналистики. – 2017. – № 2. – С. 23–39. [陈虹, 秦静 & 潘玉. 计划生育政策话语调控——基于共享话语的政策网络分析路径.]

макронарратива, концентрируясь на трех ключевых аспектах: легитимность государственной политики, неотложность демографического контроля и позитивное влияние принимаемых мер на экономическое и социальное развитие страны. Знаковым материалом стала публикация в 1957 году «Новой теории народонаселения»²¹⁷ экономиста Ма Иньчу, подчеркивающей влияние роста населения на экономику и общество, что заложило теоретический фундамент для последующей демографической политики. В 1978 году, когда планирование семьи было включено в Конституцию, «Жэньминь жибао» посвятила этому событию серию материалов, подчеркивающих юридический статус и значимость принятых решений. Особую роль сыграла опубликованная в 1980 году статья «В интересах всего народа страны, поощрять супружеские пары иметь только одного ребенка»²¹⁸, в которой не только обосновывалась необходимость политических мер, но и приводились правительственные документы и экспертные комментарии, призванные усилить авторитетность предлагаемого курса.

В целом, на этом этапе модель коммуникации представляла собой классическую вертикальную структуру: правительство единолично определяло политическую повестку, а пространство для общественного обсуждения было существенно ограничено²¹⁹. В этой системе СМИ выполняли роль *«одностороннего рупора»*, их основной задачей была трансляция правительственных решений, унификация политического дискурса и укрепление легитимности проводимой политики через механизмы массового информационного воздействия, обеспечивающие единообразное восприятие и реализацию политических директив по всей стране.

²¹⁷ Статья в «Жэньминь жибао» от 5 июля 1957 года // Жэньминь жибао. – 2015. – URL: <http://politics.people.com.cn/ywzx/n/2015/0728/c363762-27371444.html> (дата обращения: 18.12.2024). [资料: 1957年7月5日《人民日报》文章. 人民网.]

²¹⁸ Статья в «Жэньминь жибао» от 9 сентября 1980 года // Жэньминь жибао. – 2015. – URL: <http://politics.people.com.cn/ywzx/n/2015/0728/c363762-27371973.html> (дата обращения: 25.12.2024). [1980年9月9日《人民日报》文章. 人民网.]

²¹⁹ Лю Сяоянь, Ли Хунцзян. Эволюция моделей распространения демографической политики Китая // Журнал Пекинского университета (Философия и социальные науки). – 2019. – № 5. – С. 14–23. [刘小燕 & 李泓江. 中国生育政策传播模式演变考察. 北京大学学报]

Эпоха новых медиа (2013—настоящее время): многовекторная коммуникация

К 2013 году, когда начался процесс реформирования политики двух детей, интернет в Китае вступил в период быстрого развития, с уровнем проникновения мобильного интернета, превысившим 80% ²²⁰. Широкое использование социальных медиа позволило общественности напрямую участвовать в обсуждении политики через такие платформы, как Weibo и WeChat, что способствовало эволюции модели политической коммуникации *от однонаправленного воздействия к многостороннему взаимодействию* ²²¹. Эти платформы стали не только важными каналами распространения политической информации, но и катализаторами широкого общественного участия. Например, во время обсуждения политики двух детей в 2015 году хэштег «#Разрешение на второго ребенка#» в Weibo вызвал беспрецедентную волну дискуссий, а официальные медиа, такие как «People.cn» и «Xinhua», освещая экспертные мнения, также отслеживали общественное мнение в интернете и в определенной степени учитывали социальную обратную связь.

Хотя социальные медиа расширили пространство для обсуждения политики, основные СМИ, такие как «Жэньминь жибао», по-прежнему играли центральную роль в ее распространении, сохраняя авторитет в формировании повестки дня и интерпретации государственных решений. Однако содержание репортажей «Жэньминь жибао» на этом этапе изменилось — они стали фокусироваться не только на самой политике, но и на обсуждении её социальных последствий, постепенно принимая на себя роль *«социальной координации»* и *«общественного надзора»*. Например, в 2013 году были опубликованы статьи «Исследование условий выживания семей, потерявших единственного ребенка: куда нам деваться в старости?»

²²⁰ К концу 2013 года число пользователей мобильных телефонов в Китае превысило 1,2 миллиарда, 80% интернет-пользователей выходили в сеть через мобильные устройства // Государственное управление по делам киберпространства Китая. — 20 апреля 2024. — URL: https://www.cac.gov.cn/2024-04/20/c_1715291120716362.htm (дата обращения: 05.01.2025). [到 2013 年年底, 我国手机用户超过 12 亿, 通过手机上网的网民占 80%. 国家互联网信息办公室.]

²²¹ Liu, X., & Li, H. (2019). Study on the evolution of the dissemination model of China's fertility policy. *Journal of Peking University (Philosophy and Social Sciences)*, 56(5), 14-23.

²²² и «В 2012 году численность трудоспособного населения впервые сократилась, началось снижение демографического дивиденда» ²²³. Эти репортажи отражали демографические проблемы того времени и в определенной степени представляли общественное сомнение в строгой политике планирования семьи, создавая основу общественного мнения для корректировки политики.

В ответ на изменение медиасреды трансформировалась и коммуникационная стратегия правительства, *становясь более гибкой и разнообразной*. С одной стороны, средства политической пропаганды стали более разнообразными — широко применялись короткие видео, интервью с экспертами, онлайн-дискуссии и другие форматы для повышения уровня восприятия политики. Во-вторых, перед введением новых мер правительство руководило ожиданиями общественного мнения через формирование повестки дня, подготавливая общественное мнение к предстоящим изменениям. Например, перед введением политики трех детей «Жэньминь жибао» опубликовала статью «Почему молодые люди не хотят иметь детей? Насколько мы далеки от общества, благоприятного для деторождения?» ²²⁴, исследуя общественные репродуктивные намерения и создавая атмосферу для корректировки политики. После введения политики стратегия освещения в СМИ была дополнительно скорректирована — правительство и медиа сотрудничали, подчеркивая необходимость «уделять внимание созданию вспомогательных мер для содействия реализации политики трех детей». Исследования показывают, что в репортажах «People.cn» и «Xinhua» о политике трех детей в 2021–2022 годах «вспомогательные меры политики»

²²² Исследование условий выживания семей, потерявших единственного ребенка: куда нам деваться в старости? // Жэньминь жибао. — 22 января 2013. — URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/0122/c49154-20283225-4.html> (дата обращения: 11.12.2024). [失独家庭生存状况调查——我们的晚年何处安放.人民网.]

²²³ В 2012 году численность трудоспособного населения впервые сократилась, началось снижение демографического дивиденда // Жэньминь жибао. — 10 мая 2013. — URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0510/c1026-21438675.html> (дата обращения: 28.11.2024). [2012 年劳动年龄人口首次减少，人口红利开始消失.人民网.]

²²⁴ Почему молодые люди не хотят иметь детей? Насколько мы далеки от общества, благоприятного для деторождения? // Жэньминь жибао. — 13 мая 2021. — URL: <http://js.people.com.cn/BIG5/n2/2021/0513/c360299-34723961.html> (дата обращения: 02.01.2025). [2021 年年輕人為什麼不願生孩子？距離生育友好型社會還有多遠.人民网.]

составляли 48%, а экспертные оценки и рекомендации – 16%²²⁵. Репортажи «Жэньминь жибао» также сосредоточились на оптимизации системы поддержки рождаемости, как в статьях «Совершенствование системы родительского отпуска и страхования в сфере деторождения»²²⁶ и «Обеспечение эффективной реализации политики поддержки рождения трех детей»²²⁷, реагируя на общественные озабоченности и повышая приемлемость политики. На этом этапе повестки дня медиа, правительства и общественности постепенно сближались, а средства массовой информации постепенно становились **«многосубъектной диалоговой платформой»** между правительством и общественностью, выступая одновременно как **«адвокаты»** правительства и **«передатчики обратной связи»** от общественности, выполняя функции социальной координации и надзора за общественным мнением.

Эволюция моделей коммуникации демографической политики в китайских СМИ отражает *переход от однонаправленного информирования к многовекторному взаимодействию, от закрытой системы к большей открытости, от директивного информационного воздействия к более гибким формам общественного диалога*. В эпоху политики одного ребенка коммуникационная модель характеризовалась жестким государственным доминированием и вертикальным информационным потоком, при этом СМИ выполняли преимущественно функции политической пропаганды и легитимации власти, а механизмы обратной связи оставались рудиментарными и малоэффективными. С переходом к политике двух и трех детей медиа постепенно трансформировались от пассивных ретрансляторов к активным участникам формирования политической повестки, стимулируя

²²⁵ Ху Инлэй, Лю Инцзе. Анализ освещения темы политики трёх детей в ведущих СМИ с позиции теории фрейминга: на примере People's Daily Online и Xinhua.net // Научно-технические коммуникации. – 2023. – Т. 15, № 8. – С. 63–65.

[胡颖蕾, & 刘英杰. 框架理论视角下主流媒体的三孩议题报道分析——以人民网、新华网为例. 科技传播, 15(8), 63–65.]

²²⁶ Совершенствование системы отпусков и страхования в сфере деторождения // Жэньминь жибао. – 21 июня 2021. – URL: <http://society.people.com.cn/n1/2021/0621/c1008-32135327.html> (дата обращения: 10.12.2024). [完善生产休假和保险制度. 人民网.]

²²⁷ Обеспечение эффективной реализации политики поддержки рождения трех детей // Жэньминь жибао. – 18 августа 2021. – URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2021/0818/c1003-32197337.html> (дата обращения: 19.01.2025). [让三孩生育支持政策落地见效. 人民网.]

правительство более чутко реагировать на общественные запросы и озабоченности. Коммуникационная модель эволюционировала в сторону большей интерактивности и информационной открытости. Одновременно с этим правительство начало активнее использовать механизмы медийной обратной связи и общественного участия для оптимизации реализации своих инициатив, что сделало политическую коммуникацию более адресной и адаптивной.

Несмотря на значительный прогресс, система политической коммуникации по-прежнему сталкивается с вызовами гармонизации повесток дня государства, медиа и общества. В перспективе необходимо дальнейшее совершенствование механизмов взаимодействия для повышения эффективности информационного сопровождения демографической политики и укрепления её социальной легитимности, что является необходимым условием для устойчивого развития демографических инициатив в долгосрочной перспективе.

Обзор исследований демографической коммуникации в Китае (2004–2024 гг.): анализ с использованием CiteSpace

С момента введения понятия «демографическая коммуникация» Восточно-Западным коммуникационным институтом в 1977 году, связь между демографией и медиа постоянно углублялась. Этот термин, охватывающий широкую сферу от пропаганды планирования семьи до формирования общественного восприятия демографической политики, развивался параллельно с трансформацией китайского общества и его медиасреды.

Для выявления современных тенденций в данной области мы провели наукометрическое исследование публикаций за 2004–2024 годы с применением *CiteSpace* (6.3.R3) и Excel. *CiteSpace* — широко используемое программное обеспечение для библиометрического анализа, предназначенное для визуализации и анализа научных сетей цитирования,

что позволяет исследователям изучать структуру знаний в академических областях и проследивать их эволюцию²²⁸. Поскольку исследования по демографической коммуникации Китая преимущественно публикуются китайскими учеными в национальных научных изданиях, поиск осуществлялся в китайской базе литературы *CNKI* по ключевым словам «население, рождаемость, коммуникация», «политика одного, двух, трёх детей, коммуникация», «планирование семьи, коммуникация». Итоговая выборка после отсеивания нерелевантных данных составила 309 научных работ. Анализ проводился в два этапа: статистическую обработку в Excel для выявления методологических тенденций и наукометрический анализ в CiteSpace для изучения совпадений ключевых слов, их кластеризации и временных всплесков, что позволило определить направления развития исследовательского поля демографической коммуникации в Китае.

На основе комплексного анализа тенденций количества публикаций (график 1), карты совпадений ключевых слов (рис. 2), их динамических всплесков (рис 3), а также статистики исследовательских методов (график 2), мы выявили характерную траекторию развития исследовательского поля демографической коммуникации в Китае:

График 1

**Тенденция количества публикаций по демографической
коммуникации в Китае (2004–2024 гг., 309 статей)**

²²⁸ Ли Цзе, Чэнь Чаомэй. CiteSpace: извлечение и визуализация научных текстов // Издательство Столичного университета экономики и торговли. – 2016. – С. 2. [李杰, 陈超美. CiteSpace: 科技文本挖掘及可视化. 北京: 首都经济贸易大学出版社.]

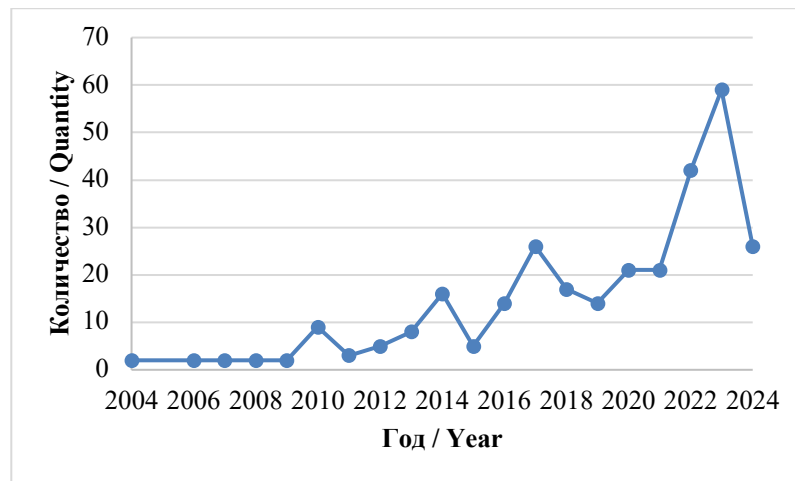
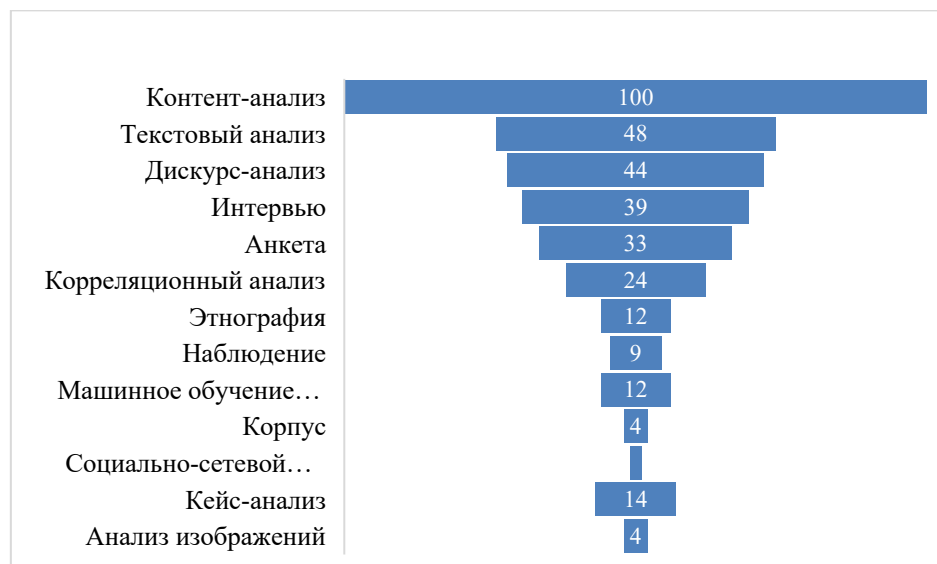

График 2

Основные методы исследования

CiteSpace, v. 6.3.R3 (64-bit) Advanced
 September 26, 2024, 4:47:09 PM CST
 CNKI: C:\Users\kennov\Desktop\citespace\data
 Timespan: 2004-2024 (Slice Length=1)
 Selection Criteria: g-index (k=25), LRF=2.5, LN=10, LBY=5, w=1.0
 Networks: N=284, E=338 (Density=0.0084)
 Largest CCs: 171 (60%)
 Nodes Labeled: 1.0%
 Pruning: Pathfinder
 Modularity Q=0.7448
 Weighted Mean Silhouette S=0.977
 Harmonic Mean(Q, S)=0.8451
 Excluded:

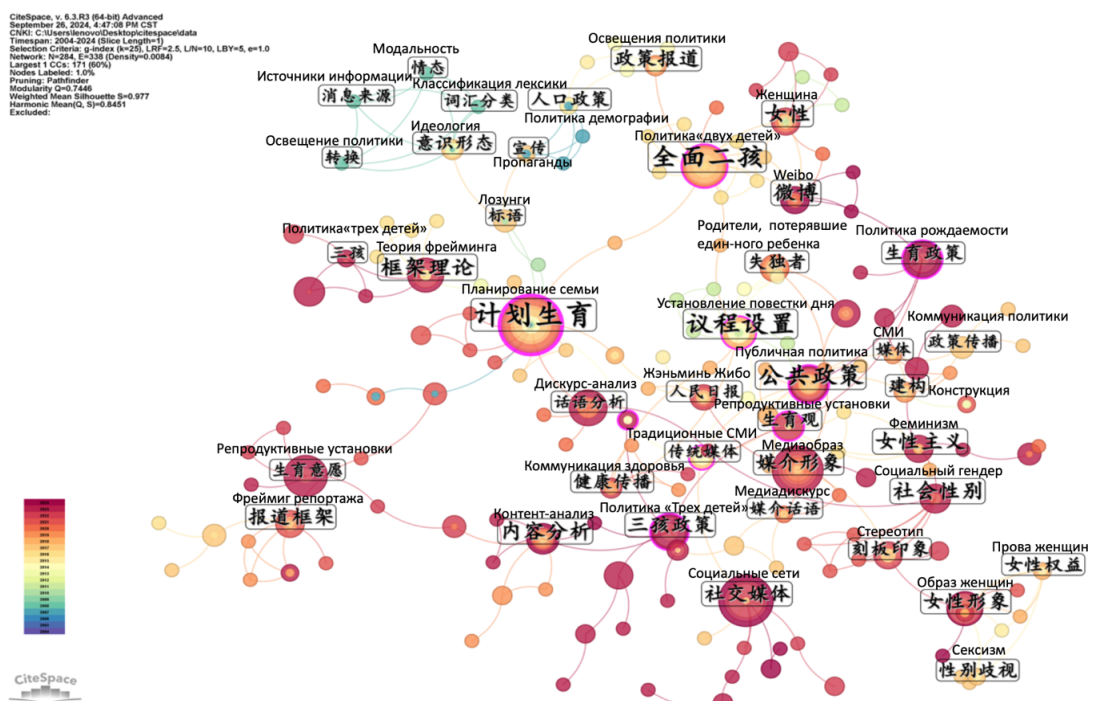

Рис 2. Карта совпадений ключевых слов

Top 15 Keywords with the Strongest Citation Bursts

Рис 3. Карта всплесков ключевых слов

Поисковый период (2004–2010): небольшое количество исследований, редко превышающее 5 публикаций в год, сфокусированных преимущественно на пропаганде политики планирования семьи, с применением контент-анализа для изучения освещения в СМИ. Ключевые слова в основном концентрировались вокруг понятий «планирование семьи», «освещения политики» и «публичная политика». В этот период закладывались концептуальные основы исследовательского поля.

Период расширения (2011–2020): с реализацией политики двух детей тематика исследований расширилась до эффективности распространения политики и общественного мнения в социальных сетях. Количество публикаций демонстрирует устойчивый рост с заметным пиком в 2017–2018 годах. Методологический арсенал пополнился дискурс-анализом и текстовым анализом, которые, согласно графику 2, составили значительную долю от общего числа методов. Всплеск ключевых слов включал «всеобщую политику двух детей» с высоким показателем цитирования (3.48), «новостные репортажи» и «распространение политики». Социальные медиа начали играть роль важной платформы коммуникации.

Период зрелости (2021–2024): исследования вступили в фазу многосубъектного взаимодействия, охватывая такие аспекты, как принятие политики и репродуктивные намерения. На этом этапе наблюдается значительный скачок в количестве публикаций, достигший пика в 2023 году. Методологически наметился тренд к использованию анализа настроений и машинного обучения, хотя их доля в общем методологическом арсенале остается относительно небольшой. Часто встречающиеся ключевые слова отражали актуальную повестку: «политика трех детей» с индексом цитирования 2.11, «социальные медиа» и «репродуктивные установки», которые, согласно карте всплесков, демонстрируют наивысший показатель цитирования в этот период (3.78).

Дополнительно проведенный кластерный анализ ключевых слов этих 309 статей выявил четыре основных направления исследований демографической коммуникации в Китае (см. рис 4):

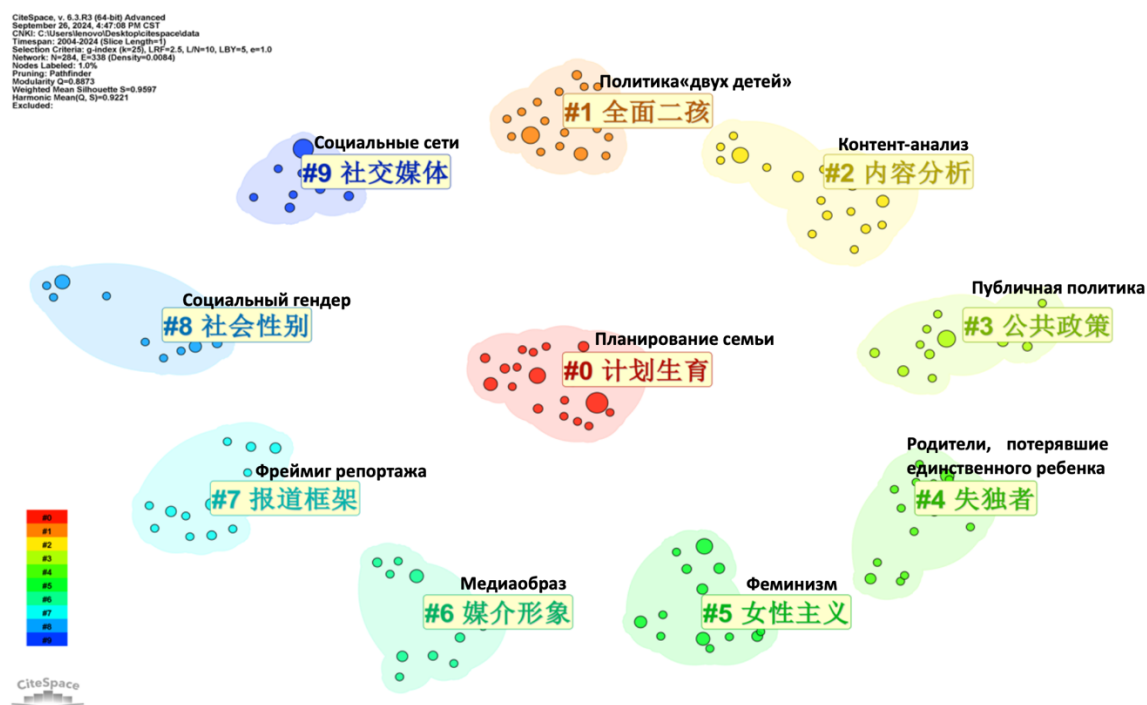

Рис 4. Карта кластерного анализа ключевых слов

Категория 1: модели распространения демографической политики (#0 планирование семьи, #1 всеобщая политика двух детей, #3 государственная политика)

Данный кластер исследует взаимодействие между правительством, СМИ и обществом в распространении демографической политики. Определены три модели коммуникации: «правительственное руководство», «медийное лидерство» и «двунаправленное взаимодействие» (Ма Чао²²⁹). Политическая пропаганда постепенно трансформируется от одностороннего распространения к консультативному взаимодействию (Шэнь Яньвэй²³⁰), однако сохраняется дисбаланс между правительством, обществом и СМИ²³¹, порой провоцирующий конфронтационные интерпретации (Чжоу Кайцзе²³²). В этой связи ключевая задача — совершенствование коммуникационных стратегий для повышения общественного принятия демографических мер.

Категория 2: медиафреймы и освещение политики (#2 контент-анализ, #7 фреймы репортажей, #6 медиаобраз)

Этот кластер фокусируется на анализе медиафреймов демографической проблематики и влиянии информационного освещения на общественное восприятие. В теоретическом плане используются концепции фрейминга и установления повестки дня, а для изучения репрезентации демографической политики применяются контент-анализ, текстовый и дискурс-анализ (Ли Дэн²³³, Ян Жонань²³⁴). С развитием внешнеполитической коммуникационной стратегии Китая часть исследований сместилась к анализу освещения демографической политики в западных СМИ, в основном американских и

²²⁹ Ма Чао. Взаимодействие медийной и политической повесток: исследование отношений в рамках политики трёх детей // Журнал Сихуаского университета. – 2023. – № 6. – С. 46–54. [马超. 政策传达、政策倡议与共识互动：三孩政策中的媒体议程与政策议程关系研究. 西华大学学报]

²³⁰ Шэнь Яньвэй. Исследование взаимодействия между правительством, СМИ и общественностью в процессе публичной коммуникации государственной политики // Диссертация, Восточно-Китайский педагогический университет. – 2018. [沈艳伟. 公共政策传播中政府、媒体与公众互动关系 (学位论文, 华东师范大学).]

²³¹ Жоу Шэн, У Бо, Тянь Фуцин. Исследование формирования интернет-повестки дня на основе политики трёх детей // Глобальный журнал СМИ. – 2022. – № 3. – С. 125–142. [周胜, 吴波 & 田福庆. 基于三孩政策的网络议程设置研究]

²³² Чжоу Кайцзе. Дисбаланс и адаптация официального и общественного дискурсов в политике рождения второго и третьего ребенка // Диссертация, Хубэйский университет. – 2022. [周凯婕. 从二孩到三孩生育政策官方话语的错位与调适 硕士(学位论文, 湖北大学).]

²³³ Ли Дэн. Исследование фрейминга освещения политики рождаемости в «Жэньминь Жибао» (2013–2021 гг.) // Диссертация, Юго-Западный университет. – 2022. [李等. 《人民日报》2013-2021 年生育政策报道框架研究 硕士(学位论文, 西南大学).]

²³⁴ Ян Жоунань. Рамки освещения темы двух детей в ведущих китайских газетах: анализ публикаций «Жэньминь Жибао» (2012–2017) // Восточная коммуникация. – 2018. – № 5. – С. 155–158. [杨若男. 中国主流报纸二孩议题的报道框架——对《人民日报》(2012-2017)报道的考察. 东南传播]

британских (Лю Жуньлинь²³⁵, Ван Цинь²³⁶, Чжан Линь²³⁷, Цзэн Жуньси²³⁸). Хотя такие работы составляют лишь 7% от общего числа, они приобретают все большую значимость. Отдельное направление связано с изучением медийной репрезентации семей, потерявших единственного ребенка, и трансформации общественного внимания к этой проблеме после введения политики двух детей.

Категория 3: социальные медиа и общественное восприятие рождаемости (#9 социальные медиа, #3 государственная политика)

Этот кластер рассматривает влияние цифровых платформ на репродуктивные установки в обществе. Исследования реакции на политику трех детей показывают, что общественный отклик был сдержанным, а активное взаимодействие с контентом социальных медиа может усиливать «репродуктивную тревожность» и негативное отношение к деторождению (Ли Ли²³⁹, Лю Цзюань²⁴⁰). Методологически доминируют теория планируемого поведения и концепция восприятия риска. В качестве инструментов используются контент-анализ, сетевой анализ и, в последние годы, технологии машинного обучения, позволяющие автоматизировать анализ текстов и общественных настроений для более точной оценки эффективности политической коммуникации (Ван И²⁴¹, Ян Гуан²⁴²).

²³⁵ Лю Жуньлинь. Исследование интерпретации и стратегий пропаганды политики трёх детей в китайских и немецких медиа // Исследования языка и культуры. – 2022. – № 4. – С. 206–208. [刘润林. 中德主流媒体对三孩政策的解读与宣传策略研究. 语言与文化研究]

²³⁶ Ван Цинь. Исследование дискурса китайской демографической политики в американских СМИ на основе корпуса // Корпусная лингвистика. – 2022. – № 2. – С. 109–126+169. [王琴. 基于语料库的美国媒体中国人口话语建构研究. 语料库语言学]

²³⁷ Чжан Линь, Ань Жочэнь. Исследование рамки внешней коммуникации политики второго ребенка в Китае // Современные коммуникации (Журнал Китайского университета коммуникаций). – 2018. – № 2. – С. 165–167. [张琳 & 安若辰. 我国“二胎政策”对外传播框架研究. 现代传播(中国传媒大学学报).]

²³⁸ Цзэн Жуньси, Ян Сиси. Дискурсивные рамки и семантические стратегии зарубежных СМИ в освещении китайской политики // Журнал информации. – 2017. – № 6. – С. 99–104+92. [曾润喜 & 杨喜喜. 国外媒体涉华政策传播的话语框架与语义策略. 情报杂志]

²³⁹ Ли Ли, Сюн Сюань, Цао Шаньюй. Колеблющиеся репродуктивные установки: взаимодействие и борьба между репродуктивным сознанием женщин детородного возраста и распространением информации // Журналистика и литература. – 2023. – № 11. – С. 54–66. [黎黎, 熊宣 & 曹珊珊. “摇摆”的生育意愿: 育龄女性生育认知与信息传播的互动与博弈. 新闻与写作]

²⁴⁰ Лю Цзюань, Сун Тинтин. «Сконструированная тревожность»: использование социальных медиа и восприятие женщинами рисков, связанных с деторождением // Медиаобзор. – 2022. – № 6. – С. 79–86. [刘娟 & 宋亭亭. “被渲染的焦虑”: 社交媒体使用与女性生育风险感知. 传媒观察]

²⁴¹ Ван И, Чжоу Цзинь. Распространение страха перед материнством среди женщин в социальных медиа и социальное управление этим явлением // Журнал Шанхайского университета транспорта (Философия и социальные науки). – 2023. –

Категория 4: гендер и репродуктивные права (#8 гендер, #5 феминизм)

Этот кластер фокусируется на гендерных аспектах демографической политики. В фокусе внимания – ограниченное представительство женских голосов и формы медийной стигматизации (Сунь Бинъюй²⁴³), влияние материнской тревожности и мониторинга репродуктивного здоровья на репродуктивные решения. Исследования отражают возрастающую роль феминистского дискурса в анализе демографической коммуникации.

Наукометрический анализ в этом разделе позволяет выявить характерные тенденции и ограничения современных исследований: хотя изучение дискурса в социальных медиа становится доминирующим направлением, а методы анализа данных постепенно внедряются в исследовательскую практику, исследования традиционных СМИ по-прежнему в значительной степени ограничиваются классическим контент-анализом. Систематические исследования конструирования демографического дискурса в ведущих медиа с применением продвинутых методов компьютерной лингвистики и тематического моделирования остаются относительно редкими. Кроме того, наблюдается явный дефицит кросс-национальных сравнительных исследований, выходящих за пределы китайского информационного контекста. В этой связи настоящее исследование предлагает комплексный сравнительный анализ репрезентации демографической политики Китая в медиапространстве трех стран (Китая, России и США), интегрируя традиционный дискурс-анализ с методами компьютерной лингвистики, что позволяет рассматривать демографическую проблематику через призму массовой коммуникации, а не только эмпирического анализа демографических показателей.

№ 10. – С. 55–67. [万忆 & 周景怡. 社交媒体中女性“恐育”情绪的感染扩散与社会治理. 上海交通大学学报(哲学社会科学版)]

²⁴² Ян Гуан, Ван Юэ. Угроза и эффективность: анализ обсуждений страха перед рождением детей в социальных медиа и факторов влияния // Журналист. – 2023. – № 11. – С. 83–94. [杨洸 & 王越. 威胁与效能: 社交媒体“生育恐惧”讨论的主题分析和影响因素研究. 新闻记者]

²⁴³ Сунь Бинъюй. Интерпретация и критика «освобождающих от ответственности» мизогинистских высказываний в сети: анализ женского критического дискурса на материале Douban // Журнал Циндаоского аграрного университета (Социальные науки). – 2023. – № 2. – С. 100–106. [孙炳宇. “免责性”网络厌女言论的解读与批判——基于豆瓣语料的女性批评话语分析. 青岛农业大学学报]

Вывод по главе 1

В первой главе диссертации проведен всесторонний теоретико-методологический анализ исследования демографического медиадискурса, заложивший концептуальный фундамент для дальнейшего эмпирического исследования.

Анализ эволюции понятия дискурса показал его трансформацию от микроуровня языковых структур к макроуровню социальных отношений и механизмов власти. При этом медиадискурс выступает не просто каналом передачи информации, но активным конструктором социальной реальности, формирующим идеологические установки через специфические языковые практики. На основе проведенного исследования демографический медиадискурс определен как комплексная дискурсивная практика, в которой медиа стратегически конструируют и распространяют информацию о демографических вопросах, формируя определенные идеологии и влияя на общественное восприятие.

Рассмотрение современных тенденций демографической коммуникации выявило её возрастающую политизацию и интеграцию в геополитические нарративы. В медийном освещении демографических вопросов наблюдаются явные искажения информации, упрощение сложных демографических процессов и формирование кризисных нарративов, что затрудняет адекватное понимание демографических проблем как обществом, так и лицами, принимающими решения, что подчёркивает актуальность данного вопроса.

Библиометрический анализ публикаций по демографической коммуникации в Китае позволил выделить четыре ключевых направления исследований: модели распространения демографической политики, фреймирование демографических вопросов, влияние социальных медиа на репродуктивные установки и гендерные аспекты демографического дискурса. При этом выявлен существенный пробел – недостаточное внимание к кросс-

национальному сравнительному анализу демографического медиадискурса с применением комплексной методологии.

Для преодоления этого ограничения в методологическом разделе обоснованы преимущества интеграции критического дискурс-анализа с методами тематического моделирования, что позволяет сочетать количественный анализ масштабных корпусов с глубоким контекстуальным прочтением языковых характеристик. Такой методологический синтез особенно эффективен при исследовании сложных дискурсивных практик в условиях глобализации информационного пространства.

Разработанный в диссертации подход, объединяющий критический дискурс-анализ с методами компьютерной лингвистики, предоставляет инновационный инструментарий для системного изучения медийной репрезентации демографических вопросов Китая в различных социокультурных контекстах России, Китая и США.

Таким образом, первая глава не только систематизирует существующие теоретические подходы к изучению медиадискурса, но и предлагает методологические инновации, раскрывающие механизмы конструирования демографического дискурса как важнейшего инструмента формирования общественного мнения и международного имиджа в условиях глобальных демографических трансформаций.

ГЛАВА 2. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА О КИТАЕ В СМИ КИТАЯ, РОССИИ И США

Демографические вопросы традиционно являются ключевыми в национальной стратегии и социальном развитии, а медиадискурс выступает важнейшим полем формирования общественного восприятия. Их пересечение открывает особое пространство для наблюдения за международной коммуникацией и межкультурными когнитивными различиями. В условиях глобализации демографическая политика Китая и её трансформация становятся объектом пристального внимания международных медиа, а то, как различные национальные СМИ конструируют образ Китая через специфические дискурсивные стратегии, отражает не только различия в журналистских подходах, но и более глубокие идеологические и властные отношения.

В данной главе используется многомерная аналитическая рамка для систематического исследования конструирования дискурса о демографических проблемах Китая в ведущих медиа Китая, России и США. Исследование разворачивается на двух уровнях: макродискурсивные фреймы и микроязыковые стратегии, объединяя методы LDA-тематического моделирования, критического дискурс-анализа и корпусной лингвистики для выявления того, как медиа разных стран используют дискурсивные ресурсы для конструирования определенного образа демографической ситуации в Китае, а также лежащих в основе этого идеологических и властных отношений. Через этот многоуровневый сравнительный анализ исследуются различия в стратегиях конструирования медиадискурса в контексте международной коммуникации и их значение для политической коммуникации.

2.1. Тематическое конструирование демографического медиадискурса о Китае (на основе метода LDA)

Освещение демографических вопросов Китая в международных медиа представляет собой не только описание объективной реальности, но и точку пересечения различных социокультурных ценностей и идеологических позиций. В этом разделе применяется теоретическая рамка стратегий легитимизации и метод LDA-тематического моделирования для анализа того, как медиа Китая, России и США конструируют дискурсивные фреймы китайской демографической проблемы, что позволяет выявить различия в тематике освещения и характеристики их временной эволюции. Данный анализ медиадискурса направлен на описание включенных и исключенных тем, иерархической структуры информации в медиатекстах, поскольку многоуровневый процесс генерации смыслов происходит на уровне содержания, структуры и формы, а изучение тематической структуры позволяет раскрыть правила организации знаний в определенных социальных, культурных и идеологических контекстах²⁴⁴.

Дискурсивные стратегии в международном освещении демографических проблем Китая

Дискурсивные стратегии в новостях представляют собой способы конструирования определенных смыслов через языковые структуры, нарративные приемы и формы выражения при освещении событий. По мнению Н. Фэрклафа²⁴⁵, дискурс является не только воплощением языка, но и важной сферой функционирования власти, позволяя медиа влиять на общественное понимание событий через контроль над новостным дискурсом. В свою очередь, Ван Дейк²⁴⁶ показывает, что дискурсивные стратегии в новостях преимущественно разворачиваются вокруг отбора информации, установления фреймов и оценочной позиции, формируя восприятие аудитории определенных вопросов.

²⁴⁴ Кожмякин Е. А., Красикова Т. Р. Эпистемический порядок медиадискурса: специфика операций смыслопорождения // Медиалингвистика. – 2016. – № 1 (11). – С. 31–40.

²⁴⁵ Fairclough, N. (2010). *Critical discourse analysis: The critical study of language* (2nd ed.). Longman.

²⁴⁶ van Dijk, T.A. (1988). *News as Discourse* (p.30–35) Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

В исследованиях Лю Цянь²⁴⁷ фреймы, используемые западными медиа в освещении Китая, включают: *объяснительный фрейм*, который проясняет спорные вопросы через объективное изложение и дискурсивные стратегии, способствуя формированию стабильных двусторонних отношений; *дружественный фрейм*, подчеркивающий нарратив сотрудничества и передающий позитивные сигналы; *фрейм давления*, акцентирующий требования международного сообщества к стране; *конфронтационный фрейм*, подчеркивающий конфликты и противоречия. Тан Цзинтай²⁴⁸ в своих работах идентифицирует четыре распространенных базовых дискурса — «теория китайской угрозы», «теория китайской ответственности», «теория китайского коллапса» и «теория желтой опасности» (представляющая восточные народы как лишаящие западный мир его прав), которые распространяются через встраивание в установленные фреймы, а стратегии легитимизации придают им обоснованность, усиливая влияние в международном информационном пространстве. При конструировании медиадискурса о третьих странах медиа используют стратегии для достижения «легитимизации», преобразуя политические позиции в «натурализованный» нарратив.

Легитимизация (англ. *legitimization*) представляет собой процесс обоснования рациональности определенной позиции или действия через языковые средства. По мнению Ван Левена, легитимизация отвечает на вопрос «почему», а именно: «Почему мы должны это делать?» или «Почему мы должны делать это таким образом?» Эти стратегии служат связующим звеном между дискурсивными фреймами и конкретными языковыми операциями, делая фреймы приемлемыми и обеспечивая признание

²⁴⁷ Лю Цянь. Дискурсивные фреймы и дискурсивное манипулирование: о стратегиях конструирования общественного мнения о Китае в индийских мейнстрим-медиа // Современная коммуникация (Журнал Коммуникационного университета Китая). – 2024. – № 46(10). – С. 88-96. [刘倩.(2024). 话语框架与话语操控:论印度主流媒体对华舆情建构策略.现代传播]

²⁴⁸ Тан Цзинтай, Ши Цзиньмин. Ключевые дискурсы и дискурсивные рамки: анализ формирования диалога США о Китае // Политические исследования. – 2022. – № 2. – С. 66–77. [汤景泰, & 史金铭. (2022). 核心话语与话语框架: 论美国涉华对话的话语建构. 政治学研究]

медиадискурса. Согласно типологии Ван Левена²⁴⁹, дискурсивные стратегии легитимизации делятся на следующие типы:

Авторитет: путем цитирования экспертов, правительственных заявлений или отчетов международных организаций обосновывается легитимность собственной позиции. Например, в репортаже о снижении численности населения Китая, Wall Street Journal в материале «U.N. Confirms India's Population Is Overtaking China's» («ООН подтверждает: население Индии превышает население Китая») (18.04.2023, WSJ)²⁵⁰ цитирует отчет ООН, подчеркивая, что численность населения Китая уступила Индии, и драматизируя демографический кризис в Китае; в то время как российский репортаж «Эксперты: снижение численности населения Китая потребует изменения модели развития» (19.01.2023, ТАСС)²⁵¹ цитирует мнения экспертов, подчеркивающие неизбежность снижения численности населения Китая в контексте социального развития и опровергающие «теорию демографического коллапса Китая».

Моральная оценка: процесс рационализации или делегитимизации действий определенной страны через специфические ценностные представления или моральные принципы, что часто встречается в либеральном конструировании «теории идеологической угрозы» и позволяет эффективно снижать кредит доверия к оппоненту за счет использования слов с оценочным коннотативным значением, эксплицирующих негативную моральную оценку²⁵². Например, в статье «Opinion | China's looming population slide could make it an even more dangerous global threat» («Мнение | Надвигающийся демографический спад Китая может сделать его еще более

²⁴⁹ van Leeuwen, T. (2008). *Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis*. New York, NY: Oxford University Press.

²⁵⁰ U.N. Confirms India's Population Is Overtaking China's // The Wall Street Journal. – 24 апреля 2023. – URL: https://www.wsj.com/articles/u-n-confirms-indias-population-is-overtaking-chinas-8e5b2c8e?mod=Searchresults_pos6&page=7 (дата обращения: 12.01.2025).

²⁵¹ Эксперты: снижение численности населения Китая потребует изменения модели развития // ТАСС. – 19 января 2023. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16833923> (дата обращения: 15.01.2025).

²⁵² Каменева В.А., Рабкина Н.В. «Этическая оценка» как одна из тактик актуализации стратегии делегитимизации в предвыборном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. – Т. 12. – № 3. – С. 743—757.

опасной глобальной угрозой») (05.03.2021, TWP) ²⁵³, The Washington Post прямо описывает «возвышение Китая» как «угрозу для Соединенных Штатов и либеральной демократии во всем мире» («China's rise as a threat to the United States and liberal democracy worldwide is clear»), и, не предоставляя объективных данных в поддержку, намекает, что рост населения Китая усилит эту угрозу. Кроме того, статья упрощенно классифицирует международную экономическую деятельность и военное сотрудничество Китая как хищническую модель, конструируя причинно-следственную логику «экономической и военной экспансии для смягчения демографического кризиса». Показательно, что в конце статья утверждает, что США в условиях снижения численности населения должны «быстро интенсифицировать расширение глобального влияния» («The United States should bet on the latter 'rapidly intensify expansion of global power', and prepare accordingly»), демонстрируя явный двойной стандарт – идентичная стратегия, применяемая Китаем, описывается как угроза, а при реализации США рационализируется как необходимая мера. Такая избирательная интерпретация служит укреплению гегемонистского дискурса и легитимизации политического доминирования.

Рационализация: медиа конструируют нарративы «объективных фактов» через одностороннюю селекцию информации, визуализацию данных и исторические аналогии, усиливая достоверность определенного дискурса. Яркий пример такого подхода – репортаж «China's Decline Became Undeniable This Week. Now What?» («Упадок Китая стал неоспоримым на этой неделе. Что теперь?») (17.01.2023, NYT) ²⁵⁴, где через стратегию имитации достоверности данных представляется проблема снижения численности населения Китая, которая напрямую связывается с экономическим спадом и геополитическими рисками, формируя нарратив «неизбежного упадка».

²⁵³ Opinion | China's looming population slide could make it an even more dangerous global threat // The Washington Post. – 5 марта 2021. — URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/03/05/chinas-looming-population-slide-could-make-it-an-even-more-dangerous-global-threat?itid=sr_9_83ab052d-3ede-43e1-8368-0b3f4d2e12de (дата обращения: 08.01.2025).

²⁵⁴ China's Decline Became Undeniable This Week. Now What? // The New York Times. – 17 января 2023. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/17/opinion/china-population-decline.html> (дата обращения: 15.01.2025).

Репортаж подчеркивает: «Новость в том, что уровень смертности в Китае превысил уровень рождаемости впервые более чем за 60 лет» («The news is that the death rate in China outnumbered the birthrate for the first time in more than 60 years»), и проводит аналогию с «великим голодом во время Большого скачка» («Last time, it was famine caused by Mao Zedong's economic policies that led to an estimated 36 million deaths from starvation»), но не предоставляет конкретного сравнительного анализа этих событий в социально-экономическом контексте, воздействии политики и других аспектах. Такая манипулятивная селекция фактов напрямую приравнивает снижение численности населения к экономическому краху и обострению международной напряженности, не углубляясь в возможные экономические корректировки, технологические инновации или стратегии социальной адаптации, которые может предпринять правительство, усиливая нарратив неизбежности демографического кризиса.

Нормализация: избирательное обращение к международным стандартам. Рационализация определенного действия или политики через общепризнанные стандарты или международные правила. Подобно моральной легитимизации, нормализация изначально основывается на наборе общепризнанных норм поведения. В комментарии «Opinion|China is aging. Can it accept the clear solution?» («Мнение|Китай стареет. Может ли он принять очевидное решение?») (23.09.2024, TWP) ²⁵⁵ при обсуждении миграционной политики Китая цитируются международные миграционные тенденции, указывая, что доля мигрантов в Китае составляет менее 1%, и проводится сравнение с открытой политикой европейских стран, таким образом намекая, что миграционная политика Китая не соответствует глобальным тенденциям, формируя впечатление о несоответствии его политики нормам.

²⁵⁵ Opinion | China is aging. Can it accept the clear solution? // The Washington Post. – 23 сентября 2024. – URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/09/23/china-population-decline-worker-shortage-labor/?itid=sr_2_0734d60c-3f5d-4f97-8fca-e98986d5d056 (дата обращения: 15.01.2025).

Нарративизация: эмоциональное внедрение через индивидуальные истории. Нарративная легитимизация конструирует социальные нарративы через рассказывание историй с глубоким смыслом или предостережением, используя логику «дедукции-умозаключения», делая определенную политику кажущейся неизбежной. Характерный пример - статья «The Missing Girls: How China's One-Child Policy Tore Families Apart» («Пропавшие девочки: как политика одного ребенка в Китае разрушила семьи») (18.09.2024, WSJ)²⁵⁶, в которой автор через личный трагический опыт удочеренной Рикки Мадд связывает прекращение Китаем политики международного усыновления с политикой планирования семьи, конструируя логику: прошлое (планирование семьи) → настоящее (гендерный дисбаланс) → будущее (демографический спад), намекая, что текущая корректировка политики является продолжением прошлых ошибок, а не независимым решением, основанным на текущих социальных изменениях. При этом автор ослабляет внутренние факторы корректировки политики, такие как поощрение Китаем внутреннего усыновления и опасения относительно торговли людьми. Такой способ повествования, хотя и не критикует политику напрямую, через эмоциональный нарратив и исторический экскурс усиливает установленный фрейм «ошибки китайской политики–социальный кризис», ослабляя внимание к корректировкам в системе усыновления и политике благосостояния детей в Китае в последние годы, демонстрируя тенденцию к односторонности и эмоциональности.

Дискурсивные стратегии медийного конструирования

В качестве конкретных механизмов реализации стратегий легитимизации на дискурсивном уровне, М. Райзигл и Р.Водак выделяют пять дискурсивных стратегий²⁵⁷. Понимание того, как эти микростратегии проявляются в международном медийном освещении демографической

²⁵⁶ The Missing Girls: How China's One-Child Policy Tore Families Apart // The Wall Street Journal. — 18 сентября 2024. — URL: https://www.wsj.com/world/china/the-missing-girls-how-chinas-one-child-policy-tore-families-apart-b0f37ac0?mod=Searchresults_pos1&page=1 (дата обращения: 15.01.2025).

²⁵⁷ Wodak, R. (2001). The discourse-historical approach. In R. Wodak & M. Meyer (Eds.), *Methods of critical discourse analysis* (pp. 74–77). Sage.

политики, является ключом к пониманию механизмов дискурсивного конструирования.

Стратегия номинации – символическое конструирование понятий через дискурсивное конструирование социальных акторов, объектов, явлений, процессов или действий, которое реализуется через членскую категоризацию, риторические фигуры (метафора, метонимия, синекдоха) и номинативные единицы. Стратегия номинации также часто проявляется в метафорическом использовании заголовков новостей, таких как «экономическая зима» или «стратегическая шахматная доска» для образного представления сложных экономических или политических отношений, что делает репортаж более коммуникативно эффективным.

Стратегия предикации – выбор оценочного языка для позитивного или негативного языкового описания социальных акторов, объектов, явлений, процессов или действий через неличные формы глаголов, прилагательные, аппозиции, предложные словосочетания, относительные придаточные предложения и другие формы. Например, правительство может быть описано как «корруптированное» или «демократическое», что отражает различия в позициях медиа разных стран. Коллокация слов являются важными составляющими стратегий номинации и предикации, формирующими определенный контекст через связывание конкретных лексических единиц. В западных СМИ «демографический спад» часто сопровождается упоминаниями «экономического спада», усиливая дискурсивный фрейм «теории демографического коллапса», а «корректировка политики» часто ассоциируется с «авторитаризмом», закрепляя определенное представление о модели управления.

Стратегия аргументации – построение логики аргументации для подтверждения отношений включения или исключения через топосы (topoi) и ошибочные умозаключения. Топосы представляют собой связанные с содержанием доказательства или «правила вывода», связывающие аргументы

с выводами.²⁵⁸ Например, репортаж российского издания «АИФ» «Демографический взрыв или мистификация? Сколько на самом деле китайцев» (07.05.2017)²⁵⁹ использует тоpos чисел и фактов, чтобы сомневаться в достоверности китайской демографической статистики («Афера века?»), задавая вопрос: «Действительно ли в Китае 1,5 миллиарда человек?». Приводятся рассуждения эксперта Виктора Мехова, который указывает, что темпы роста населения Китая в условиях политики планирования семьи нелогичны, намекая на преувеличение статистики. Далее утверждается, что «реальное население Китая может составлять лишь треть или четверть от заявленного», подкрепляя это сравнением данных. Также используется «тоpos ресурсов и окружающей среды», ставящий под вопрос способность Китая прокормить такое население. Это формирует критическую рамку в отношении демографического управления в Китае, побуждая аудиторию сомневаться в точности данных и обоснованности политики.

Стратегия перспективизации – избирательное цитирование авторитетных источников для позиционирования точки зрения, выражения определенной степени вовлеченности или дистанцирования, что проявляется в способах использования цитат. Прямое цитирование усиливает авторитетность, в то время как косвенная речь обеспечивает большую гибкость репортажа через переработку информации. Влияние на позицию аудитории осуществляется через цитирование различных источников

Стратегия интенсификации/смягчения – регулирование языковой интенсивности для усиления или ослабления имплицитного смысла высказывания, изменяя его когнитивный или нравственный статус через разделительные вопросы, сослагательное наклонение, гиперболу, иронию. Например, в заголовке The Washington Post «Could the Year of the Dragon

²⁵⁸ Wodak, R. (2001). The discourse-historical approach. In R. Wodak & M. Meyer (Eds.), *Methods of critical discourse analysis* (pp. 74–77). Sage.

²⁵⁹ Демографический взрыв или мистификация? Сколько на самом деле китайцев // Аргументы и Факты. – 7 мая 2017. – URL: https://aif.ru/politics/world/demograficheskiy_vzryv_ili_mistifikaciya_skolko_na_samom_dele_kitaycev (дата обращения: 10.12.2024).

bring the baby boom that Asia needs? *Maybe.*» («Сможет ли Год Дракона принести бэби-бум, который нужен Азии? *Возможно.*») (10.02.2024, TWP)²⁶⁰ форма вопроса с самоответом выражает сомнение в эффективности демографической политики Китая через регулирование языковой интенсивности.

В процессе конструирования медиадискурса дискурсивные фреймы, стратегии легитимизации и пять дискурсивных стратегий Р. Водак образуют иерархическую систему от макронарратива до микроязыковых практик. Дискурсивные фреймы определяют характер событий и причинно-следственную логику, задавая рамки понимания для аудитории. Стратегии легитимизации превращают определенные позиции в «естественно обоснованные» общественные представления. Пять дискурсивных стратегий Р. Водак обеспечивают реализацию стратегий легитимизации на языковом уровне. Это иерархическое взаимодействие раскрывает властную природу медийного дискурса: через когнитивный контроль и символическое проникновение идеология кодируется как «здравый смысл», воспроизводя властные отношения в сознании аудитории.

Данная теоретическая рамка будет направлять последующий анализ репортажей о китайской демографии в медиа Китая, США и России, обеспечивая теоретическую основу для понимания того, как медиа разных стран конструируют образ демографической политики Китая через дискурсивные стратегии.

LDA-моделирование тематической структуры демографического медиадискурса трёх стран

После рассмотрения дискурсивных стратегий в предыдущем разделе мы переходим к эмпирическому исследованию их конкретного воплощения в медийном пространстве трех стран. Согласно Ван Дейку, тематическая организация играет ключевую роль в анализе новостного дискурса. Темы,

²⁶⁰ Could the Year of the Dragon bring the baby boom that Asia needs? *Maybe.* // The Washington Post. – 10 февраля 2024. – URL: https://www.washingtonpost.com/world/2024/02/10/lunar-year-dragon-babies-china-asia?itid=sr_6_83ab052d-3ede-43e1-8368-0b3f4d2e12de (дата обращения: 18.01.2025).

относящиеся к макроуровню текста, могут быть проанализированы через семантические макроструктуры, что позволяет выявить суть новостных сообщений²⁶¹. При этом, «манипуляция в СМИ и публичной сфере происходит за счёт контроля за тематикой и интерпретацией информации»²⁶², а выбор тем ограничен социальными, культурными и идеологическими рамками медиа. Анализ макротематической структуры позволяет выявить доминирующие темы и раскрыть порядок знаний, их формирование и связь с социальной реальностью²⁶³. Другими словами, тематика, часто обсуждаемая в СМИ и предположительно обладающая высокой общественной значимостью, становится важным объектом анализа²⁶⁴.

Методология исследования. В данном разделе применяется *метод тематического моделирования*, а именно *латентное размещение Дирихле (LDA)*, чтобы определить различия в тематическом содержании, интенсивности распределения тем и динамике их развития (см. 2.1.3.), раскрывая особенности дискурсивных конструкций каждой страны. LDA представляет собой вероятностную генеративную модель, в которой каждый документ рассматривается как смесь нескольких тем, а каждая тема характеризуется распределением вероятностей ключевых слов. Цель заключается в выявлении скрытых семантических структур – тем, характеризующих содержание анализируемой текстовой коллекции²⁶⁵.

Этапы обработки данных. Данное исследование реализовано на базе фреймворка *Gensim*. Предварительная обработка текстов включала токенизацию, удаление стоп-слов и очистку текста. Для английских материалов использовалась лемматизация (*spracy*) (т.е. *policies* → *policy*), для русских текстов – морфологический анализ (*rumorphy2*). Для повышения

²⁶¹ van Dijk, T.A. (1988). *News as Discourse* (p.30–35) Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

²⁶² Виноградова Е. Ю. Познавательные возможности дискурс-анализа в социологическом исследовании // Социология вчера, сегодня, завтра: Вторые социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под ред. О. Б. Божкова. – СПб.: Эйдос, 2008. – С. 40–47.

²⁶³ Кожемякин Е. А., Красикова Т.Р. Эпистемический порядок медиадискурса: специфика операций смыслопорождения // Медиалингвистика. – 2016. – № 1(11). – С. 31–40.

²⁶⁴ Добросклонская. Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – М. : Флинта: Наука, 2008. – С. 257-261.

²⁶⁵ Кирина, М. А. Сравнение тематических моделей на основе LDA, STM и NMF для качественного анализа русской художественной прозы малой формы / М. А. Кирина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 93–109.

качества выделяемых тем была интегрирована технология *Word2Vec*, помогающая идентифицировать релевантные термины и исключать малочастотные слова.

Определение оптимального числа тем проводилось по принципу максимизации показателя когерентности (Coherence Score) – метрики, оценивающей семантическую связность внутри тематических кластеров. В результате были выбраны наиболее эффективные конфигурации: 5 тем для американского корпуса (см. табл. 2), 6 тем для китайского (см. табл. 1) и 6 тем для российского (см. табл. 3). Валидность разграничения тем была подтверждена с помощью инструмента визуализации *pyLDavis*, подробные результаты и коды представлены в **Приложении 1**.

Таблица 1

Результаты тематического моделирования в медиакорпусе Китая

№	Темы	Значимость	Топ-30 тематических слов
1	Образование и социальное развитие	8.01%	human education social society law school student improve public life political ethnic international protect community digital cultural citizen youth promote city force interest live police security democracy health organization american
2	Экономическое развитие	15.99%	growth economy economic market global reform product grow develop increase technology opportunity industry investment company financial rise challenge income international business service innovation asian good[товар] consumption potential lead domestic future
3	Политика рождаемости и демографические изменения	23.82%	couple birth baby fertility education decline parent planning woman city increase fall cost raise care encourage third housing bear newborn measure level birthrate drop growth mother local school authority subsidy
4	Структура населения и	20.68%	economic growth labor increase social pension fertility decline retirement

	ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ		dividend society challenge improve elderly worker aging quality education reform problem resource force structure economy rise raise develop security level human
5	Стареющее общество и пенсионное обеспечение	13.01%	elderly care service rural medical city health community live insurance healthcare life plan public nursing disease hospital facility eldercare improve patient industry resident support offer urban private treatment increase wedding
6	Брак и деторождение	18.49%	woman planning couple marriage birth parent marry fertility single law gender social bear commission reproductive life female maternity wife third health mother girl decision baby regulation increase (freeze) egg problem boy

Китайские СМИ освещают демографические вопросы с ярко выраженной политической направленностью, рассматривая изменения в макроэкономических рамках национальной стратегии развития. Анализ показывает, что китайские медиа уделяют значительное внимание «теме 3. Политика рождаемости и демографические изменения» (23,82%), акцентируя внимание на официальном освещении и разъяснении демографической политики, что отражается в ключевых словах, таких как «planning» (планирование), «fertility» (рождаемость), «encourage» (поощрение) и др. Публикации также фокусируются на поддержке рождаемости, включая вопросы жилья, образования и затрат на воспитание детей («housing» (жилье), «education» (образование), «cost» (затраты). Китайские СМИ часто используют официальный дискурс, играя роль проводника политики и разъяснителя, формируя положительное общественное мнение о корректировках политики и помогая общественности понять и принять эти изменения.

Экономическая тематика охватывает «тему 2. Экономическое развитие» (15,99%) и «тему 4. Структура населения и экономические вызовы» (20,68%). Китайские медиа подчеркивают позитивные экономические аспекты

демографического развития, такие как трансформация демографического дивиденда в сочетании с корректировкой экономической структуры и модернизацией промышленности, что формирует нарратив «качества населения», а не его «количества» («growth» (рост), «technology» (технология), «innovation» (инновации)). В то же время, медиа осознают социальные вызовы, такие как сокращение населения, изменение структуры рабочей силы и старение, что отражается в «теме 5. Стареющее общество и пенсионное обеспечение» (13,01%) и «теме 1. Образование и социальное развитие» (8,01%), где подчеркивается необходимость построения системы пенсионного обеспечения и социальной поддержки («pension» (пенсия), «care» (забота), «service» (сервис)).

Обсуждение «темы 6. Брак и деторождение» (18,49%) связывает макрополитику с микрорешениями на уровне семьи, рассматривая как институциональные факторы («planning» (планирование), «regulation» (регулирование), «law» (закон)), так и внутренние факторы планирования семьи («decision» (решение), «egg» (яйцеклетка), «marriage» (брак)), женского здоровья и гендерных концепций. Это отражает многоуровневую структуру анализа, охватывающую как государственное управление, так и личный выбор.

В целом, китайские СМИ освещают демографические вопросы с акцентом на стратегическое значение корректировок политики на национальном уровне, а также многоуровневые вызовы – от экономического развития и социального обеспечения до личных решений в вопросах брака и рождения детей, *формируя панорамную повествовательную структуру, ориентированную на политику и учитывающую как макроуправление, так и принятие решений на уровне семьи.*

Таблица 2

Результаты тематического моделирования в медиакорпусе США

№	Темы	Значимость	Топ-30 тематических слов				
1	Семья и	22.89%	parent	marriage	school	life	daughter

	социальная структура		mother city girl village wife son adoption husband live marry bear couple divorce authority love story baby adopt hope american medium care generation local good[товар]
2	Экономическое развитие и демографические изменения	26.48%	city economy worker labor market company demographic rise care job rural decline elderly global fall urban migrant increase income live good problem money reform slow investment factory cost shrink project
3	Политика рождаемости и ее социальные последствия	26.21%	couple planning baby abortion parent control rule fine[штраф] birthrate limit demographic fertility cost health bear demographer mother restriction education society law care gender plan labor encourage local support raise commission
4	Вызовы стареющего общества	18%	fertility baby retirement decline single raise drop pension demographic marriage (freeze) egg couple birthrate increase fall shrink plan freeze(egg) hospital worker restriction care economy census rise marry public health demographer estimate
5	Национальные меньшинства и права человека	6.42%	uighur camp uyghur genocide company ethnic human(right) minority muslim crime administration law campaign activist movement sanction medium authority abuse control sexual school job trump culture detention religious effort internet feminist

Освещение демографических вопросов Китая в американских СМИ характеризуется выраженной ценностной ориентацией и индивидуальной перспективой, связывающей макроэкономическую демографическую политику с личным опытом отдельных людей. Анализ показывает, что наибольшее внимание американские медиа уделяют «теме 2. Экономическое развитие и демографические изменения» (26,48%), где часто встречаются ключевые слова «labor» (труд), «market» (рынок), «reform» (реформа). Это отражает тенденцию рассматривать китайские демографические проблемы в контексте экономической трансформации. Использование слов «decline»

(снижение), «fall» (падение), «shrink» (сокращение) формирует нарратив об утрате Китаем демографического дивиденда и вызовах для экономического роста, что косвенно ставит под сомнение перспективы Китая. Появление слов «migrant» (мигрант), «rural» (сельский), «urban» (городской) указывает на внимание к процессам урбанизации в преобразовании демографической структуры.

Освещение «темы 3. Политика рождаемости и ее социальные последствия» (26,21%) демонстрирует критическую позицию, с использованием негативных терминов «control» (контроль), «limit» (ограничение), «restriction» (ограничение), «fine» (штраф), представляя политику как вмешательство в личные репродуктивные права. Появление слов «abortion» (аборт), «gender» (гендер), «(freeze) egg» (замороженная яйцеклетка) свидетельствует о склонности интерпретировать китайскую политику через призму гендерной перспективы, включая её в западную феминистскую дискурсивную систему.

Внимание к изменениям в структуре китайской семьи (22,89%) отражает предпочтение микронарративов, с частым использованием слов «daughter» (дочь), «mother» (мать), «son» (сын), «village» (деревня), демонстрируя влияние политики на личную жизнь через индивидуальные истории, создавая нарратив, ориентированный на личность. Это перекликается с вниманием к индивидуальному репродуктивному поведению в теме вызовов стареющего общества (18%), где встречаются слова «pension» (пенсия), «marriage» (брак), «egg» (яйцеклетка), указывая на интерес к индивидуальному выбору, а не только к макродемографической политике.

Наиболее характерной для американских СМИ является тема национальных меньшинств и прав человека (6,42%). Несмотря на относительно низкую долю, частое использование слов, таких как «uighur» (уйгур), «genocide» (геноцид), «camp» (лагерь), «muslim» (мусульманин), «detention» (задержание), указывает на сочетание демографических вопросов с правами человека и религиозной свободой, формируя дискурс с

выраженной идеологической окраской. Эта стратегия освещения отражает стремление американских СМИ поместить китайскую демографическую политику в западную либеральную систему ценностей и оценок.

В итоге, освещение в американских СМИ сосредоточено на индивидуальных правах, подчеркивает вопросы социальной этики и занимает критическую позицию по отношению к политике китайского правительства, последовательно противопоставляя ценностные системы и утверждая превосходство западной либеральной модели.

Таблица 3

Результаты тематического моделирования в медиакорпусе России

№	Темы	Значимость	Топ-30 тематических слов
1	Политика рождаемости	31.03%	второй разрешить ограничение рождение пара решение проблема заводить старение единственный мера родитель численность число планирование рост девочка штраф пекин закон третий первый количество экономический двое супруг возраст государственный житель исключение
2	Экономическое развитие	13.35%	рост развитие второй экономика рабочий экономический проблема третий ситуация разрешить первый сила темп возраст решение пара старение мера партия рожать родитель молодой показатель ограничение повышение сокращение высокий обеспечить труд разрешение
3	Брак и деторождение	10.35%	женщина родитель пара рожать ограничение родить брак мужчина жизнь аборт молодой мальчик рождение деторождение количество работа имоу поколение китаянка мать жена штраф число мир пол сын второй развод гендерный доход
4	Демографические изменения и международные сравнения	28.21%	численность рост индия число мир показатель сократиться экономика сокращение житель оон прогноз возраст трудоспособный экономический

			женщина темп сша прирост количество гражданин старение коэффициент расти родиться сокращаться проблема снижение вырасти увеличиться
5	Вызовы стареющего общества	11.88%	возраст пенсионный система пенсия женщина пожилой социальный молодой повышение план мужчина брак старший уход услуга работать развитие обеспечение пенсионер старение гражданин пекин число сила проблема мера повысить поколение рабочий компания
6	Рынок труда и споры о правах человека	5.18%	экономика рынок рост товар рабочий синьцзян крупный внутренний проблема компания сила экономический сша производство деньга труд уйгур суар технология спрос граница потребление пекин акция технологический ресурс американский инвестор роль политический

Освещение в российских СМИ характеризуется глобальной перспективой, фактологическим изложением и относительной объективностью, что отличает его от ценностно-ориентированных рамок западных медиа. Особое внимание уделяется политике рождаемости Китая (31,03%) и её социально-экономическим последствиям. Ключевые слова, такие как «разрешить», «второе/двое», «решение» и другие описательные термины политики, демонстрируют относительно нейтральную позицию в интерпретации политики. Кроме того, российские СМИ склонны рассматривать демографические изменения Китая в контексте глобальной демографической структуры, уделяя внимание сравнению населения Китая с другими ключевыми странами (28,21%). Частое появление слов «численность», «Индия», «мир», «ООН», «США» указывает на тенденцию анализировать китайские демографические изменения с макроперспективы глобальных тенденций развития и сравнивать их с демографическими структурами Индии, США и других стран.

Темы экономического развития (13,35%) и вызовов стареющего общества (11,88%) рассматривают влияние изменений в демографической структуре Китая на макро- и микроуровнях соответственно. Появление ключевых слов «рост», «развитие», «труд», а также «пенсионный», «система», «уход» свидетельствует о практическом интересе российских СМИ к экономическим вызовам и развитию системы социального обеспечения в Китае.

При освещении вопросов брака и деторождения (10,35%) российские СМИ подчеркивают влияние политики на репродуктивное поведение и социокультурные концепции. Ключевые слова, такие как «женщина», «семья», «брак», «гендерный», «штраф», «аборт», «сын», указывают на внимание к мерам государственного контроля над рождаемостью, включая штрафы за внебрачных детей, уровень аборт, политику двух/трех детей, а также к проблемам гендерной культуры Китая, концепциям брака и деторождения среди молодежи, трудностям деторождения у женщин и другим микросоциальным вопросам, раскрывающим глубинные причины снижения рождаемости. В отличие от американского нарративного стиля, часто сообщающего о личных трагических историях, российские репортажи обычно используют объективное описание событий, например: «Число браков в Китае упало до самого низкого уровня с 1986 года» (14.06.2023, Коммерсантъ) ²⁶⁶, хотя некоторые материалы содержат скрытые сомнения в обоснованности политики, как в репортаже «Отец 29-летнего холостяка попытался покончить с собой из-за отсутствия внуков» (28.01.2022, Лента.ру) ²⁶⁷.

В репортажах о проблемах прав человека в Синьцзяне (5,18%) российские СМИ склонны объективно цитировать соответствующие китайские сообщения, например: «Пекин опровергает данные американского

²⁶⁶ Число браков в Китае упало до самого низкого уровня с 1986 года // Коммерсантъ. – 14 июня 2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6043686?query=%D0%A0%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%8F> (дата обращения: 05.01.2025).

²⁶⁷ Отец 29-летнего холостяка попытался покончить с собой из-за отсутствия внуков // Лента.ру. – 28 января 2022. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/01/28/mda/> (дата обращения: 22.12.2024).

доклада об уйгурах в Синьцзяне» (17.09.2020, RG) ²⁶⁸ , избегая прямых оценочных суждений. Эта стратегия репортажа отражает стратегическую координацию России в освещении Китая с геополитической точки зрения, избегая обострения споров. Во-общем, *российские СМИ формируют разностороннюю нарративную структуру освещения демографических вопросов Китая, основанную на объективных фактах и характеризующуюся глобальным видением, демонстрируя сбалансированную позицию и практический подход России как стратегического партнера Китая.*

Сравнительный анализ

На основе предыдущего тематического анализа, для более четкого сопоставления различий в содержании и степени внимания к одним и тем же событиям, в данном исследовании проводится сравнительный анализ интенсивности тем по схожим тематическим направлениям (см. табл. 4).

Таблица 4

Сравнение интенсивности внимания к схожим темам в медиакорпусах трёх стран

Темы	Россия	Китай	США
Политика рождаемости	T1(31.03%)	T3(23.82%)	T3(26.21%)
Демографические изменения и их влияние на экономику	T2(13.35%) + T4(28.21%) = 41.56%	T4(20.68%) + T2(15.99%) = 36.67%	T2(26.48%)
Вопросы брака и деторождения / Семья и социальная структура	T3(10.35%)	T6(18.49%)	T1(22.89%)
Вызовы стареющего общества	T5(11.88%)	T5(13.01%)	T4(18%)
Споры о правах человека	T6(5.18%)	0%*	T5(6.42%)

²⁶⁸ Пекин опровергает данные американского доклада об уйгурах в Синьцзяне // Российская газета. – 17 сентября 2020. – URL: <https://rg.ru/2020/09/17/pekin-oprovergaet-dannye-amerikanskogo-doklada-ob-ujgurah-v-sincziane.html> (дата обращения: 14.01.2025).

* «Т» — это аббревиатура от слова «Тема». В теме «Споры о правах человека» из-за малого объема контента в китайском корпусе не были выявлены соответствующие фреймы, однако на самом деле имеется 8 статей, посвященных разъяснению этого вопроса.

1. Политика рождаемости: общее высокое внимание, но разные подходы. Россия (31,03%) > США (26,21%) > Китай (23,82%) Китайские СМИ представляют политику как стратегическую корректировку на национальном уровне, формируя прогрессивный нарратив оптимизации политики; российские СМИ используют фактологический описательный подход, обращая внимание на корректировку демографической политики Китая и её влияние на экономику и общество; американские СМИ создают критическую структуру, описывая политику как ограничение индивидуальных прав, морализируя и политизируя демографические споры.

2. Демографические изменения и их влияние на экономику: разнообразные экономические интерпретации. Россия (41,56%) > Китай (36,67%) > США (26,48%). Китайские СМИ, с точки зрения стратегии национального развития, подчеркивают, как правительство через корректировку политики реагирует на старение населения и изменения в структуре рабочей силы, формируя нарратив перехода от количественных дивидендов к качественным; российские СМИ используют международную сравнительную перспективу, сопоставляя демографические показатели Китая с Индией, США и другими странами, подчеркивая стратегическое влияние демографических изменений Китая на расстановку глобальных сил – в отличие от американских СМИ, распространяющих теорию «демографического коллапса Китая», российские СМИ более склонны считать, что Китай сталкивается с «проблемами, похожими на те, что встречаются развитые страны» в демографическом переходе; американские СМИ применяют логику рыночной экономики, уделяя внимание влиянию сокращения населения на рынок труда, процессы урбанизации и потенциал экономического роста, косвенно выражая сомнения в устойчивости китайской модели развития.

3. Вопросы брака и деторождения/ Семья и социальная структура:

дифференцированное представление микронарративов. *США*(22,89%) > *Китай* (18,49%) > *Россия* (10,35%). В вопросах брака, деторождения и семейной структуры наблюдаются значительные различия в уровне внимания между СМИ трех стран, что отражает дискурсивную дифференциацию микросоциальных проблем. Американские СМИ через индивидуальные нарративы демонстрируют влияние политики на семейную жизнь, подчеркивая личный опыт и выбор, проявляя наибольшее внимание; китайские СМИ фокусируются на политическом контексте, институциональной среде и создании систем социальной поддержки (таких как жилье, образование и т.д.); российские СМИ уделяют этому меньше внимания, в основном обсуждая гендерные роли и социальные нормы. Эти различия раскрывают разные нарративные предпочтения трех стран в микросоциальных вопросах и отражают глубокие различия в понимании отношений между семьей и обществом.

4. Вызовы стареющего общества: близкий уровень внимания, но разные подходы. *США* (18%) > *Китай* (13,01%) > *Россия* (11,88%). В вопросах старения населения китайские СМИ подчеркивают политические меры и создание системы услуг, демонстрируя активный подход к решению проблем старения населения; российские СМИ в основном перепечатывают информацию о политике Китая в области ухода за пожилыми людьми, включая изменения в пенсионной системе и стратегии Китая; американские СМИ акцентируют внимание на социальных вызовах, связанных со старением общества, обсуждают проблемы устойчивости пенсионной и медицинской систем, уделяют внимание индивидуальному опыту старения, например, в репортаже «Deaths of Seniors in Hospital Fire Point to China's Elder Care Shortfall» («Смерти пожилых в результате пожара в больнице указывают

на нехватку системы ухода за престарелыми в Китае») (08.05.2023, NYT) ²⁶⁹, что отражает типичный подход к социальным проблемам.

5. Вопросы прав человека: концентрированное проявление идеологических разногласий. *США (6,42%) > Россия (5,18%) > Китай (отсутствует)* Вопросы прав человека стали сферой, где позиции СМИ трех стран наиболее отчетливо разделились. Американские СМИ используют правозащитную структуру, интерпретируя демографическую политику Синьцзяна с критической точки зрения, формируя критический дискурс в отношении Китая. Российские СМИ, хотя и затрагивают соответствующие вопросы, по-прежнему прямо цитируют официальные китайские сообщения, избегая прямых оценок; в ответ на значительное количество негативных международных откликов китайские СМИ в этом вопросе используют структуру репортажей, основанную на прояснении и опровержении, цитируя экспертные мнения и данные, тем самым защищая национальную позицию и проясняя факты.

В заключение, систематический анализ содержания, интенсивности и различий в освещаемых вопросах позволяет выявить различные дискурсивные конструкции трех стран по одной и той же группе событий. *Китайские СМИ формируют макроуправленческий нарратив, ориентированный на национальное развитие, рассматривая демографические вопросы через призму коллективистского и девелопменталистского мышления. Российские СМИ придерживаются нейтральной и объективной перспективы, акцентируя внимание на фактах и сравнении с другими странами. Американские СМИ создают ценностно-критический дискурс, акцентируя внимание на индивидуальных правах и меньшинствах, что соответствует стратегии делегитимации «Другого», противопоставляя китайскую политику своим институциональным принципам.* Эти различия в подходах показывают, как социальные системы и

²⁶⁹ Deaths of Seniors in Hospital Fire Point to China's Elder Care Shortfall // The New York Times. – 8 мая 2023. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/08/world/asia/china-hospital-fire-elderly.html?searchResultPosition=27> (дата обращения: 17.01.2025).

ценностные ориентации медиа в разных странах влияют на восприятие Китая на международной арене и закладывают основу для дальнейшего критического анализа.

Временная динамика тематических приоритетов в демографическом медиадискурсе

По определению А.А. Кибрика, дискурс включает одновременно два компонента: динамический процесс языковой деятельности и её результат. Это понятие означает речь, рассматриваемую как коммуникативное событие в совокупности с экстралингвистическими факторами²⁷⁰. Дискурс, в отличие от статичного текста, подчёркивает временной характер языкового общения. Как отмечает Т.А. ван Дейк, дискурс представляет собой «речевой поток, язык в его постоянном движении», отражающий многообразие исторической эпохи и социокультурных особенностей коммуникантов²⁷¹. Анализ медиадискурса должен фокусироваться не только на статичном содержании текста, но и подчеркивать подвижность и изменчивость языка во временном измерении, что делает изучение эволюции тематических слов в контексте времени необходимым для понимания конструирования медиадискурса.

Поэтому в данном разделе, основываясь на результатах тематического моделирования LDA, мы продолжаем анализировать тенденции изменения интенсивности освещения вопросов населения Китая в СМИ трех стран с течением времени (см. рис 5–6). Изучая изменения в фокусе внимания СМИ разных стран на различных этапах политики и влияние значительных событий, мы выявляем различия в конструировании дискурса трех стран и стоящие за ними идеологические соображения.

²⁷⁰ Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис. докт. филол. наук: 10.02.19. – М., 2003. – С. 10.

²⁷¹ Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация М.: Прогресс, 1989. – С. 312.

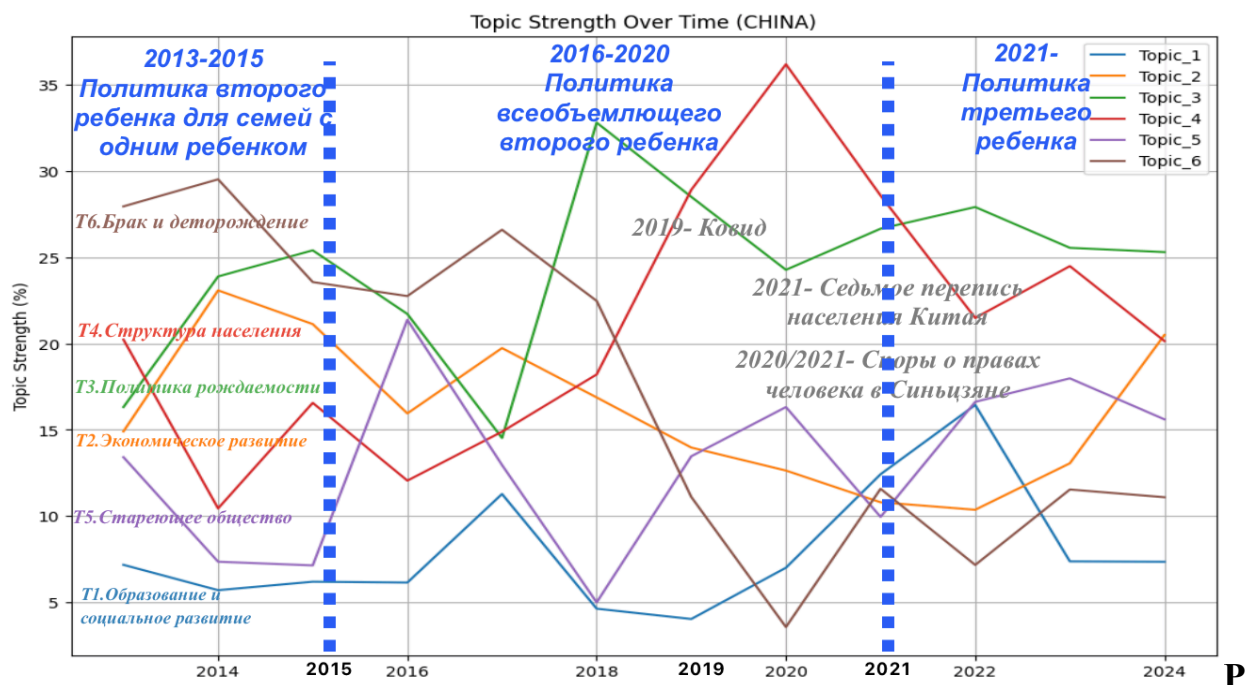

рис 5. Динамика интенсивности тем в медиакорпусе Китая

(источник: рисовано

автором)

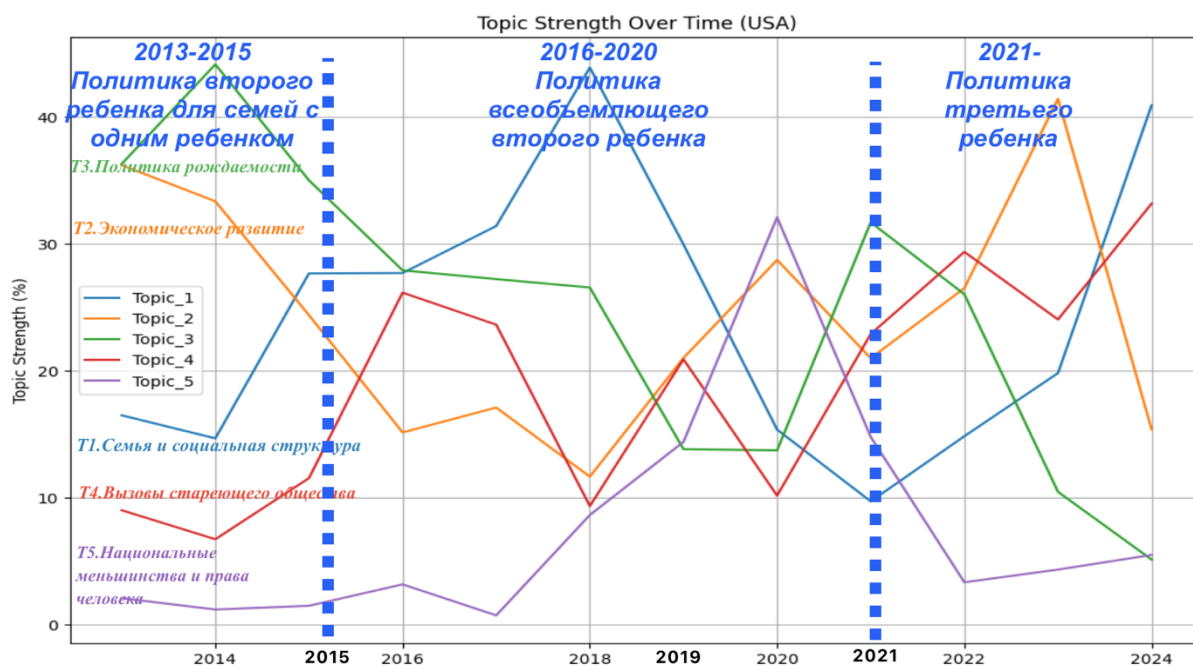

Рис 6. Динамика интенсивности тем в медиадискурсе США

(источник: рисовано

автором)

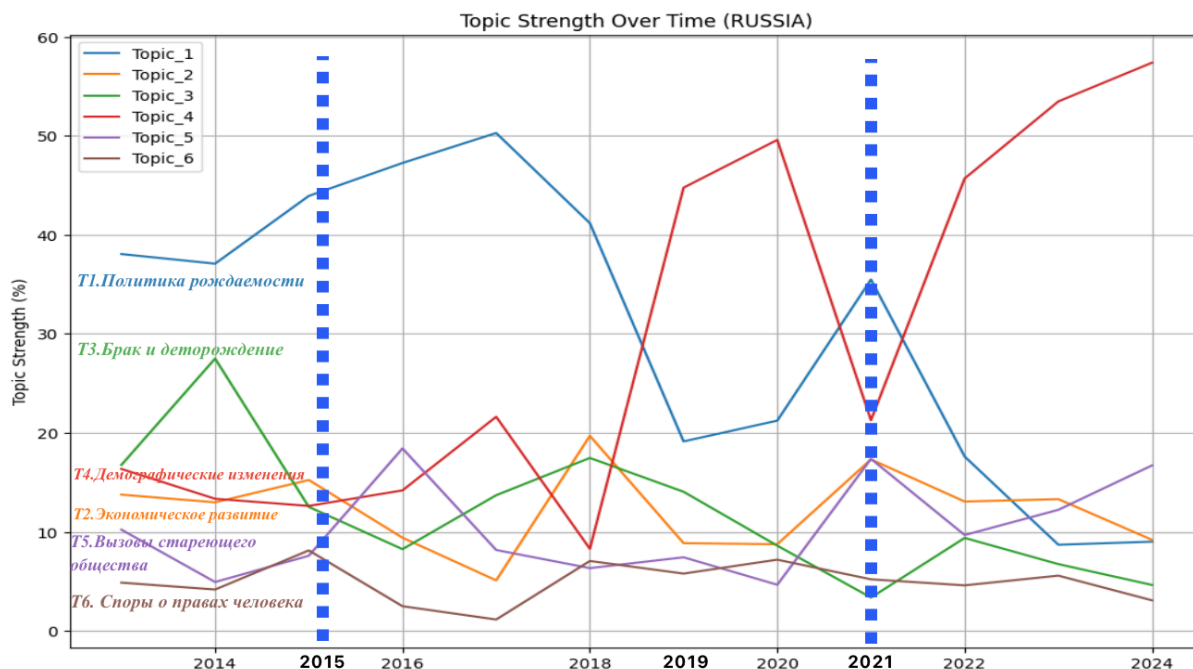

Рис 7. Динамика интенсивности тем в медиакорпусе России

(источник: *рисовано автором*)

В соответствии с изменениями демографической политики Китая, период 2013–2024 годов разделен на три этапа:

Этап политики второго ребенка для семей с одним ребенком (2013–2015 гг.)

На начальном этапе реализации политики второго ребенка для семей с одним ребенком китайские СМИ в основном фокусировались на политике рождаемости (Т3, около 25%) и экономико-демографической структуре (Т4, около 20%), формируя двойной нарратив о рациональности политики контроля и экономических выгодах развития. Американские СМИ на этом этапе уделяли политике рождаемости (Т3) исключительно высокое внимание – до 45%, что значительно превышало другие темы и отражало высокий интерес к внутривнутриполитическим изменениям в Китае. Российские СМИ демонстрировали преимущественное внимание к политике рождаемости (Т1, около 40%), одновременно уделяя внимание социальным аспектам вопросов брака и деторождения (Т3).

Этап политики всеобъемлющего второго ребенка (2016–2020 гг.)

После внедрения политики всеобъемлющего второго ребенка освещение в китайских СМИ трансформировалось от кратковременного усиления внимания к политике рождаемости (Т3) к вопросам низкой репродуктивной мотивации и экономического давления, одновременно нарастали темы старения населения (Т5) и экономических вызовов (Т4), что отражало переход медийных рамок от пропаганды политики к реагированию на социальные вызовы. Американские СМИ на этом этапе претерпели значительные изменения: в 2018 году освещение семейной и социальной структуры (Т1) достигло пика (более 45%), а к 2020 году существенно усилились темы вызовов старения (Т4) и вопросов прав человека (Т5). Россия на этом этапе проявляла повышенное внимание к демографическим изменениям в Китае (Т4), которое выросло с менее чем 10% до почти 50%, в основном с акцентом на фактологическое освещение снижения рождаемости в Китае и отмены политики планирования семьи.

Особого внимания заслуживает *период после вспышки пандемии COVID-19 в 2019 году*, когда внимание китайских СМИ к проблемам стареющего общества (Т5) значительно возросло – с 15% до примерно 25%, что отражало усиление внимания к защите уязвимых групп населения в условиях пандемии. Одновременно в американских СМИ начало расти внимание к вопросам прав человека (Т5), и постепенно демографические изменения в Китае (Т2) стали связываться с экономическим замедлением, особенно после пандемии, когда увеличилось количество репортажей о нехватке рабочей силы и проблемах в цепочках поставок, формируя нарратив «демографический кризис = экономический спад». В отличие от этого, российские СМИ во время пандемии больше фокусировались на международных демографических сравнениях (Т4), анализируя влияние COVID-19 на рождаемость в Китае и рассматривая демографические изменения в Китае с точки зрения глобальной демографической структуры.

На этом этапе события, связанные с *правами человека в Синьцзяне*, которые начали нарастать с 2020 года, также получили различный уровень

внимания в США и России. В американских СМИ после этих событий тема прав человека (Т5) быстро активизировалась, увеличившись с менее чем 5% до примерно 30%, и американские СМИ начали связывать политику рождаемости с «демографическим контролем и этническим притеснением». В то же время освещение Синьцзяна в российских СМИ (Т6) оставалось на относительно низком уровне (около 5%) и в основном представляло собой пересказ опровержений китайской стороны, а не интерпретацию с позиции прав человека.

Этап политики третьего ребенка (с 2021 года по настоящее время)

После публикации результатов переписи населения Китая 2021 года и реализации политики третьего ребенка интерес к новой политике в китайских СМИ лишь кратковременно повысился и быстро снизился, а новыми фокусами стали экономическое развитие (Т2) и старение населения (Т5). На этом этапе медиа постепенно сместили фокус с чистой пропаганды политики и анализа экономических процессов на образовательные и социальные вопросы (Т1), оказывающие влияние на демографическое развитие, включая жильё и образование

Американские СМИ на этом этапе характеризуются высокой волатильностью тем: с начала 2021 года быстро возрос контент о семье и социальной структуре Китая, в основном через репортажи о личных историях (таких как усыновление детей, сельские женщины и т.д.) для критики негативных последствий принудительного вмешательства Китая в репродуктивную сферу; после 2022 года экономическое развитие (Т2) и вызовы старения (Т4) поочередно становились доминирующими темами, и в сочетании с результатами переписи населения Китая американские СМИ дальше усиливали риторику «демографического коллапса Китая», потенциально формируя причинно-следственную связь между сокращением населения, экономическими вызовами и старением населения.

В отличие от этого, фокус российских СМИ был более однородным, с наиболее заметной характеристикой – устойчивым ростом темы

демографических изменений и международных сравнений (Т4) после 2021 года, достигающим подавляющего преимущества почти в 60% к 2024 году. Эта тенденция показывает, что российские СМИ продолжали рассматривать демографические проблемы Китая в рамках глобальной стратегической структуры и конкуренции великих держав, подчеркивая потенциальные изменения в глобальной экономической структуре, вызванные превышением населения Индии над Китаем.

Транснациональное сравнение конструирования дискурса и идеологическая интерпретация

Медиа трех стран сформировали на китайской демографической проблематике свои уникальные дискурсивные фреймы, отражающие различные ценностные ориентации и стратегические соображения. Китайские СМИ используют *«объяснительно и развивающий» фрейм*, однако это объяснение проявляется в основном как пропагандистская интерпретация государственной политики и логика решения проблем, рассматривая демографические изменения как поэтапные вызовы в процессе национального развития. Освещения демонстрируют явные признаки политического цикла: до и после введения политики увеличивается доля тем, связанных с рождаемостью; в период стабилизации политики больше внимания уделяется системным ответам на экономическом и социальном уровнях. Эта модель отражает дискурсивную логику, ориентированную на государственное управление, подчеркивая важность политического руководства и планирования развития.

В противоположность этому, американские СМИ преимущественно используют *фрейм «давления и противостояния»*, формируя в своих репортажах нарративную структуру «позитивного себя и негативного другого», постоянно подчеркивая «инаковость» китайской системы для акцентирования так называемого «превосходства» западных институтов и ценностей. На начальном этапе внимание сосредоточено на влиянии политики рождаемости на личную свободу; в среднесрочной перспективе

подчеркиваются потенциальные угрозы демографических проблем для экономического развития Китая; на поздней стадии демографическая политика связывается с проблемами прав человека в Синьцзяне и другими вопросами, что способствует дальнейшей политизации. В процессе освещения часто используются стратегии моральной оценки и нарративной легитимации, выбираются индивидуальные истории с эмоциональным напряжением для усиления критики китайской политики, демонстрируя идеологические особенности системного соперничества.

Российские СМИ сформировали *«фактологический и сравнительный» фрейм*, где «объяснение» больше склоняется к констатации фактов, а не к ценностным суждениям. Ранний стиль репортажей был близок к китайскому, с упором на понимание и представление самой политики. После 2018 года произошел быстрый переход к международной сравнительной перспективе, помещающей демографические изменения Китая в контекст эволюции глобальной демографической структуры, с особым вниманием к сравнению динамики численности населения Китая и Индии. Этот фрейм отражает постоянный интерес российских СМИ к изменениям в глобальной демографической структуре, а также демонстрирует стратегическое переосмысление положения Китая в контексте соперничества великих держав.

Эти различия в конструировании дискурса во временном измерении, взаимно подтверждаемые различиями в тематическом содержании, проанализированными ранее, вместе раскрывают, что конструирование дискурса СМИ трех стран является не пассивным отражением новостных событий, а активным выбором, основанным на их стратегических потребностях, идеологических позициях и логике международной конкуренции. *Китайские СМИ демонстрируют стратегический фрейм, ориентированный на управление проблемами; американские СМИ показывают стратегический переход от индивидуальной свободы к критике прав человека; а российские СМИ сохраняют относительно нейтральную и*

структурированную глобальную сравнительную перспективу. Эти различия не только отражают фундаментальные идеологические позиции трех стран, но и показывают, как СМИ интегрируют, казалось бы, объективные демографические вопросы в свои стратегические нарративные системы, обслуживая различные дискурсивные цели.

2.2. Текстовый анализ лексико-семантических стратегий демографического медиадискурса

Согласно трёхмерной модели КДА Н. Ферклауфа, анализ на текстовом уровне фокусируется на формальных характеристиках языка, включая выбор лексики, грамматические структуры, когерентность и текстовую организацию. Для выявления скрытых идеологий и властных отношений в освещении вопросов демографии Китая в СМИ Китая, России и США, в данном разделе проводится анализ коллокаций ключевых слов и метафорический анализ заголовков новостей, исследуя, как СМИ трех стран используют специфические языковые стратегии для конструирования и распространения различных интерпретаций демографических проблем Китая.

Коллокационный анализ ключевых слов в демографическом медиадискурсе

Дискурсивный анализ фокусируется не только на макротематических структурах, но и углубляется в микроуровень текста, исследуя модели использования конкретных слов и формируемые ими смысловые сети²⁷². Н. Фэйрклоу ²⁷³ утверждает, что слова и фразы всегда несут коннотации, происходящие из контекстов их частого употребления, и идеологические значения могут передаваться через умелое использование лексики. Как

²⁷² Baker, P., Gabrielatos, C., KhosraviNik, M., Krzyżanowski, M., McNery, T., & Wodak, R. (2008). A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press. *Discourse & Society*, 19(3), 273–306.

²⁷³ Fairclough, N. (2001). *Language and Power*. 2nd edition. Harlow, Eng.; New York: Routledge.

отмечают Р. Абди и А. Басарати²⁷⁴, «каждое слово несет имплицитные коннотации и скрытую силу», которая часто используется для достижения прагматических целей. Говорящие тщательно подбирают слова для выражения своих идеологических соображений для достижения определенных целей. Таким образом, помимо семантического значения, слова приобретают дополнительные смыслы, обусловленные контекстом, что подчеркивает значимость лексико-прагматического анализа в дискурсивных исследованиях²⁷⁵.

Корпусный анализ способен систематически выявлять скрытые дискурсивные паттерны в масштабных текстовых корпусах, преодолевая селективные предубеждения традиционного дискурсивного анализа²⁷⁶. Следуя высказыванию Дж. Фёрс «Узнай, с чем слово сочетается, и узнаешь само слово»²⁷⁷, анализ коллокаций стал мощным инструментом для выявления стратегий конструирования дискурса. Коллокации определяются как «привычное и повторяющееся сопоставление семантически связанных слов»²⁷⁸, отражающее закономерные модели языкового использования, а не случайные комбинации.

Метод анализа коллокаций ключевых слов, используемый в данном разделе, связан с *предикационными стратегиями* в рамках исторического дискурсивного анализа Р. Водак. Основное внимание уделяется анализу того, какие качества приписываются объектам через разные языковые средства, такие как глаголы, прилагательные и существительные, для выявления, как медиа с помощью этих словесных связей формируют оценочные рамки и идеологически нагруженные дискурсивные структуры.

На методологическом уровне, для обеспечения максимальной объективности и эффективности исследования, в данной работе

²⁷⁴ Abdi, R., & Basarati, A. (2016). A critical analysis of the representation of Yemen crisis in ideologically-loaded newspaper headlines. *GEMA Online Journal of Language Studies*, 16(3), 37–27.

²⁷⁵ Al-Omari, M., Elhersh, H., al Huneety, A., & Mashaqba, B. (2024). Authorship analysis of three Jordanian columnists: Is there a linguistic fingerprint? *Cogent Arts & Humanities*, 11(1).

²⁷⁶ McEnery, T., & Hardie, A. (2012). *Corpus linguistics: Method, theory and practice*. Cambridge University Press.

²⁷⁷ Firth, J. R. (1957). *Papers in linguistics 1934–1951*. Oxford University Press.

²⁷⁸ Bartsch, S., & Evert, S. (2014). Towards a Firthian notion of collocation. *Network Strategies, Access Structures and Automatic Extraction of Lexicographical Information*, 2, 48–61.

использовался корпусный программный инструмент *AntConc 4.2.4* для анализа коллокаций и совместной встречаемости ключевых слов, который эффективно идентифицирует распространенные коллокаты ключевых слов и рассчитывает показатели их значимости²⁷⁹. Этот подход, интегрирующий корпусную лингвистику и дискурсивный анализ, подтвержден такими учеными как Р. Байкер и др. (см. раздел 1.2.2.) и направлен на снижение когнитивных предубеждений исследователей и аналитиков, которые возникают из желания выбрать тип данных, способствующий реализации их идеологических целей.

При конкретной операционализации в качестве статистического критерия для расчета коллокаций использовалось отношение логарифмического правдоподобия (*log-likelihood*), подходящее для корпусов разного размера и эффективно оценивающее значимость и силу совместной встречаемости коллокаций²⁸⁰. Хотя LDA-моделирование уже выявило распределение тем, анализ коллокаций позволяет глубже исследовать конкретные языковые способы реализации оценочных ориентаций в СМИ разных стран. В предыдущем тематическом моделировании LDA мы обнаружили, что, хотя СМИ трех стран акцентируют внимание на разных темах, «policy»/«политика» как ключевая концепция в освещении вопросов населения Китая занимает центральное место в репортажах всех трех стран (тематическая значимость: Китай – 23,82%, США – 26,21%, Россия – 31,03%)(см. разделе 2.1.2). Поэтому в этом разделе через анализ коллокаций этого центрального понятия дополнительно раскрываются микродискурсивные стратегии конструирования, не улавливаемые предыдущим макротематическим анализом, для выявления когнитивных установок трех стран по демографическим вопросам Китая (см. табл. 5–7).

Таблица 5

Коллокации слова «политика / policy» в китайском медиакорпусе

²⁷⁹ Anthony, L. (2018). *Introducing English for specific purposes*. Routledge.

²⁸⁰ Gabrielatos, C. (2018). Keyness analysis: Nature, metrics and techniques. In C. Taylor & A. Marchi (Eds.), *Corpus approaches to discourse: A critical review* (p. 225-258). Routledge.

Часть речи	Категория	Коллокация слова (по степени интенсивности)
<i>Прил.</i>	Позитивная оценка	universal, preferential, supportive, favorable, comprehensive, pronatalist, effective
	Негативная оценка	strict
<i>Глаг.</i>	Внедрение/адаптация	implement, relax, ease, adjust, scrap, optimize,
	Продвижение/поддержка	encourage, support, promote, boost
<i>Сущ.</i>	Цели политики	growth, fertility, labor, employment, childbirth, coordination
	Поддерживающие меры	measures, services, care, help, adopt
	Семья	couples, data, women, income, tax

Китайские СМИ создают дискурсивные рамки, ориентированные на развитие, подчеркивая научность и социальную ценность политики. В коллокациях прилагательных «universal», «supportive», «comprehensive» акцентируется инклюзивность и позитивное воздействие политики, представляя её как важный инструмент социального прогресса. Единственное негативное прилагательное «strict» указывает на признание проблем жёсткой политики планирования семьи в прошлом и демонстрирует активную позицию государства в переходе к корректировке. В глагольных коллокациях реализация политики описывается как «implement», «adjust», избегая подчеркивания принудительности, а слова «encourage», «support», «promote» формируют образ политики как позитивного средства стимулирования развития. Именные коллокации фокусируются на «growth», «employment», «measures», «care», «help», подчеркивая роль политики в экономическом развитии, стимулировании занятости и социальном обеспечении. «China Daily» в своей дискурсивной стратегии стремится

подчеркнуть необходимость политических мер для социального развития, представляя их как рациональное планирование, стимулирующее экономический рост и улучшающее благосостояние населения. Корректировка политики преподносится как необходимый шаг, соответствующий требованиям развития. Такая стратегия отражает китайский «девелопментализм», рассматривающий управление народонаселением как часть модернизации страны, демонстрируя типичную для китайского политического дискурса коллективистскую ценностную ориентацию.

Таблица 6

Коллокации слова «политика / policy» в медиакорпусе США

Часть речи	Категория	Коллокация слова (по степени интенсивности)
<i>Прил.</i>	Негативная оценка	controversial, notorious, draconian, restrictive, unpopular, strict, contentious, coercive
	Нейтральный	new, planning, allowing
<i>Глаг.</i>	Принудительное внедрение	implement, enforce, relax, ease, control, enact, lift, institute, impose
	Отмена/отказ	abandon, end, scrap, abolish, fail, violate
<i>Сущ.</i>	Негативные последствия	Famine, legacy, enforcement, scar, violator
	Изменение	change, government, shift, age, India, Covid, adjustment
	Семья	couples, women, family

В отличие от этого, американские СМИ, часто используя такие прилагательные как «controversial» («спорный»), «notorious» («печально

известный»), «draconian» («драконовский»), изображают демографическую политику Китая как спорную, авторитарную и негуманную. В моделях глагольной сочетаемости глаголы, подчеркивающие принудительный характер, такие как «enforce» («принудительно введенный»), «impose» («навязывать»), «control» («контролировать») образуют линейную нарративную структуру с глаголами прекращения, такими как «abandon» («отменить»), «end» («закончить»), «scrap» («отбросить»), «fail» («провал»): от принудительного внедрения к неизбежному провалу. В коллокации существительных использование таких слов, как «Famine» («Голод», историческое событие в Китае в 1959–1961 годах), «scars» («шрамы»), дополнительно усиливает связь этой политики с социальными травмами и историческими катастрофами, определяя её как нарушение личных прав и провальную практику, оказавшую глубокое негативное влияние на общество. Такой способ выражения отражает типичную для американских СМИ ценностную ориентацию «либерально-индивидуалистического центризма», а также тенденцию к «секьюритизации» (securitization) вопроса демографической политики, то есть представление его как части идеологического соперничества между США и Китаем.

Таблица 7

Коллокации слова «политика / policy» в медиакорпусе России

Часть речи	Категория	Коллокация слова (по степени интенсивности)
<i>Прил.</i>	Нейтральное описание	демографический, направленный, государственный, официальный, гендерный
	Негативная оценка	жесткий
<i>Глаг.</i>	Внедрение/исполнение	проводить, действовать, внедрять, разрабатывать, решить
	Отмена/отказ	отказаться

Сущ.	Коррекция/изменение	отмена, ослабление, смягчение, изменение
	Семья/население	семья, рождаемость, девочка
	Проблемы/вызовы	ограничение, планирование, проблема, дисбаланс, нарушение, нарушитель
	Изменение/реформы	открытости, реформа, стимулирование

Российские СМИ демонстрируют более нейтральную стратегию комментирования, уделяя внимание объективности и сбалансированности. В прилагательной сочетаемости преимущественно используются нейтральные слова, такие как «демографическая», «государственная», избегая оценочных коннотаций и формируя дискурсивную позицию «репортёра»/«наблюдателя» вместо «судьи». Глагольная сочетаемость включает «проводить», «действовать», «внедрять», а именная сочетаемость - «отмена», «ослабление», «смягчение», объективно транслируя факты корректировки демографической политики Китая. Большинство материалов представлено в жанре кратких информационных сообщений. В отношении спорного вопроса китайской демографической политики российские СМИ не избегают полностью негативных аспектов. Например, прилагательное «жёсткий» и существительные «дисбаланс», «нарушение», «нарушитель» в сочетаниях выражают критическое отношение к историческим проблемам, оставшимся от этой политики. Интересно, что в сочетаемости ключевого слова «политика» в СМИ трёх стран слово «семья» имеет наивысшую частотность совместной встречаемости в российских медиа, что свидетельствует о внимании российских СМИ к взаимосвязи демографической политики и семейной структуры, что может отражать скрытую связь медийного дискурса с национальными ценностями. В целом, российские СМИ занимают

относительно нейтральную позицию, избегая резких моральных оценок и выступая в роли «наблюдателя», передающего факты.

Настоящее исследование на основе корпусного анализа коллокаций ключевого слова «политика» в СМИ Китая, США и России выявило глубинные идеологические различия в освещении китайской демографической политики. Сравнительный анализ обнаружил три различные модели дискурсивных практик: *китайский «девелопменталистский» дискурс, американский дискурс «свободы и прав человека» и российский дискурс «сбалансированной объективности».*

Медиа каждой страны формируют собственные дискурсивные стратегии на основе различных ценностных систем. Китайские СМИ используют девелопменталистскую рамку, представляя демографическую политику как научный инструмент содействия национальному развитию через позитивные оценочные выражения, акцентируя внимание на практической эффективности политики и её вкладе в улучшение жизни населения. Американские СМИ через критическую рамку подчёркивают принудительный характер политики и её негативные последствия, применяя морально-критическую рамку и используя значительное количество негативной лексики для описания политики в контексте прав человека. Российские СМИ демонстрируют рациональный и объективный подход, избегая крайних оценок и склоняясь к объективному анализу процесса корректировки политики и её социальных последствий.

Метафорические стратегии репрезентации в демографическом медиадискурсе

Стратегия номинации как дискурсивный метод по своей сути представляет собой символическое наименование элементов социальной деятельности посредством риторических приемов, таких как метафора. Новостные сообщения через механизмы селективного выделения и затемнения, используя метафорическую номинацию, конструируют

идеологические рамки, формируя и усиливая дискурсивное позиционирование стран в международной системе. «Человек не только выражает свои мысли с помощью метафор, но и мыслит ими, создавая тот мир, в котором живет»²⁸¹.

Джордж Лакофф (George Lakoff) и Марк Джонсон (Mark Johnson) в работе «Метафоры, которыми мы живем» («*Metaphors We Live By*») систематически представили *теорию концептуальной метафоры (Conceptual Metaphor Theory)*, утверждая, что метафора — это структурная особенность человеческой концептуальной системы, а не просто инструмент языкового выражения. Они отмечают: «Понимание, мышление и выражение людей концептуальны по своей природе. В повседневной жизни люди часто используют знакомые, осязаемые, конкретные понятия (такие как пространство, объекты) как основу для понимания незнакомых или абстрактных понятий (например, эмоции, социальные отношения)» — метафоры в языке отражают глубинные когнитивные структуры сознания.

Лакофф подчеркивает, что люди строят систему концептуальных доменов через метафоры, осуществляя отображение (mapping) между двумя концептуальными доменами, то есть когнитивный процесс проецирования абстрактного (target domain) на конкретный (source domain). Структура когнитивного отображения может быть обобщена как $F: A \rightarrow B$ (A is B), где F — правило когнитивного отображения²⁸². Целевые домены чаще всего абстрактны (жизнь, смерть, эмоции), а домены-источники — телесны и интересубъективно понятны (движение, борьба, животные)²⁸³. Хотя сами по себе такие метафоры могут не иметь большого значения, они важны для описания культурного дискурса, где взаимодействие различных моделей придаёт новые смыслы, эмоции и оценки языку массмедиа²⁸⁴.

²⁸¹ Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

²⁸² Lakoff, G., Johnson, M. (2003). *Metaphors We Live By*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

²⁸³ Semino, E. (2020). “Not Soldiers but Fire-fighters” – Metaphors and Covid-19. *Health Communication*, 36(1), 50–58.

²⁸⁴ Катайцева Н. А., Щурова И. В. Метафора как способ формирования языковой картины мира в современных центральных и региональных российских интернет-СМИ (на примере текстов культурной тематики) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2022. – № 1. – С. 119–135.

Концептуальные метафоры не только систематичны, но и глубоко укоренены в культуре, поскольку «конвенциональные метафорические соответствия между структурами знаний согласуются с конкретной культурой и языком». ²⁸⁵ . Метафоры конкретизируют абстрактное и отражают скрытые когнитивные структуры²⁸⁶ . Так, в западной культуре метафора «время — деньги» связана с распространением почасовой оплаты после промышленной революции, тогда как в китайской культуре «время — текущая вода» отражает цикличность природы и аграрный уклад. Эта культурная обусловленность позволяет использовать метафоры для выявления идеологических различий.

Более того, метафоры *структурируют социальные отношения в общественном сознании, предлагая обществу конкретные рамки восприятия.* Например, устойчивое употребление СМИ метафоры «рынок — это поле битвы» может формировать агрессивное восприятие экономики, поддерживая нарративы социального дарвинизма — «выживание сильнейших» и «закон джунглей». В новостных сообщениях эффективность метафоры также происходит от ее *двойного механизма селективного выделения и затемнения*²⁸⁷ . Так, описание переговоров как «постепенного процесса» подчеркивает движение вперёд, но скрывает возможность остановки или регресса. Это риторическая стратегия, задающая когнитивные рамки — «процесс ведёт к цели», направляя восприятие читателя: остановка кажется «аномалией», а не нормой. Метафоры используются для убеждения, оценки и объяснения, управляя вниманием через эмоциональную передачу, выражение отношения и юмор²⁸⁸ .

Для обеспечения операционализации исследования метафор ученые разработали систематический процесс идентификации²⁸⁹ : во-первых, ручная

²⁸⁵ Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. – 2007. – № 1. – С. 19–35.

²⁸⁶ Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.

²⁸⁷ Liu, Y., & Li, D. (2022). The US-China battle over Coronavirus in the news media: Metaphor transfer as a representation of stance mediation. *Discourse & Society*, 33(4), 456–477.

²⁸⁸ Liu, Y., & Tay, D. (2023). Modelability of WAR metaphors across time in cross-national COVID-19 news translation: An insight into ideology manipulation. *Lingua*, 286, 103–490.

²⁸⁹ Shuttleworth, M. (2017) / *Studying Scientific Metaphor in Translation*. Oxford: Taylor & Francis.

аннотация — идентификация «ключевых слов метафоры» в выборке; во-вторых, корпусная верификация — автоматический поиск этих слов в больших корпусах на основе согласованности, коллокации или семантической просодии; в-третьих, определение по процедуре MIP — «процедуре идентификации метафоры» (*Metaphor Identification Procedure, MIP*), предложенной группой Pragglejaz²⁹⁰, для установления метафоричности. Для иллюстрации: определяется, трансформировалось ли слово «погрязнуть» в выражении «переговоры погрязли в тупике» из буквального значения (физическое погружение) в метафорическое (попадание в затруднительное положение). Операционные шаги MIP включают: 1) чтение всего текста для понимания общего смысла; 2) определение лексических единиц в тексте; 3) установление значения лексической единицы в контексте; 4) поиск её базового современного значения; 5) сравнение контекстуального значения с базовым; 6) если между ними есть различие, лексическая единица считается метафоричной.

В новостных сообщениях *стратегия номинации* особенно проявляется в заголовках. Как отмечает О.С. Толомасова, заголовки газет имеют ярко выраженную целевую установку: передать основную информацию и привлечь внимание читателя²⁹¹. О.В. Костанда также подчёркивает, что заголовки — это наиболее читаемая часть газеты²⁹². Исходя из этого, данное исследование сосредоточено на метафорических выражениях в заголовках новостей о демографической ситуации в Китае, опубликованных в ведущих СМИ Китая, США и России. *Цель* — выявить, как с помощью метафорической номинации средства массовой информации разных стран формируют идеологические рамки и когнитивную ориентацию восприятия демографической проблематики. Для систематического анализа

²⁹⁰ Steen, G., & Pragglejaz Group. (2007). MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. *Metaphor and Symbol*, 22(1), 1–39.

²⁹¹ Толомасова О. С. Структурно-функциональные особенности английских газет заголовков в сопоставлении с газетным информационным текстом: автореферат дис. канд. филол. наук. Ленинградский гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1981. – С.8.

²⁹² Костанда О.В. Лексические особенности заголовков шведских газет. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Ивановича Стеблин-Каменского, СПб.: 36. Наука, 2003. – С. 43–49.

используется вышеупомянутая **процедура MIP**, на основе которой была собрана выборка из 76 метафор в китайских, 88 — в американских и 54 — в российских источниках (см. табл. 8–10). Идентификация доменов-источников (например, природа, путешествие и др.), к которым прибегают СМИ разных стран, позволяет проследить специфику метафорических моделей, используемых для репрезентации демографической темы. (таблица не охватывает все метафоры; повторяющиеся выражения были объединены).

Таблица 8

Метафорические фреймы в медиакорпусе Китая

Основные категории	Метафорические фреймы	Ключевые слова
Демографические проблемы	→ природных/физических явлений	silver lining (серебряная подкладка), baby boom/baby bump (Беби-бум), demographic cloud (демографическое облако), population slide (демографическое скольжение), population crash (демографический крах), population peak (пик населения)
	→ битвы/вызова	gray alert (серая тревога), tackling headwind (борьба с встречным ветром), tough battle (тяжелая битва), demographic time bomb (демографическая бомба), boom time to time bomb (от процветания до бомбы), great escape (великий побег), ghost town (город-призрак)
Демографическая политика	→ строительства	building resilience (создание устойчивости), bridge the gap (наведение мостов)
	→разблокировки	unleashing the power (высвобождение силы), tap potential (использовать потенциал), unlock gateway (разблокировать шлюз)
Экономическое развитие	→путешествия	on the right track (на правильном пути), life at a crossroads (перекресток), window of opportunity (окно возможностей), go with the flow (плыть по течению), step on the reform pedal(нажать на педаль реформ)
	→ ресурса/ценности	new golden age (новый золотой век), key to the future (ключ к будущему), sharing bigger cake (делиться большим пирогом), economic miracle (экономическое чудо), cradle of financial reform (колыбель финансовой реформы)
Стареющее общество	→ экономических ресурсов	silver bullet/silver economy (серебряная пуля/экономика), gray-hair economy/gray market (серый рынок), turning grey into gold (превращение седины в золото), golden opportunities (золотые возможности), demographic goldmine (демографическая золотая жила), finding gold for the Golden Years (поиск золота для золотых лет), too big a nest egg (слишком большой заначка)
	→ жизни	older before richer (стареющий прежде чем богатеющий), growth pangs/aging pain (боль роста/старения), grey matter (серое вещество)
Проблемы брака и семьи	→ торговли	cash for Cupid (деньги для Купидона), sky-high prices (заоблачные цены), fight betrothal money (борьба с деньгами за помолвку),
	→ дилеммы	babysitting blues, leftover women/men (оставшиеся женщины/мужчины)
	→стратегии	holding up half the sky (поддержка половины неба), gender imbalance battle (битва с гендерным дисбалансом), restorative tonic (восстановительный тоник), freezing up eggs for future (замораживание на будущее)

Китайские СМИ используют разнообразные и сбалансированные метафорические фреймы при освещении демографических проблем страны. В категории демографических проблем присутствуют как описательные метафоры природных явлений, например, «baby boom» («бэби-бум») и «population peak» («пик населения»), так и предупреждающие метафоры вызовов, такие как «gray alert» («серая тревога») и «tough battle» («тяжелая

битва»). Особенно примечательно выражение «silver lining» («серебряная подкладка»), которое искусно подразумевает содержащиеся возможности, признавая при этом демографические вызовы, что отражает типичное диалектическое мышление. В вопросах старения населения СМИ творчески используют экономические ресурсные фреймы, такие как «silver economy» («серебряная экономика»), «turning grey into gold» («превращение седины в золото») и «demographic goldmine» («демографическая золотая жила»), переопределяя старение населения из социального бремени в экономический ресурс, что демонстрирует позитивный взгляд на решение проблем. Сообщения об экономическом развитии склонны использовать метафоры путешествия, такие как «on the right track» («на правильном пути») и «window of opportunity» («окно возможностей»), создавая нарратив развития с четким направлением и оптимистическими перспективами. Проблемы брака и семьи представлены в основном через метафоры рыночных транзакций, такие как «cash for Cupid» («деньги для Купидона») и «sky-high prices» («заоблачные цены»), отражая внимание к изменениям в традиционных взглядах на брак и любовь. Эти метафорические выборы совместно формируют когнитивную рамку «видеть возможности в вызовах, искать развитие в проблемах», не избегая трудностей, но и не впадая в пессимизм, а направляя аудиторию на поиск решений и возможностей для развития.

Таблица 9

Метафорические фреймы в медиакорпусе США

Основные категории	Метафорические фреймы	Ключевые слова
Демографические проблемы	→ природных/физических явлений	demographic balloon is rapidly losing altitude (демографический шар быстро теряет высоту), looming population slide (надвигающийся спад населения)
	→ катастрофы/кризиса	demographic alarm (демографическая тревога), birthrate bomb (бомба рождаемости), population bomb (демографическая бомба), demographic time bomb/long-term time bomb (долгосрочная демографическая бомба), baby bust (демографическая яма), china backed itself into a corner (китай загнал себя в угол), unrealized horrors of population explosion (нереализованные ужасы демографического взрыва), China is starting to crack (китай начинает трещать)
	→ смерти/упадка	graying China (седиющий китай), ghost generations (поколения-призраки), deep scars in chinese society (глубокие шрамы в китайском обществе), decline that sees no end (спад, не имеющий конца)
	→ соревнования	race to encourage births (гонка за поощрение рождаемости)
Демографическая политика	→ путешествия	path to more children (путь к большему количеству детей), chinese province takes leap (китайская провинция делает скачок), small steps won't be enough (маленьких шагов будет недостаточно)
	→ разрушения/завершения	China's self-inflicted pain (самонанесенная боль Китая), fatal conceit (покоевое высокомерие), tore families apart (разрушило семьи), burying 'one child' limits (похороны ограничений одного ребенка), notorious family planning agency fades into history (печально известное агентство по планированию семьи уходит в историю), frays traditional family ties (разрывает традиционные семейные узы), long shadow of policy (долгая тень политики)
	→ упадка/регресса	Beijing can't bring home the bacon (Пекин не может принести домой бекон), economic slump (экономический спад), demographics tank China's housing market (демография топит рынок жилья Китая), curse of 35 (проклятие 35 лет)
Экономическое развитие	→ ресурса/ценности	silver economy (серебряная экономика), silver hair industry (индустрия седых волос), brain drain (утечка мозгов), tapping China's 'silver hair industry' (использование китайской индустрии седых волос), Kiwi rises on china baby talk (киви растет на разговорах о деторождении в Китае), China's future is rich with obligations (будущее Китая богато обязательствами)
	→ возрождения	manufacturing renaissance myth (миф о возрождении промышленности)
	→ торговли	love markets (рынки любви), bride price (цена невесты)
Проблемы брака и семьи	→ времени	leftover single women (оставшиеся одинокие женщины), twilight love (сумеречная любовь), left-behind kids (оставленные дети)
	→ власти	chained woman (скованная женщина), little emperors (маленькие императоры), mama's boys (маменькины сыночки), exhausted tiger moms (истощенные мамы-тигрицы), kingdom of daughters (королевство дочерей), place of women is in the home (место женщин в доме)
	→ состояния	one is the loneliest number (один — самое одинокое число), ugly sperm (уродливая сперма), the loneliness of china's one-child rule (одиночество китайской политики одного ребенка), cue the high-powered wedding photo shredder (подключите мощный shredder для свадебных фотографий)
Международная конкуренция	→ положения	shifting the world's center of gravity (смещение центра тяжести мира)
	→ культурной отсылки	Go east, Young man! (Иди на восток, молодой человек!)

Американские СМИ, освещая демографические проблемы Китая, склонны конструировать негативные метафорические фреймы. При описании тенденций изменения населения американские медиа предпочитают использовать метафоры нисходящих физических явлений, такие как «demographic balloon is rapidly losing altitude» («демографический шар быстро теряет высоту») и «looming population slide» («надвигающийся спад населения»), подчеркивая необратимую нисходящую тенденцию. Метафоры

катастроф и кризисов особенно заметны в американских СМИ, которые неоднократно используют выражения со словом «bomb» («бомба»), такие как «birthrate bomb» («бомба рождаемости») и «demographic time bomb» («демографическая бомба»), а также «china backed itself into a corner» («Китай загнал себя в угол»), создавая нарратив неизбежного кризиса. Фрейм упадка усиливает негативные эмоции через такие выражения, как «graying China» («седеющий Китай»), «ghost generations» («поколения-призраки») и «deep scars in chinese society» («глубокие шрамы в китайском обществе»), а выражение «decline that sees no end» («спад, не имеющий конца») выражает непрерывное пессимистическое ожидание. В оценке демографической политики американские медиа создали фрейм разрушения, используя выражения «China's self-inflicted pain» («самонанесенная боль Китая») и «tore families apart» («разрушило семьи»), намекая на политические ошибки и причиненный вред.

Таблица 10

Метафорические фреймы в медиакорпусе России

Основные категории	Метафорические фреймы	Ключевые слова
Демографические проблемы	→ природных/физических явлений	демографическая зима, демографический взрыв, бум рождаемости
	→ жизненного цикла	стареющее государство, Китай слабеет от старости, омоложение, второе рождение Китая, китайская оттепель
Демографическая политика	→ угроза/катастрофы	демографическая бомба, бомба замедленного действия, демографическая угроза, демографическая катастрофа, в бой идут одни старики
	→ путешествия	Китай берет курс на омоложение, Европейский путь, сделал первый шаг на пути к демографической революции
	→ разрушения	ловушка для населения, демографические диверсанты
	→ олицетворения	Компартия любит троицу, Рожай, Китай!, Страсти поднебесные
Экономическое развитие	→ строительства	женщина как опора экономики
	→ удара	обрушил фондовый рынок, удар по национальной экономике
	→ ресурса/ценности	исход китайских миллиардеров, утечка мозгов, лишился демографического дивиденда
	→ пути/препятствия	Что стоит на пути Китая к экономическому господству?, Молодые китайцы не хотят идти к станку
Проблемы брака и семьи	→ сказок/нарративов	три поросёнка с китайской спецификой
	→ культурной отсылки	Даешь молодежь, миллиард оттенков жёлтого
	→ вещи	Обзаводиться вторым ребенком, Третий — не лишний
	→	
Международная конкуренция	соревнования/противостояния	мировое господство, столкновение гигантов, Индия обгонит Китай, но задохнется, стратегическая конкуренция, захватят планету, рожать назло США
	→ животных	пробуждение запасного тигра
	→ количества	удвоение Китая, третий ребенок и первое место

Российские СМИ при освещении демографических проблем Китая демонстрируют яркие драматические и контрастные особенности. При описании демографических изменений российские медиа предпочитают использовать метафоры природных явлений с крайним контрастом, такие как «демографическая зима» и «демографический взрыв», создавая сильное ощущение конфликта. Фрейм угрозы занимает важное место в российских медиа, а выражения «демографическая бомба» и «в бой идут одни старики» драматизируют демографическую проблему как потенциальную катастрофу. Особенностью российских медиа является фрейм жизненного цикла, использующий персонифицированные выражения, такие как «стареющее государство» и «Китай слабеет от старости», одновременно предлагая концепции «омоложение» и «второе рождение Китая», создавая жизненный нарратив, полный поворотов. Кроме того, российские медиа оригинально используют метафоры народных сказок, такие как «три поросёнка с китайской спецификой», для оценки изменений в структуре китайской семьи, добавляя культурный колорит и сатирический смысл. По вопросам международной конкуренции российские медиа используют сильные конфронтационные метафоры, такие как «столкновение гигантов» и «рожать назло США», интерпретируя демографические проблемы в контексте геополитического противостояния.

Сравнительный анализ метафорических фреймов

Несмотря на освещение одной и той же темы, фокус внимания СМИ трех стран существенно различается. Данный анализ показывает, что *китайские СМИ имеют более всесторонний охват, особенно сосредотачиваясь на переосмыслении демографических вызовов как экономической возможности; российские СМИ подчеркивают внимание к международной конкуренции и геополитическим аспектам; американские СМИ уделяют особое внимание «негативным последствиям» демографической политики и социальным проблемам.*

Даже при использовании одинаковых типов метафор демографические проблемы Китая «рассказываются» по-разному. Например, в метафорах природных явлений китайские СМИ используют относительно нейтральные выражения с позитивными коннотациями, такие как «population peak» («пик населения») и «silver lining» («серебряная подкладка»); российские СМИ применяют крайние контрасты, такие как «демографическая зима» и «демографический взрыв», подчеркивая драматические изменения; американские СМИ фокусируются на описании нисходящих тенденций, таких как «demographic balloon is rapidly losing altitude» («демографический шар быстро теряет высоту») и «looming population slide» («надвигающийся спад населения»), усиливая ощущение кризиса. Использование метафор путешествия также имеет отчетливые различия. Метафоры путешествия в китайских СМИ, такие как «on the right track» («на правильном пути») и «window of opportunity» («окно возможностей»), передают четкое чувство направления и инициативы; российские медиа используют выражения типа «Китай берет курс на омоложение», подчеркивая изменение маршрута и стратегическую корректировку; американские медиа используют «path to more children» («путь к большему количеству детей») и «small steps won't be enough» («маленьких шагов будет недостаточно»), намекая на трудность пути и недостаточность усилий. В рамках ресурсов/ценностей китайские СМИ создают позитивные ценности, такие как «turning grey into gold» («превращение седины в золото») и «golden opportunities» («золотые возможности»); российские медиа фокусируются на потере ресурсов, таких как «исход китайских миллиардеров» и «утечка мозгов»; американские медиа признают ценность, но подчеркивают бремя, например, «China's future is rich with obligations» («Будущее Китая богато обязательствами»). Эти тонкие различия раскрывают, как СМИ разных стран направляют аудиторию к оценке демографической политики Китая через выбор метафор.

Различия в эмоциональной направленности также особенно заметны. Метафоры китайских СМИ относительно сбалансированы эмоционально,

сочетая предупреждающие выражения, такие как «gray alert» («серая тревога»), с позитивными перспективами, такими как «golden opportunities» («золотые возможности»); российские СМИ колеблются между чувством кризиса «демографическая катастрофа» и чувством надежды «второе рождение Китая», демонстрируя драматический нарративный стиль; метафоры американских СМИ явно склоняются к негативу, используя такие выражения, как «time bomb» («бомба замедленного действия»), «deep scars» («глубокие шрамы») и «ghost generations» («поколения-призраки»), создавая однонаправленный негативный нарратив.

Эти различия демонстрируют не просто разнообразие языковых средств, а отражают более глубокие идеологические установки, лежащие в основе медиадискурса каждой страны. *В китайских СМИ метафоры формируют когнитивную рамку, в которой демографические вызовы рассматриваются как повод для действий и поиска новых решений.* Выражения вроде «жизнь на перекрестке» и «окно возможностей» подчеркивают не фатальность ситуации, а возможность выбора направления, акцентируя активную позицию государства и общества. *Российские СМИ, напротив, часто описывают демографические изменения в логике кризиса и предельных состояний.* Однако в отличие от однозначно негативного подхода, здесь прослеживается элемент надежды и исторической трансформации. Метафоры «второе рождение Китая» или «омоложение» сосуществуют с выражениями «демографическая бомба» или «в бой идут одни старики», формируя нарратив борьбы, преодоления и возможности возрождения. Такая рамка — это не только предупреждение, но и драматический рассказ с элементом выхода, что соответствует российской культурной традиции осмысления больших исторических перемен как судьбоносных развилок. *Американские СМИ, в свою очередь, склонны строить нарратив на логике ошибки и последствий.* Используемые метафоры часто описывают Китай как загнанную в угол страну, столкнувшуюся с последствиями собственных просчетов — «самонанесённая боль», «демографическая бомба замедленного

действия», «спад, не имеющий конца». Такая рамка формирует устойчивое представление о происходящем как о череде неудачных решений, ведущих к ухудшению ситуации без четкого плана выхода.

Таким образом, в медиадискурсе трёх стран одна и та же тема получает разные интерпретации: *в Китае — через перспективу развития и мобилизации ресурсов; в России — через борьбу и возможность трансформации; в США — через критику и фиксацию на негативных последствиях.* Эти когнитивные схемы направляют восприятие читателя и задают рамки идеологической интерпретации демографической проблематики. Мы видим, что метафоры — не только языковое украшение, но и мощный инструмент когнитивного направления и идеологического конструирования. Если новостные сообщения — это карта, то метафоры — контурные линии, определяющие, какие особенности рельефа усиливаются, а какие игнорируются. Когда демографические проблемы устойчиво встраиваются в определённую метафорическую систему, их политические значения, экономические последствия и даже глобальное влияние формируются, усиливаются или ослабляются в рамках этих нарративов. Следовательно, в вопросах населения, связанных с национальным развитием, доминирование метафорических фреймов означает влияние на международное восприятие и политическое направление. Чья метафорическая рамка получает более широкое признание, тот в определённой степени приобретает право интерпретации повестки дня.

2.3. Интертекстуальные практики конструирования демографического медиадискурса

Интертекстуальное конструирование является ключевой стратегией медийной дискурсивной практики, отражающей то, как СМИ выстраивают авторитет и достоверность через цитирование чужой речи. Данный раздел фокусируется на стратегиях цитирования и пересказа в освещении

демографических проблем Китая в СМИ Китая, России и США, анализируя различия в использовании прямой и косвенной речи, а также предпочтения в выборе глаголов передачи речи. Это позволяет выявить, как СМИ трех стран конструируют авторитет определенных источников информации посредством интертекстуальности, а также стратегические различия в контроле дискурса и построении нарратива.

Типологические особенности цитирования в демографическом медиадискурсе

В отличие от текстовой практики, дискурсивная практика сосредоточена на способах интерпретации и распространения текста. Н. Фэрклаф считает, что на этом этапе центральным является внимание к интертекстуальности (intertextuality)²⁹³, то есть тому, «как текст конструирует значение для автора и читателя через ‘знаки’ из других текстов»²⁹⁴, тем самым «подчиняясь коммуникативным намерениям в медийной сфере»²⁹⁵. Распространенные *стратегии интертекстуальности* включают аллюзии, пресуппозиции, имитации, цитирование и другие. К.Н. Даирова определяет цитирование следующим образом: «Под цитатой понимается отрывок из устного или письменного текста, характеризующийся смысловой завершенностью и вводимый в текст графическим способом (с помощью кавычек, двоеточия, запятой, скобок) или посредством конструкций прямой и косвенной речи, а также ссылкой на автора»²⁹⁶.

Цитирование в новостях как ключевая *стратегия интертекстуальности* является типичной чертой новостного дискурса. Его функции выходят далеко за рамки простой передачи информации: прямая речь повышает достоверность и читабельность истории, придавая

²⁹³ Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London and New York: Routledge.

²⁹⁴ Kristeva, J. (1980). *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. New York: Columbia University Press.

²⁹⁵ Казак М. Ю., Махова А. А. Разнотипные интертекстемы в журналистском тексте: опыт функционального описания // Медиалингвистика. – 2015. – № 2 (8). – С. 93–103.

²⁹⁶ Даирова К. Н. Структурно-семантические особенности цитаты и ее функционирование в тексте (на материале английской научной лингвистической литературы): дисс...канд. филол. наук: 10.02.04. – Тверь: ТГУ им. Г. Р. Державина, 1983. – С. 156.

говорящему доверие ²⁹⁷, и считается «опорой новостных репортажей» ²⁹⁸. Цитаты также используются как средство аргументации, продвигающее точку зрения или подтверждающее позицию ²⁹⁹, усиливая эффект аутентичности и достоверности. М. Нилунд ³⁰⁰ обобщает *их нарративные функции*, включая: подтверждение новостной ценности (новизна, общественная значимость), предоставление противоречивых взглядов, выражение оценки и эмоций, усиление присутствия и предложение решений — всё это в конечном итоге способствует вовлеченности и достоверности. Кроме того, сам выбор цитат носит политический характер, поскольку «способность высказываться в новостях влияет на условия социальных споров» ³⁰¹, а анализ цитирования позволяет количественно выявлять предвзятость СМИ в выборе источников и способах их представления. Эта двойственность указывает на то, что *цитирование является как риторическим инструментом для конструирования реальности, так и полем языковой практики властных отношений*.

Цитирование — это «внешняя информация», часто используемая в новостных репортажах, с двойной целью — убедить читателей в «подлинности» и «надежности» сообщения, а также выразить идеологическую точку зрения журналиста ³⁰². Таким образом, как прямая, так и косвенная речь «не обязательно являются точным выражением первоначального говорящего», а скорее «воссозданием оригинальной речи»

²⁹⁷ Zelizer, B. (1989). 'Saying' as collective practice: Quoting and differential address in the news. *Text*, 9(4), 369–388.

²⁹⁸ Taboada, M. (2024). Reported speech and gender in the news: Who is quoted, how are they quoted, and why it matters. *Discourse & Communication*, 0(0).

²⁹⁹ Smirnova, A.V. (2009). Reported speech as an element of argumentative newspaper discourse. *Discourse & Communication* 3(1), 79–103.

³⁰⁰ Nylund, M. (2003). Quoting in front-page journalism: Illustrating, evaluating and confirming the news. *Media, Culture & Society* 25(6), 844–851.

³⁰¹ Benson, R., Wood, T. (2015). Who says what or nothing at all? Speakers, frames, and frameless quotes in unauthorized immigration news in the United States, Norway, and France. *American Behavioral Scientist*, 59(7), 802–821.

³⁰² Юй Чжэцунь, Ли Сюэ. Сравнительный анализ косвенной речи в освещении конфликта в Докладе в изданиях China Daily и The Times of India // Иностранные языки и литература. – 2023. – № 6. – С. 3–19, 48, 129. [尤泽顺 & 李雪. 《中国日报》和《印度时报》关于洞朗对峙报道的转述话语对比分析. 外国语言文学.]

³⁰³, они представляют собой репрезентацию и опосредованную систему, наполненную идеологическими предубеждениями³⁰⁴.

Основные компоненты пересказанной речи включают тип цитирования, источник, глагол передачи речи и отношение. Во-первых, в зависимости от формы и функции, цитаты можно классифицировать как: (1) *прямая речь* — обычно обозначается кавычками, указывающими на прямое цитирование чьих-либо слов. Такие цитаты характерны для жанров, ориентированных преимущественно на информирование³⁰⁵; (2) *косвенная речь* — это пересказ «чужой речи» авторскими словами³⁰⁶. Грамматически косвенная речь обычно сочетается с глаголами передачи речи (например, say, claim, affirm) и изменяет грамматическую структуру оригинального высказывания, при этом точность воспроизведения не является обязательным требованием³⁰⁷. Помимо этого, ученые обычно выделяют «сегментированные (фрагментарные)» цитаты³⁰⁸, а также «плавающие цитаты» (floating quotes)³⁰⁹ — особую форму прямой речи, обычно без использования глагола передачи речи и упоминания автора, которая представлена отдельным предложением. Исследования показывают, что прямое цитирование может сделать новостной репортаж более живым и достоверным³¹⁰, отчасти потому, что оно способно точно воспроизвести формулировки источника. Однако некоторые исследования утверждают, что «прямое цитирование не оказывает значительного влияния на достоверность или вовлеченность», но всё же нельзя отрицать, что анализ цитирования остаётся самым прямым и

³⁰³ Gervasi, K. (2014). Direct and indirect speech in Spanish language news reports. *Journal of Language and Politics*, 13(1), 51–76.

³⁰⁴ Юй Чжэиунь, Ли Сюэ. Сравнительный анализ косвенной речи в освещении конфликта в Докламе в изданиях China Daily и The Times of India // Иностранные языки и литература. – 2023. – № 6. – С. 3–19, 48, 129. [尤泽顺 & 李雪. 《中国日报》和《印度时报》关于洞朗对峙报道的转述话语对比分析. 外国语言文学.]

³⁰⁵ Зайцева С. Ю. Цитата как сигнал полемичности текста / С. Ю. Зайцева // Значение и смысл слова. – Москва : МГУ, 1987. – С. 120

³⁰⁶ Никонова Е. А. Цитация как основание для дифференциации жанров масс-медиа / Е. А. Никонова // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 5. – С. 243–261.

³⁰⁷ Саблина М. В. Цитата и цитирование в текстах современных российских газет: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2011. – С. 172.

³⁰⁸ Варченко В. В. Формы и функции цитатной речи в медиа-тексте (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2007. – С. 181.

³⁰⁹ Taboada, M. (2024). Reported speech and gender in the news: Who is quoted, how are they quoted, and why it matters. *Discourse & Communication*, 0(0).

³¹⁰ van Krieken, K. (2020) Do reconstructive and attributive quotes in news narratives influence engagement, credibility and realism? *Journalism Studies*, 21(2), 145–161.

практичным количественным методом выявления предвзятости СМИ. С одной стороны, он позволяет обнаружить избирательное представление информации: часть из неё передаётся в виде прямой речи, а другая — косвенно, с добавлением авторской позиции; с другой стороны, «глаголы передачи речи содержат идеологию журналиста» — например, выбор между «say» и «claim» в определённой степени указывает на отношение автора к сообщаемому. Таким образом, раскрытие характера использования цитат в СМИ трех стран помогает понять потенциально скрытые позиции в их репортажах.

Способы цитирования в демографическом медиадискурсе трёх стран

Медиакорпус трех стран в данном исследовании довольно обширен, для идентификации цитат автор опирался на методы, предложенные М. Табоадой³¹¹, совмещающая правила-ориентированную обработку естественного языка (NLP) и синтаксический анализ: сначала прямая речь идентифицировалась путем поиска текста между кавычками (“”/’/ «»); затем с помощью синтаксического анализа выявлялись дополнительные придаточные предложения, связанные с глаголами передачи речи в английских текстах, и придаточные предложения с союзом ‘что’, связанные с глаголами передачи речи в русских текстах.

В итоге было успешно извлечено 13171 цитат — 5436 из китайских, 5854 из американских и 1881 из российских источников (корпус российских текстов изначально был меньше по объему). Классификация типов цитат представлена в таблице 1. Далее, в соответствии со стандартами классификации глаголов передачи речи по М. Карретеро³¹², глаголы были разделены на нейтральные, условно-положительные и условно-отрицательные, как показано в таблице 11.

Таблица 11

³¹¹ Taboada, M. (2024). Reported speech and gender in the news: Who is quoted, how are they quoted, and why it matters. *Discourse & Communication*, 0(0).

³¹² Carretero, M., Domínguez Romero, E., Martín de la Rosa, V. (2024). Reported Speech in Opinion Newspaper Articles and Political Speeches: An English/Spanish Contrastive Approach. In: Baicchi, A., Broccias, C. (eds) *Constructional and Cognitive Explorations of Contrastive Linguistics*. Springer, Cham.

Распределение типов цитирования в медиакорпусах трех стран

	Прямая речь	Косвенная речь	Итог
Китай	1357 (24.96%)	4079 (75.05%)	5436
США	1914 (32.7%)	3940(67.3%)	5854
Россия	1204 (64.01%)	677 (36.99%)	1881
Итог	4475	8696	13171

График 3

Способы цитирования в медиакорпусе США

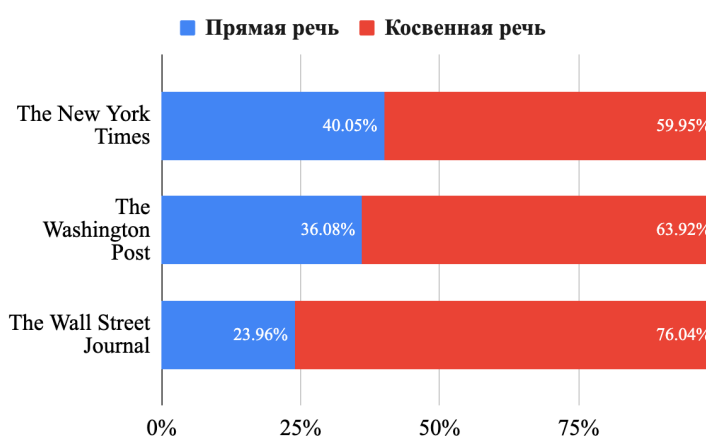
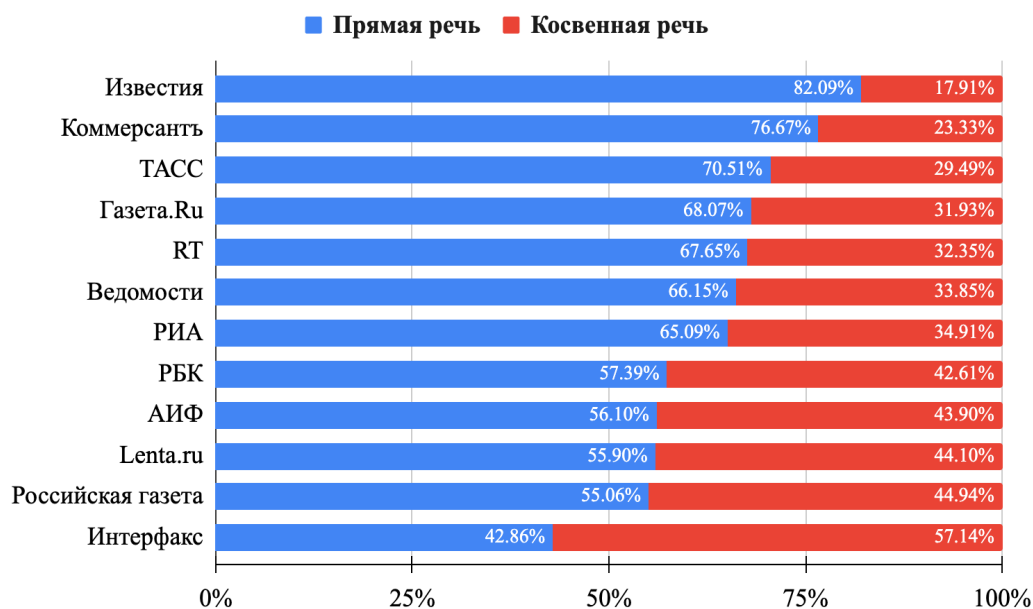

График 4

Способы цитирования в медиакорпусе России

В плане распределения типов цитирования, новостные сообщения Китая и США больше тяготеют к косвенной речи – 75,05% и 67,30% соответственно, в то время как в российских репортажах преобладает прямая речь, составляя 64,01%. Как было изложено ранее, косвенная речь отражает большую свободу повествования и возможности для конструирования фреймов, тогда как прямая речь подразумевает усиление контролируемости и достоверности воспроизведения дискурса. Эти статистические данные свидетельствуют о том, что *медиа Китая и США склонны к более интерпретативной передаче информации, а Россия больше полагается на прямую речь, что делает репортажи более ориентированными на воспроизведение оригинальных высказываний*. Кроме того, даже в схожих политических контекстах различные газеты демонстрируют разные предпочтения в цитировании. Среди трех ведущих американских СМИ Wall Street Journal (WSJ) имеет самый высокий процент использования косвенной речи (76,05%), в то время как New York Times (NYT) демонстрирует наибольшую долю прямой речи среди них (40,05%). В России межмедийные различия проявляются еще отчетливее: газета «Известия» является лидером по использованию прямой речи (82,09%), тогда как информационное агентство «Интерфакс» больше склоняется к косвенной речи, лишь 42,86% цитат в нем представлены в виде прямой речи.

В данном разделе были отобраны *различия в использовании цитат в китайских, российских и американских СМИ при освещении одного и того же события* — новости о «первом за 60 лет снижении населения Китая» от 17 января 2023 года, что более наглядно подчеркивает вышеупомянутые различия:

В китайских новостных сообщениях использование косвенной речи отражает единообразие медийного дискурса относительно правительственной риторики и поддержку официальной позиции. Через пересказ официальных заявлений, высказываний правительственных чиновников и мнений экспертов, СМИ могут передавать авторитетную

информацию без прямого выражения позиции, тем самым обеспечивая объективность и согласованность репортажа. Например, China Daily, сообщая о негативном приросте населения, через обнародование данных Национального бюро статистики Китая (см. пример 1) и косвенные ответы правительственных чиновников — «it would not immediately affect the strength of the nation's labor force» («это не окажет немедленного влияния на силу рабочей силы страны») (см. пример 2), конструирует нарративный замкнутый цикл «проблема под контролем — реагирование эффективно», тем самым смягчая передачу негативных новостей, делая репортаж более стабильным и сбалансированным, избегая провоцирования чрезмерной социальной тревоги.

Пример 1. «China's overall population *declined* by 850,000 people year-on-year to 1.4118 billion in 2022, declining for the *first time* in the nearly past 61 years, the National Bureau of Statistics **said** on Tuesday. » (17.01.2023, China Daily) ³¹³

Пример 2. «China's population *dropped* last year for the *first time* in about six decades, *heralding a period of negative growth*, but experts and officials **said it would not immediately affect** the strength of the nation's labor force, and the labor supply situation remains positive. » (18.01.2023, China Daily) ³¹⁴

Кроме того, при освещении спорных вопросов, СМИ стратегически включают прямые цитаты экспертов, обеспечивая достоверность мнений и одновременно указывая на официальную позицию СМИ — снижение населения является «natural outcome of socioeconomic development» («естественным результатом социально-экономического развития»), и «many countries are experiencing this process» («многие страны переживают этот процесс»), одновременно избегая чрезмерных прямых заявлений. Такая модель передачи речи через интеграцию разрозненной информации в согласованную систему официальных объяснений эффективно усиливает

³¹³ Is long-term negative population growth coming? // China Daily. – 17 января 2023. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202301/17/WS63c64be3a31057c47ebaa22d.html> (дата обращения: 10.01.2025).

³¹⁴ Nation's population drops for first time in 6 decades // China Daily. – 18 января 2023. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202301/18/WS63c72783a31057c47ebaa31d.html> (дата обращения: 12.01.2025).

концентрированное распространение авторитетной информации, формируя авторитетную дискурсивную рамку объяснения и реагирования: **Пример 3.** «“Negative population growth is a *natural outcome* of socioeconomic development, and *many countries are experiencing this process*,” Kang said during a news conference held by the State Council Information Office. He **added** that the decline is expected to persist but there is *no need to overstress* the situation.» (18.01.2023, China Daily). ³¹⁵

Американские СМИ, сообщая о снижении населения Китая, также широко используют косвенную речь, но из-за идеологических взглядов газет, политических позиций журналистов и уровней социальной власти, формы использования прямой и косвенной речи в двух разных газетах одной страны могут сильно различаться³¹⁶, особенно в эмоциональной направленности и выражении позиции.

В репортаже The Washington Post через косвенную речь объективно передаются данные, опубликованные китайскими официальными источниками, с акцентом на передачу фактов без излишнего эмоционального окрашивания: **Пример 4.** «China’s National Bureau of Statistics on Tuesday **announced** a decline of 850,000 people to a new total population of 1.4118 billion — *the first such decline in 60 years*”» (17.01.2023, TWP) ³¹⁷

В отличие от этого, The Wall Street Journal, освещая то же событие, демонстрирует больше позиционных наклонностей: **Пример 5.** «Separately, the bureau **reported today that** the Chinese population *shrank* last year marking the first decline *since the early 1960s when the country was devastated by famine*.» (17.01.2023, WSJ) ³¹⁸. Историческое определение «devastated by famine» («опустошен голодом») связывает снижение населения с травматическим

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Gervasi, K. (2014). Direct and indirect speech in Spanish language news reports. *Journal of Language and Politics*, 13(1), 51–76.

³¹⁷ China’s first population decline in 60 years sounds demographic alarm // The Washington Post. – 17 января 2023. – URL: https://www.washingtonpost.com/world/2023/01/17/china-population-shrinking-decline-crisis?itid=sr_3_83ab052d-3ede-43e1-8368-0b3f4d2e12de (дата обращения: 14.01.2025).

³¹⁸ Chinese Growth Slows Amid Historic Population Decline // The Wall Street Journal. – 17 января 2023. – URL: https://www.wsj.com/podcasts/whats-news/chinese-growth-slows-amid-historic-population-decline/8D32394A-9767-496E-BB02-947E36BF1BF8?mod=Searchresults_pos4&page=3 (дата обращения: 08.01.2025).

историческим событием в Китае — голодом, добавляя эмоциональный оттенок репортажу и создавая основу для последующего критического анализа демографических проблем Китая.

The New York Times также использует косвенную речь для передачи официальной информации, но выражает сомнение относительно снижения населения через размытие источника информации: **Пример 6.** «Chinese officials **announced** that the country's population declined last year for the first time in more than 60 years. [...] *Some analysts argue* the decline actually started years ago.[...]» (18.01.2023. NYT) ³¹⁹. Кроме того, The New York Times повышает достоверность через прямое цитирование китайских экспертов, эффективно перенося ответственность за мнения на экспертов, избегая прямой потенциальной ответственности перед общественным мнением и тем самым сохраняя относительную нейтральность репортажа: **Пример 7.** «China “will no longer be the young, vibrant, growing population,” Wang Feng, an expert on China's demographic trends [...]. “We will start to appreciate China, in terms of its population, as an old and shrinking population.”» (18.01.2023. NYT) ³²⁰.

Российские СМИ, сообщая о снижении населения Китая, также используют косвенную речь для объективной передачи информации из китайских СМИ, лаконично представляя конкретные данные о снижении населения: **Пример 8.** Местные СМИ отмечают, что сокращение населения в стране произошло впервые за 60 лет (17.01.2023, РИА) ³²¹. В то же время они вводят прямую речь для обеспечения авторитетности информации: **Пример 9.** «Население Китая к концу 2022 года составило 1 миллиард 411 миллионов 750 тысяч человек, что на 850 тысяч меньше по сравнению с концом 2021 года», — говорится в докладе ведомства. (17.01.2023, РИА) ³²².

Кроме того, российские СМИ, цитируя репортаж CNN, вводят международную перспективу и разнообразный анализ, усиливая глобальную

³¹⁹ China's Self-inflicted Pain // The New York Times. — 18 января 2023. — URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/18/briefing/china-population-economy.html> (дата обращения: 09.01.2025).

³²⁰ Там же.

³²¹ Население Китая сократилось на 850 тысяч человек // РИА Новости. — 17 января 2023. — URL: <https://ria.ru/20230117/kitay-1845343056.html> (дата обращения: 11.01.2025).

³²² Там же.

релевантность репортажа: **Пример 10.** «По данным телеканала CNN, “новые данные появились одновременно с объявлением одного из худших годовых экономических показателей Китая почти за полвека”, что якобы “подчеркивает серьезные экономические проблемы, с которыми сталкивается страна, поскольку ее рабочая сила сокращается, а численность пенсионеров растет”»(17.01.2023, RG)³²³. Это не только позволяет читателям увидеть прямые последствия снижения населения Китая, но и через слово “якобы” намекает на некоторую неопределенность или сомнение в экономических проблемах Китая, придавая репортажу определенную критичность и эмоциональную окраску. Аналогично, в репортаже Интерфакса также косвенно цитируется анализ Associated Press, подчеркивающий потенциальное влияние снижения населения Китая и указывающий, что это явление: **Пример 11.** “вероятно, будет иметь долгосрочные последствия как для внутренней, так и для мировой экономики” (17.01.2023, Интерфакс)³²⁴.

Хотя цитаты вокруг одного события трудно обобщить до тенденций цитирования во всех медиа, этот анализ также показывает, что выбор модели передачи речи глубоко подвержен влиянию медийной системы и отражает дифференцированное стремление к «авторитетности дискурса» и «контролируемости информации» в разных социальных контекстах производства новостей — косвенная речь через реконструкцию информации усиливает дискурсивное доминирование позиции СМИ, тогда как прямая речь через презентацию оригинального голоса конструирует более живое авторитетное присутствие источника информации.

Анализ глаголов цитирования в демографическом медиадискурсе

³²³ Мировые СМИ активно обсуждают новость о первом за 60 лет сокращении населения Китая. // RG. – 17 января 2023. – URL: <https://rg.ru/2023/01/17/mirovye-smi-aktivno-obsuzhdaiut-novost-o-pervom-za-60-let-sokrashchenii-naseleniia-kitaia.html> (дата обращения: 12.01.2025).

³²⁴ Население Китая в 2022 году сократилось впервые за 60 лет // Интерфакс. – 17 января 2023. – URL: <https://www.interfax.ru/world/880978> (дата обращения: 12.01.2025).

Глаголы цитирования составляют непосредственный контекст пересказанной речи и выполняют функцию предвосхищения и управления её пониманием. В. Н. Волошинов³²⁵ указывает, что цитирование может определять значение только в контексте, и помимо источника сообщения, глаголы передачи речи являются наиболее непосредственным контекстом. В новостных репортажах журналисты часто избирательно используют глаголы цитирования, чтобы сформировать у читателей предубеждение в поддержку или против цитируемого содержания³²⁶, или используют различные категории глаголов цитирования для конструирования идеологии³²⁷.

М. Гейс³²⁸ классифицирует новостные глаголы цитирования по эмоциональной реакции на положительные/отрицательные: положительные глаголы формируют образ осторожного, успешного источника информации, отрицательные глаголы намекают на безрассудство или неудачу. Г. Томпсон³²⁹ далее расширяет это до трех категорий: положительные, отрицательные и нейтральные, считая, что семантическая склонность глаголов передачи речи отражает отношение репортера к источнику речи, а не к самой информации. Г. Томпсон и Ю. Июнь³³⁰ также предложили три категории глаголов цитирования на основе автора (как источника информации) и автора (как носителя информации): фактические: автор через глаголы «признать (acknowledge)», «доказать (demonstrate)», «идентифицировать (identify)», «распознать (recognize)» и т.д. изображает автора как предоставляющего истинную информацию или правильные взгляды; контрфактические: автор через использование глаголов «путать (confuse)», «игнорировать (ignore)», «злоупотреблять (misuse)» и т.д. изображает автора как предоставляющего ложную информацию или неправильные взгляды; нефактические: автор не использует такие глаголы, как «верить (believe)», «утверждать (claim)»,

³²⁵ Volosinov, V. N. (1973). *Marxism and the Philosophy of Language*. New York: Seminar Press.

³²⁶ Floyd, A. (2000). The reporting verbs and the bias in the press. *Alicante Journal of English Studies*, 13, 43–52.

³²⁷ Kakavoulia, M., & Politis, P. (2010). Indirect discourse in Greek news articles: Voices and reporting verbs. *Glossologia*, 18, 11–24.

³²⁸ Geis, M. L. 1987. *The Language of Politics*. New York: SpringerVerlag.

³²⁹ Thompson, G. (1996). Voices in the text: Discourse perspectives on language reports. *Applied Linguistics*, 17(4), 501–530.

³³⁰ Thompson, G., & Yiyun, Y. (1991). Evaluation in the reporting verbs used in academic papers. *Applied Linguistics*, 12, 365–382.

«проверять (examine)», «призывать (urge)» и т.д., чтобы явно указать его/её отношение к информации/взглядам автора. На этой основе М. Карретеро³³¹ в зависимости от степени приверженности передаваемой информации (не совсем эмоциональной направленности) подразделяют глаголы передачи речи на три категории:

1. **Нейтральные (Non-qualified, NQ):** позиция говорящего/автора по отношению к информации нейтральна, часто используется для прямой передачи информации, как выражено такими глаголами, как «сказать (say)» и «рассказать (tell)».
2. **Условно-положительные (Qualified positive, QP):** эти глаголы часто выражают одобрение источника информации или утверждение определенной точки зрения, обычно с положительным эмоциональным оттенком, например, «соглашаться (agree)» или «заверять (assure)», или предполагают, что говорящий/автор, по-видимому, в значительной степени верит в доказательства этой информации, например, «подтверждать (confirm)» или «признавать (admit)».
3. **Условно-отрицательные (Qualified negative, QN):** говорящий/автор, по-видимому, не верит в эту информацию или имеет оговорки относительно источника информации. Например, «верить (believe)», «утверждать (claim)», «предлагать (suggest)» или «думать (think)».

Согласно данному критерию классификации были проанализированы глаголы цитирования в медиакорпусах трех стран. Результаты классификации представлены в табл. 12. В табл. 13 показаны 30 наиболее частотных глаголов цитирования в каждом корпусе и их категоризация.

Таблица 12

Классификации глаголов цитирования в медиакорпусах трех стран

	Условно-положительный	Нейтральный NQ	Условно-отрицательный	Итог
--	-----------------------	----------------	-----------------------	------

³³¹ Carretero, M., Domínguez Romero, E., Martín de la Rosa, V. (2024). Reported Speech in Opinion Newspaper Articles and Political Speeches: An English/Spanish Contrastive Approach. In: Baicchi, A., Broccias, C. (eds) *Constructional and Cognitive Explorations of Contrastive Linguistics*. Springer, Cham.

	QP		QN	
Китай	211(3.88%)	4453(81.92%)	772(14.2%)	5436
США	217(3.71%)	4683(80.00%)	954(16.30%)	5854
Россия	245(13.02%)	1338(71.12%)	298(15.84%)	1881
Итог	673	10474	1974	13171

Таблица 13

Частота глаголов цитирования (первые 30 слов)

Китай	Кол.	Тип	США	Кол.	Тип	Россия	Кол.	Тип
say	2837	NQ	say	3192	NQ	заявить	123	QP
according to	800	NQ	according to	579	NQ	отметить	101	NQ
add	198	NQ	tell	201	NQ	считать	98	QN
suggest	131	QN	write	146	NQ	говорить	88	NQ
find	131	QN	find	145	QN	сообщить	83	NQ
tell	100	NQ	think	120	QN	отмечать	82	NQ
report	92	NQ	suggest	104	QN	сказать	74	NQ
think	89	QN	continue	96	NQ	сообщать	72	NQ
estimate	79	QN	announce	89	QP	говориться	61	NQ
note	62	NQ	estimate	88	QN	отмечаться	56	NQ
indicate	59	NQ	add	76	NQ	писать	44	NQ
based on	57	NQ	argue	70	QN	рассказать	42	NQ
announce	56	QP	report	66	NQ	сообщаться	40	NQ
predict	45	QN	warn	61	QN	объявить	37	QP
urge	44	QN	urge	58	QN	ожидать	37	QN
warn	38	QN	note	54	NQ	добавить	32	NQ
claim	35	QN	predict	42	QN	напомнить	31	NQ
explain	35	QN	describe	41	NQ	прогнозировать	31	QN
argue	33	QN	explain	39	QN	полагать	29	QN
reveal	29	QP	ensure	31	QP	подчеркнуть	27	QP
promote	29	QP	acknowledge	24	QP	цитировать	22	NQ
state	28	NQ	based on	24	NQ	пояснить	21	NQ
agree	27	QP	declare	23	NQ	передавать	18	NQ
point	22	NQ	threaten	22	QN	думать	18	QN
support	20	QP	indicate	22	NQ	утверждать	17	QP
recommend	17	QP	agree	21	QP	по данным	17	NQ
write	17	NQ	claim	19	QN	признать	16	QP
conclude	16	NQ	convince	17	QN	призвать	16	QP
emphasize	15	QP	conclude	16	NQ	поддерживать	16	QP
describe	14	NQ	point	14	NQ	по словам	15	NQ

*В таблице русских глаголов формы несовершенного и совершенного вида учитываются отдельно.

Нейтральные глаголы цитирования (NQ):

Во всех трех странах доминируют нейтральные глаголы передачи речи с очень высокой пропорцией, особенно в Китае (81,92%) и США (80,00%), в то время как в России доля нейтральных глаголов передачи речи несколько ниже – 71,82%, но все еще находится на относительно высоком уровне, отражая тенденцию трех стран к «деполяризации» в своих репортажах. В сфере информационного консенсуса, то есть, когда речь идет о широко принятых фактах или политиках (например, содержание политики, демографическая статистика или официальная информация экономических данных), согласно таблице 13, журналисты склонны напрямую использовать такие нейтральные глаголы передачи речи, как «say» и «according to», «говорить», «отметить/отмечать», для прямой передачи информации, не подвергая сомнению или обработке точность информации.

Однако для более точного определения наличия потенциальной позиции необходимо сочетать с цитируемым содержанием, как в **примере 12**: «Facing a matter of “national strategic importance,” the government said it was taking control of the IVF facilities and exempting them from competition restrictions» («Столкнувшись с вопросом “национальной стратегической важности”, правительство сказал, что оно берет под контроль клиники ЭКО и освобождает их от ограничений конкуренции») (18.01.2023, TWP)³³². Хотя в этом предложении используется «*said*», через свободную косвенную речь «“national strategic importance”» можно обнаружить сомнение и негативную склонность репортера к говорящему. Таким образом, широкое использование нейтральных глаголов передачи речи, возможно, предоставляет относительно нейтральную рамку репортажа на поверхности, однако объективность в журналистском профессионализме является трудновыполнимой миссией.

Условно-отрицательные глаголы цитирования (QN):

Отрицательная квалификация, по-видимому, связана с фактом, что либо нет доказательств, подтверждающих истинность содержания репортажа

³³² China's birthrates are falling amid demographic crisis. It is not alone // The Washington Post. – 18 января 2023. – URL: https://www.washingtonpost.com/world/2023/01/17/china-birth-rate-population-decline-global?itid=sr_4_83ab052d-3ede-43e1-8368-0b3f4d2e12de (дата обращения: 10.01.2025).

(«верить»), либо эти доказательства указывают только на личные мнения («думать» и «чувствовать»); неопределенность этих мнений, вероятно, передается через неоднозначность используемых источников. В репортажах трех стран США имеют самую высокую долю использования QN-глаголов (16,30%), за ними следует Россия (15,84%), и последний – Китай (14,20%). Среди них наиболее часто используемые в Китае, США и России – это *find*, *think*, *suggest*, *estimate* (в России – считать, ожидать, прогнозировать, полагать, думать и т.д.), такие глаголы обычно предполагают, что информация может быть не полностью точной или является лишь не полностью подтвержденным личным мнением (см. примеры 13-14). Они часто используются вместе с модальными глаголами (*can be*, *may not*, *might*, *would* и т.д.), дополнительно размывая надежность информации (см. примеры 14-15) или указывая на будущие прогнозы (см. примеры 13, 16). Кроме того, эти глаголы обычно появляются в неясных или подразумеваемых источниках информации, что дополнительно усиливает их неопределенность (см. примеры 16–18).

Пример 13. Вице-спикер Совета Федерации Галина Карелова **считает**, что решение разрешить семьям иметь двух детей **позволит** Китаю решить важнейшие социальные и экономические задачи.³³³(29.10.2015, РИА)

Пример 14. Louis Fed **finds** that China's lifting of its one-child policy **may not** be as effective as hoped in counterbalancing the aging of that country's population.³³⁴ (03.11.2016, WSJ)

Пример 15. Economists inside and outside of China have **argued** that urbanization **can be** a powerful agent for economic change.³³⁵(09.02.2019, WSJ)

Пример 16. [...] some local residents reportedly **claimed** the fines **will** reach in the current campaign³³⁶. (08.08.2013, China Daily)

³³³ СФ: смена демографической политики позволит КНР решить важные задачи // РИА Новости. – 29 октября 2015. – URL: <https://ria.ru/20151029/1310294385.html> (дата обращения: 15.01.2025).

³³⁴ China Slowdown Hastens Looming Pension Crisis // The Wall Street Journal. – 3 ноября 2016. – URL: http://www.wsj.com/articles/china-slowdown-deepens-looming-pension-crisis-1478165548?mod=Searchresults_pos19&page=10 (дата обращения: 12.01.2025).

³³⁵ China's Demographic Danger Grows as Births Fall Far Below Forecast // The Wall Street Journal. – 9 февраля 2019. – URL: https://www.wsj.com/articles/chinas-demographic-danger-grows-as-births-fall-far-below-forecast-11549717201?mod=Searchresults_pos2&page=4 (дата обращения: 18.01.2025).

Несмотря на общности в использовании QN-глаголов между Китаем, США и Россией, американские СМИ используют глаголы с предупреждающим и надзорным оттенком (такие как *warn*, *urge*) с более высокой частотой. Такие глаголы часто используются для подчеркивания потенциальных угроз, предупреждений о рисках и социального надзора. Особенно в вопросах политической системы и прав человека в Китае, американские СМИ через эти глаголы демонстрируют критический и предупреждающий взгляд на определенные проблемы, дополнительно усиливая надзорный нарратив репортажа (см. Пример 19–21):

Пример 19. Policymakers have **warned** that China *must* prepare for a slowly shrinking population and an era of fewer workers and more retirees.³³⁷(18.01.2023, NYT)

Пример 20. A growing number of voices in China, [...], have **urged** the government to abolish birth restrictions.³³⁸(12.05.2021, NYT)

Пример 21. Chen Quanguo, the party's top official in Xinjiang, **urged** teachers to ensure children learn to “love the party, love the motherland and love the people.”³³⁹(28.12.2019, NYT)

Условно-положительные глаголы цитирования (QR) обычно используются для выражения подтверждения источника информации или усиления позиции, указывая на положительное отношение или одобрение репортера к цитируемому содержанию. В репортажах трех стран частота использования условно-положительных глаголов передачи речи (QR) в Китае и США схожа (Китай 3,88%, США 3,71%), но акцент в выборе глаголов различен: Китай акцентирует внимание на глаголах передачи речи для официальной информации и данных, таких как «announce» (объявлять), «reveal» (раскрывать), «promote» (продвигать), «emphasize» (подчеркивать) и

³³⁶ Family planning fines spark controversy // China Daily. – 8 августа 2013. – URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-08/08/content_16878829.htm (дата обращения: 07.01.2025).

³³⁷ A Shrinking, Aging China May Have Backed Itself Into a Corner // The New York Times. – 18 января 2023. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/18/world/asia/china-population-politics.html> (дата обращения: 11.01.2025)

³³⁸ China Wants to Boost Births. But It's Wary of Losing Control // The New York Times. – 12 мая 2021. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/12/business/china-births-limits.html> (дата обращения: 09.01.2025).

³³⁹ In need of a baby boom, China clamps down on vasectomies // The New York Times. – 28 декабря 2019. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/28/world/asia/china-xinjiang-children-boarding-schools.html> (дата обращения: 08.01.2025).

др., в основном выражая авторитетность официального источника информации о населении Китая; США как третья страна в своих репортажах чаще используют «ensure» (обеспечивать), «acknowledge» (признавать) и другие глаголы, акцентируя внимание на подтверждении надежности информации: в **примере 13** «Chinese officials acknowledge the demographic challenges, predicting the population will start dropping during the period covering the current five-year plan, which ends in 2025» («Китайские чиновники признают демографические вызовы, прогнозируя, что население начнет снижаться в течение периода, охватывающего текущий пятилетний план, который заканчивается в 2025 году») (04.09.2022, WSJ)³⁴⁰, глагол «*acknowledge*» указывает на подтверждение информации о признании китайскими чиновниками демографических вызовов.

В отличие от этого, доля QR-глаголов в России выше (12,33%), российские СМИ склонны через авторитетные глаголы, такие как «заявить», «объявить», «подчеркнуть», «утверждать», «признать» и другие глаголы с авторитетной направленностью, конструировать определенность информации: в **примере 14** « “Пенсионный возраст будет повышаться постепенно”, - подчеркнул Ху Сяои»³⁴¹ (25.12.2013, ТАСС), глагол «*подчеркнул*» используется для ясного указания позиции говорящего, усиливая достоверность и авторитетность информации.

Вывод. Проведенное исследование выявило существенные различия в практиках цитирования, характеризующих медиадискурс трех стран по демографическим вопросам Китая. *В структурном аспекте китайские и американские СМИ демонстрируют предпочтение косвенной речи (75,05% и 67,30%), что согласуется с теоретическими положениями о том, что косвенная речь предоставляет больше возможностей для интерпретации и конструирования фреймов. Российские СМИ отличаются доминированием*

³⁴⁰ China's Economic Slump Bodes Ill for Birth Numbers // The Wall Street Journal. – 4 сентября 2022. – URL: https://www.wsj.com/articles/chinas-economic-slump-bodes-ill-for-birth-numbers-11662289200?mod=Searchresults_pos6&page=1 (дата обращения: 20.01.2025).

³⁴¹ Китай планирует повысить пенсионный возраст на пять лет // ТАСС. – 25 декабря 2013. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/856897> (дата обращения: 06.01.2025).

прямой речи (64,01%), что усиливает эффект аутентичности и достоверности, делая репортажи более ориентированными на воспроизведение оригинальных высказываний.

Анализ глаголов цитирования показывает преобладание нейтральных форм во всех медиасистемах как проявление стремления к видимой объективности, что соответствует теоретическим воззрениям на глаголы передачи речи как средство конструирования идеологии. Значимые различия наблюдаются в использовании условно-положительных глаголов: в китайских медиа они подчеркивают авторитетность официальных источников, в американских — надежность информации, а в российских (12,33% против 3,88% и 3,71%) — определенность сведений. Американские СМИ чаще используют глаголы с надзорным оттенком (*warn, urge*), что усиливает критический характер их дискурса.

Таким образом, выбор моделей цитирования отражает не только журналистские традиции, но и различные подходы к балансу между «авторитетностью дискурса» и «контролируемостью информации», где косвенная речь усиливает дискурсивное доминирование позиции СМИ, а прямая речь конструирует авторитетное присутствие источника информации, что существенно влияет на формирование общественного восприятия демографических вызовов Китая.

Вывод по главе 2

Во второй главе проведен комплексный дискурсивный анализ освещения китайской демографической проблемы в медиа Китая, России и США с применением многоуровневой методологии, объединяющей LDA-тематическое моделирование, критический дискурс-анализ и корпусную лингвистику. Целью данного исследования являлось выявление особенностей конструирования медиадискурса о демографических проблемах Китая в трех странах и лежащих в их основе идеологических позиций.

На макроуровне дискурсивных фреймов анализ показал существенные различия в тематическом фокусе и распределении тем. Китайские СМИ формируют макроуправленческий нарратив, ориентированный на национальное развитие, рассматривая демографические вопросы через призму коллективистского и девелопменталистского мышления. Российские СМИ придерживаются фактологического и сравнительного подхода, акцентируя внимание на глобальном контексте и сравнительных перспективах. Американские СМИ создают ценностно-критический дискурс, фокусируясь на индивидуальных правах и меньшинствах, что свидетельствует о стратегии делегитимации «Другого».

Временная эволюция тематических предпочтений указывает на разные дискурсивные стратегии. Китайские СМИ демонстрируют переход от пропаганды политики к многоуровневому анализу социально-экономических вызовов; американские СМИ эволюционировали от критики индивидуальной свободы к формированию нарратива о «демографическом коллапсе»; российские СМИ сохраняют стабильную глобальную сравнительную перспективу с акцентом на международные стратегические отношения.

На микроуровне языкового анализа коллокации ключевого слова «политика» выявили три различные модели дискурсивных практик: китайский «девелопменталистский» дискурс (преобладание позитивных коннотаций), американский дискурс «свободы и прав человека» (доминирование негативных оценок) и российский дискурс «сбалансированной объективности» (преимущественно нейтральные описания). Метафорический анализ показал, что китайские СМИ формируют когнитивную рамку, в которой демографические вызовы представлены как возможности, российские медиа создают драматический нарратив с элементами кризиса и возрождения, а американские источники конструируют устойчивый негативный нарратив, основанный на логике ошибок и их последствий.

Анализ интертекстуальных практик выявил различия в стратегиях цитирования: китайские и американские СМИ предпочитают косвенную речь (75,05% и 67,30% соответственно), что указывает на большую свободу интерпретации, в то время как российские медиа тяготеют к прямой речи (64,01%), усиливая эффект аутентичности. В выборе глаголов цитирования обнаружились различия в позиционировании: китайские СМИ используют условно-положительные глаголы для подчеркивания авторитетности официальных источников, американские – для надзора и критики, а российские – для усиления определенности сведений.

Проведенное исследование демонстрирует, что конструирование медиадискурса о демографических проблемах Китая в трёх странах обусловлено не объективными демографическими фактами, а глубинными идеологическими позициями и геополитическими интересами, что подтверждает теоретическое положение о том, что медиадискурс является не столько отражением реальности, сколько инструментом её конструирования в соответствии с национальными ценностными системами и стратегическими целями.

ГЛАВА 3. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА О КИТАЕ

Как подчеркивает Н. Фэрклаф, анализ дискурса не должен ограничиваться только текстовым уровнем, необходимо также перейти к этапу «интерпретации», то есть анализу взаимосвязи между дискурсивным процессом и текстом, что помогает понять идеологию, стоящую за дискурсом. Более того, конечная цель дискурс-анализа — достичь «социальной интерпретации», исследуя социальные истоки и влияние лингвистических особенностей ³⁴². «Производство дискурса неотделимо от контекста, а понимание дискурса еще более неотделимо от контекста» ³⁴³. Поэтому в данной главе будут глубоко исследованы ключевые факторы, влияющие на различия в демографическом дискурсе трех стран, и на этой основе будут рассмотрены стратегии оптимизации демографического дискурса Китая в международной коммуникации.

3.1. Факторы конструирования демографического медиадискурса

Норман Фэрклаф в своей критической модели дискурс-анализа помещает «социальную практику» на самый макроуровень, полагая, что «социальная практика представляет собой точку соприкосновения дискурса и социальной структуры, то есть определенные социальные условия определяют дискурсивные процессы, а эти дискурсивные процессы, в свою очередь, влияют на общество» ³⁴⁴. Российский лингвист Арутюнова также определяет дискурс как «речь, погружённая в жизнь» ³⁴⁵, подчеркивая неразрывность дискурса и социальной реальности. Таким образом, конструирование дискурса о демографических проблемах Китая в СМИ

³⁴² Fairclough, N. (2010). *Critical discourse analysis: The critical study of language* ((2nd edition) ed.). Longman.

³⁴³ Fairclough, N., & Wodak, R. (1997). Critical Discourse Analysis. In T. van Dijk (Ed.), *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction* (Vol. 2, p. 258-284). London: Sage.

³⁴⁴ Fairclough, N. (2010). *Critical discourse analysis: The critical study of language* (2nd ed., p. 59). Longman.

³⁴⁵ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 136–137.

является не только лингвистическим феноменом, но и сложным отражением социальных условий, политических позиций и культурных ценностей.

Журналистика и СМИ как общественные институты занимают промежуточное положение между различными социальными подсистемами (такими как политика, экономика, культура) и организациями, выполняющими институциональные функции ³⁴⁶, и их дискурсивное производство находится под глубоким влиянием этих систем. В транснациональных репортажах это институциональное влияние особенно заметно, и медиадискурс часто становится отражением межгосударственных политических отношений, экономических связей и культурных различий. Поэтому для анализа дискурсивных различий в освещении демографических проблем в СМИ Китая, США и России необходимо рассмотреть структурные факторы, стоящие за ними, с разных сторон, и раскрыть глубинный социальный контекст, отраженный в поверхностных языковых явлениях.

Роль медиасистемы в формировании демографического медиадискурса

Производство и распространение медиадискурса глубоко укоренены в конкретной политической почве. Медиаинституты, как важные участники социальной практики, в своих дискурсивных построениях неизбежно отражают структурные характеристики медиасистемы, в которой они функционируют.

Тип медиасистемы тесно связан с журналистской практикой и является важной социально-практической основой, определяющей содержание и фреймы новостей. Теория медиасистем, предложенная Д. Халлином и П. Манчини в их фундаментальной работе «Сравнение медиасистем» («Comparing Media Systems»), предоставляет важную аналитическую рамку для понимания структурных различий в медиаосвещении разных стран. Проводя сравнительный анализ по четырем измерениям — структура

³⁴⁶ Смирнова, О. В. Исследование газеты в условиях цифровизации: актуализация подходов / О. В. Смирнова // Меди@льманах. – 2024. – № 1(120). – С. 18–24.

медиа-рынка, политический параллелизм (характер и степень связи между медиа и политическими партиями), профессионализация (развитие журналистского профессионализма) и роль государства (степень и характер государственного вмешательства в медиа) — они выделяют три западные модели медиасистем: либеральную модель (Liberal model) (США, Великобритания и др.), демократическую корпоративистскую модель (Democratic Corporatist model) (страны Северной Европы) и поляризованную плюралистическую модель (Polarized Pluralist model) (страны Южной Европы)³⁴⁷. Несмотря на то, что эти традиционные классификационные рамки по-прежнему эффективно объясняют структурные характеристики медиасистем в контексте развития цифровых технологий³⁴⁸, данная классификационная система, построенная на опыте западных демократических стран, обнаруживает существенные ограничения при применении к неевропейским странам³⁴⁹.

Китай: уникальная медиасистема «консенсусно-централизованного»

«Если механически применить исходные критерии сравнения медиасистем к Китаю, китайская медиа-система будет отнесена к поляризованно-плюралистическому типу. [...] Однако Китай не только не является поляризованным, но даже стремится к консенсусу. [...] Китай также отличается от конкурентной плюралистической структуры власти, продвигаемой западными странами, и характеризуется централизованной структурой власти»³⁵⁰.

Профессор Тяньцзиньского университета Чжао Юэцзи, анализируя китайскую медиасистему в книге, изданной под редакцией Холлина и

³⁴⁷ Hallin, D. C., & Mancini, P. (2004). *Comparing media systems: Three models of media and politics* (pp. 66–75). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

³⁴⁸ Якова Т.С., Волкова И.И. Classical theories of media systems: relevance for the contemporary research // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2023. – Т. 28. – № 2. – С. 344–354.

³⁴⁹ Су Ин, Чжан Чжэньцзяо. Прорыв западного контекста: расширение теоретической адаптивности сравнительных исследований медиасистем // Международная журналистика. – 2022. – Т. 44, № 9. – С. 131–153. [苏颖 张振娇. 突破西方情境: 比较媒介体制研究的理论适应性拓展. 国际新闻界]

³⁵⁰ Там же.

Манчини «Comparing Media Systems Beyond the Western World», утверждает, что роль государства должна занимать центральное место в объяснении медиасистемы Китая. Функции СМИ в этой системе выходят за рамки простого распространения информации и в большей степени выполняют организационно-координирующую роль между государством и обществом. Поэтому деятельность СМИ часто сосредоточена на вопросах государственного развития, социального управления и политической направленности, создавая устойчивую и последовательную логическую основу для повествования. По ее мнению, китайские СМИ проявляют «самую типичную форму партийно-прессового параллелизма» (a most quintessential form of party-press parallelism),³⁵¹ где основные СМИ не только обслуживают потребности партийных и государственных структур, но и развивают свои каналы и влияние в рыночной системе.

Анализируя взгляды Чжао, Халлина и Манчини, Су Ин и другие исследователи приходят к выводу, что «особенность китайской медиасистемы заключается в том, что новостные медиа, особенно традиционные основные СМИ, частично выполняют функцию *‘языка’ партии и правительства*. В отличие от западных медиа, которые функционируют как каналы общественного выражения, более важная роль китайских традиционных основных СМИ — служить *‘руками’*, *протянутыми от ‘государства’ к ‘обществу’*. Таким образом, Китай использует интегрированные в государство партийные силы для проникновения в социальную сферу, формируя «основные ценности» с государственным руководством, которые направляют и ориентируют многообразные, порой даже поляризованные общественные ценности, тем самым потенциально создавая медиасистему *‘консенсусно-централизованного’ типа*»³⁵². Эта структура придает медиаконтенту

³⁵¹ Zhao, Y. (2012). Understanding China's media system in a world historical context. In D. C. Hallin & P. Mancini (Eds.), *Comparing media systems beyond the Western World* (pp. 143–176). Cambridge, UK: Cambridge University Press. pp. 152.

³⁵² Су Ин, Чжан Чжэньцзяо. Прорыв западного контекста: расширение теоретической адаптивности сравнительных исследований медиасистем // Международная журналистика. – 2022. – Т. 44, № 9. – С. 131–153. [苏颖 张振娇. 突破西方情境: 比较媒介体制研究的理论适应性拓展. 国际新闻界]

высокую степень системной организованности и чувствительности к политическому курсу. Особенно при освещении макросоциальных вопросов нарративная логика СМИ часто фокусируется на институциональной рациональности структурных проблем, логике управления, стратегиях реагирования на национальном уровне и формировании коллективного ценностного консенсуса.

Как наиболее авторитетная официальная иноязычная газета Китая, «China Daily» имеет ярко выраженное рыночное позиционирование — она ориентирована на высококласную иноязычную читательскую аудиторию как внутри страны, так и за рубежом, с общим числом читателей печатной, онлайн и мобильной версий, превышающим 350 миллионов, и является важной платформой и окном для международной коммуникации Китая и демонстрации образа страны³⁵³. Китайские ученые Цзи Дэцян и Янь Бовэй³⁵⁴ отмечают, что китайские СМИ характеризуются «абсолютным руководством партии и глубоким взаимодействием политических и коммерческих элементов». В рамках такого позиционирования «China Daily» выполняет двойную миссию: предоставляет международным читателям информацию о Китае и официальные сведения, одновременно решая задачи национального выражения и формирования имиджа страны.

Анализируя структуру публикаций из эмпирических материалов, можно отметить, что «China Daily» при обсуждении демографической политики обычно использует нарративную логику, ориентированную на позитивное развитие. Репортажи «China Daily» по этим вопросам, как правило, отталкиваются от введения новой политики, рассматривая такие демографические вызовы как снижение рождаемости, старение населения и изменение структуры рабочей силы в макроконтексте национальной стратегии и социальной трансформации. В своих публикациях издание

³⁵³ О нас «China Daily» // Сайт «China Daily». URL: https://www.chinadaily.com.cn/e/static_e/about (дата обращения: 13.04.2025).

³⁵⁴ Цзи Дэцян, Янь Бовэй. Между внутренним и внешним: пограничная логика исследований коммуникации «глобального Китая» // Глобальный журнал СМИ. – 2024. – Т. 11, № 3. – С. 158–171. [姬德强, 闫伯维. "内外之间: "全球中国"传播研究的边界逻辑." 全球传媒学刊]

склонно использовать позитивно окрашенные выражения, такие как «supportive» (поддерживающий), «favorable» (благоприятный), «effective» (эффективный), что отражает акцент на путях решения проблем и планах действий, а не на нагнетании кризисной атмосферы или провоцировании ценностных споров. Использование позитивной лексики повышает доверие к политическим корректировкам, стабилизирует общественные ожидания и способствует формированию благоприятного имиджа страны в международном информационном пространстве.

Кроме того, «China Daily» демонстрирует относительно оптимистичную риторическую стратегию, особенно в контексте обращения к международной аудитории. С помощью метафор и других приемов проблемы представляются как управляемые и обладающие потенциалом для развития. В то время как остальные международные СМИ говорят о «демографическом кризисе», «China Daily» избегает использования таких негативных терминов как «crisis» (кризис) или «collapse» (крах), предпочитая выражения вроде «Demographic window» (демографическое окно возможностей), «On the right track» (на правильном пути), «Population decline won't hold China back» (снижение численности населения не остановит развитие Китая), формируя тем самым восприятие «возможностей, скрытых в вызовах». Очевидно, что «China Daily» при освещении сложных социальных вопросов склонны встраивать их в логические рамки дискурса развития, а не в парадигму кризисного нарратива.

Освещение демографических вопросов «China Daily» характеризуется *высокой чувствительностью к государственной политике, тенденцией к позитивному изложению, ориентацией на развитие и приоритетом национальных интересов. В рамках такой институциональной логики СМИ уделяют особое внимание организации и интеграции тем, подчеркивая роль и значение коммуникационной деятельности в системе государственного управления.*

Россия: «Евразийской гибридной системы»

де Смаэле (de Smaele) в своем исследовании предложила концепцию «евразийской» медийной модели («Eurasian» media model)³⁵⁵, затем Е.Л. Вартанова в седьмой главе книги «Comparing media systems beyond the Western World» дополнительно подтвердила, что «современная российская медийная модель должна рассматриваться как синергия различных характеристик, которые могут существовать в разных национальных контекстах. Синергия западных и азиатских элементов, обнаруженных в российской медиасистеме, иногда рассматривается как особая *евразийская гибридная система* (a distinct Eurasian hybrid system)»³⁵⁶.

Учитывая такие факторы, как история страны, культурные традиции и тенденции в журналистике, Е.Л. Вартанова определяет российские СМИ как «государственно-коммерциализированную» (statist commercialized) модель. Ее ключевая особенность заключается в «сочетании глубоко укорененной в рамках государственного влияния на СМИ «этатистской» медийной политики с растущей рыночно-ориентированной экономикой»³⁵⁷. «С 2010-х годов была усилена роль государства в формировании медиаполитики»³⁵⁸, «функциональная целостность и социальная миссия постпереходной российской медиасистемы в большей степени зависят от коммуникационных стратегий общественного диалога, а также от принципов публичности и коллективности в массовых информационных процессах»³⁵⁹. При таких институциональных особенностях российские медиарепортажи демонстрируют высокую степень согласованности с национальной внешнеполитической стратегией, используя относительно объективный, ориентированный на факты стиль при освещении важных вопросов, касающихся стратегических партнеров.

³⁵⁵ de Smaele, H. (1999). The Applicability of Western Media Models on the Russian Media System. *European Journal of Communication*, 14(2), 173-189.

³⁵⁶ Vartanova, E. (2012). The Russian media model in the context of post-Soviet dynamics. In D. C. Hallin & P. Mancini (Eds.), *Comparing media systems beyond the Western World* (pp. 119–142). Cambridge, UK: Cambridge University Press. pp.140.

³⁵⁷ Vartanova, E. (2002). "Media Structures: Changed and Unchanged." In Kaarle Nordenstreng, Elena Vartanova, and Yassen Zassoursky (eds.), *Russian Media Challenge* (pp. 21–72; 2nd ed.). Helsinki: Kikimora Publications.

³⁵⁸ Вартанова Е.Л. Российская медиасистема в начале 2020 гг.: вызовы эпохи неопределенности / Е.Л. Вартанова, Д.В. Дунас. // Меди@льманах. – 2022. – № 6 (113). – С. 8–17.

³⁵⁹ Демина И.Н., Шкондин М.В. Медиасистема России: методологические аспекты оптимизации // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – № 2 (5), – С.187–199.

Согласно предыдущему LDA анализу тем, с точки зрения структуры медиарепортажей, российские СМИ при обсуждении демографических проблем Китая используют нарративную логику «фактическое описание – международное сравнение». Поскольку российские СМИ не полностью следуют западной традиции «критического надзора», но и отличаются от китайской дискурсивной системы, ориентированной на положительное развитие, их репортажи склонны помещать демографические изменения Китая в широкий контекст глобальной демографической структуры, представляя проблему через горизонтальные сравнения и с другими странами и с точки зрения их влияния на мировую экономику. Такой выбор фрейминга отражает стратегический интерес России как важного геополитического игрока к изменениям в глобальной демографической структуре.

В плане использования языка репортажи российских СМИ о демографических проблемах Китая характеризуются явной нейтральностью и сбалансированностью. По сравнению с американскими СМИ, склонными использовать негативно-оценочную лексику, российские медиа чаще применяют нейтральные описательные выражения, одновременно усиливая драматический эффект репортажей через такие метафоры, как «три поросёнка с китайской спецификой». Этот языковой стиль происходит из двойного требования российской медиасистемы: поддерживать традицию фактического репортажа и привлекать внимание аудитории посредством драматизированного повествования.

Особого внимания заслуживает тот факт, что даже внутри одной страны из-за различных позиционирований и характеристик между институтами существуют определенные различия в репортажах. В разделе 2.3.2 мы сравнили уникальные тенденции в стратегиях цитирования 12 российских СМИ. Наше исследование показало, что в репортажах о демографических проблемах Китая доля прямых цитат в российских СМИ достигает 64,01%, что значительно выше, чем в китайских и американских СМИ. Кроме того, существуют различия в способах цитирования между различными

российскими СМИ: «Известия» как давно существующая комплексная ежедневная газета России имеет самый высокий процент использования прямых цитат (82,09%), предпочитая увеличивать точность и контролируемость информации через цитирование оригинальных текстов; в то время как «Интерфакс» как негосударственное коммерческое информационное агентство России³⁶⁰ чаще использует косвенные цитаты (57,14%), что дает журналистам больше свободы для выражения и интерпретации информации своими словами. Такие государственные институты, как RT (67,65%) и ТАСС (70,51%), имеют относительно высокий процент использования прямых цитат, в то время как такие СМИ, как РБК (57,39%) и «Аргументы и факты» (АИФ, 56,10%), ориентированные на более широкий рынок, демонстрируют более гибкий подход к цитированию. «Коммерсантъ», хотя и специализируется преимущественно на экономических репортажах, имеет долю прямых цитат 76,67%, что может быть связано с его акцентом на верифицируемость информации и профессионализм. Прямое цитирование в некоторых российских СМИ рассматривается как способ усиления авторитетности репортажа и также отражает стратегические предпочтения СМИ в использовании авторитетных голосов при организации сложных международных вопросов.

В целом, особенности репортажей российских СМИ о демографических проблемах Китая относительно объективное фактическое описание, использование международной сравнительной перспективы, предпочтение прямого цитирования глубоко укоренены в их «евразийской гибридной» медиасистеме. Эта система не полностью отождествляет себя с западными критическими рамками, но и не напрямую принимает китайский дискурс развития, а формирует уникальный третий путь. Как обобщает Е.Л. Вартанова, современная российская медиасистема характеризуется «сложностью процессов и показателей, интегрирующих старое и новое,

³⁶⁰ О сегодняшнем дне // Интерфакс. URL: <https://group.interfax.ru/interfax/about/today/> (дата обращения: 10.04.2025).

национальное и глобальное, аналоговое и цифровое»³⁶¹. Эта сложность придает российским СМИ в международных репортажах уникальный стиль, относительно *нейтральный, ориентированный на факты, но не лишенный драматического напряжения, предоставляя особый ракурс для понимания изменений в глобальной демографической структуре.*

США: «Либеральная модель»

Д. Халлин и П. Манчини относят США к «либеральной модели» (Liberal Model), которая характеризуется «доминирование коммерческих газет, низкая политическая параллельность и преобладание внутренней диверсификации»³⁶². Как типичный представитель этой модели, медиасистема США подчеркивает важность свободы прессы, коммерческой независимости и функции контроля над властью. При такой институциональной организации СМИ выступают в качестве «четвертой власти», в значительной степени независимой от правительства, но одновременно вынужденной сталкиваться с давлением рыночной конкуренции и коммерческих интересов.

Согласно анализу на основе тематического моделирования LDA, американские СМИ при освещении демографических проблем Китая формируют трехуровневую нарративную структуру: «репродуктивная свобода – экономические вызовы – политизация прав человека». Этот выбор фреймов тесно связан с либеральными характеристиками американской медиасистемы. Во-первых, акцент на индивидуальной репродуктивной свободе отражает давнее внимание американских СМИ к правам личности, что является одной из ключевых ценностей американской либеральной традиции. Д. Халлин и П. Манчини отмечают, что либеральная модель «характеризуется более индивидуалистической концепцией представительства, где индивидуализм и антиполитические элементы культуры склонны отдавать предпочтение частной жизни, а не

³⁶¹ Vartanova, E. (2020). The Internet in the Structure of the Russian Media System. In: Davydov, S. (eds) *Internet in Russia. Societies and Political Orders in Transition*. Springer, Cham. 2

³⁶² Hallin, D. C., & Mancini, P. (2004). *Comparing media systems: Three models of media and politics* (pp. 75). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

общественной» ³⁶³, и эти ценности естественным образом приводят к тому, что американские СМИ оценивают демографическую политику Китая через призму права на индивидуальный выбор.

В языковом аспекте американские СМИ часто используют негативно окрашенные оценочные слова при описании демографической политики Китая, такие как «notorious» (печально известная), «draconian» (драконовская), «restrictive» (ограничительная), подчеркивая насильственный и репрессивный характер политики. Кроме того, через определенные метафорические фреймы («demographic time bomb» – «демографическая бомба замедленного действия», «deep scars» – «глубокие шрамы») конструируется нарративная цепочка «ошибки прошлого – текущий кризис – неизбежный упадок». Это явление можно объяснить с двух позиций: во-первых, оно соответствует оценке новостной ценности в рамках коммерческой логики американских СМИ, где драматичность, конфликтность и негативность обычно обладают более высокой новостной ценностью; во-вторых, оно отражает характерную для американских СМИ тенденцию к ценностной дипломатии в международных репортажах, то есть оценку незападных социальных явлений по западным либеральным стандартам.

Что касается стратегии цитирования, предпочтение американских СМИ косвенному цитированию (67,3%) и относительно высокий уровень использования условно-отрицательных глаголов (16,30%) демонстрируют их специфический подход к обработке источников информации. Такая практика, с одной стороны, предоставляет журналистам большую свободу в реконструкции высказываний источников, а с другой – отражает внутреннее скептическое отношение американских СМИ к официальной информации из неевропейских стран.

Коммерциализированная система новостей США подчеркивает важность «дискурса, ориентированного на факты» (Fact-centered discourse),

³⁶³ Ibidem, p. 298.

однако, как указывают Д. Халлин и П. Манчини, эта концепция «по своей сути отражает центристскую ориентацию и склонность принимать точку зрения белых читателей среднего класса, предпочитаемых рекламодателями. Тяготение к политическому «центру» или «мейнстриму» само по себе является определенной политической позицией»³⁶⁴. Следовательно, в этом смысле стандарты «объективности» часто избирательно применяются при освещении «нестандартных» объектов репортажей, находящихся за пределами западных ценностей мейнстрима (особенно тех зарубежных режимов и социальных сил, которые не признаются доминирующими на Западе политико-экономическими интересами и господствующей идеологией). Согласно классификации медиа-рейтинговых платформ Ad Fontes Media³⁶⁵ и AllSides³⁶⁶, «The New York Times» и «The Washington Post» обычно определяются как медиа с левоцентристской направленностью, в то время как новостной раздел «Wall Street Journal» оценивается как нейтральный или правоцентристский, а его редакционные статьи явно классифицируются как правые.

В нашем исследовании стратегий цитирования, представленном в разделе 2.3.2, обнаруживается, что американские СМИ предпочитают косвенное цитирование (67,3%) и демонстрируют относительно высокий уровень использования условно-отрицательных глаголов (16,30%), что отражает их специфический подход к обработке источников информации. Данные из раздела 2.3.2 дополнительно раскрывают различия между ведущими американскими СМИ: «The New York Times» имеет самый высокий процент использования прямых цитат (40,05%), за ним следует «The Washington Post» (36,08%), а «Уолл-стрит Джорнал» показывает наименьший показатель (23,96%). Это различие отражает разное рыночное позиционирование и редакционные принципы этих изданий.

³⁶⁴ Ibidem, p. 207–210.

³⁶⁵ Individual News Source Ratings // Ad Fontes Media. URL: <https://adfontesmedia.com/rankings-by-individual-news-source/> (дата обращения: 13.04.2025).

³⁶⁶ AllSides Media Bias Chart // AllSides. URL: <https://www.allsides.com/media-bias/media-bias-chart> (дата обращения: 13.04.2025).

«The New York Times», как элитное издание с либеральным уклоном, использует больше прямых цитат для создания образа сбалансированного освещения событий, что отражает как его профессиональное стремление к прозрачности, так и возможную стратегическую реакцию на внешнюю критику его политической направленности. «Wall Street Journal», напротив, сохраняет более жесткий нарративный контроль через высокий процент косвенного цитирования (76,04%), что соответствует его традиции обслуживания бизнес-элиты и одновременно отражает осторожный подход консервативных медиа к источникам информации.

Даже при различных позициях трех крупнейших американских газет, все они демонстрируют общую склонность к косвенному цитированию при освещении демографических вопросов Китая. Эта общая черта может проистекать из самопозиционирования американских СМИ скорее как «конструкторов смысла», нежели «трансляторов информации». По сравнению с российскими СМИ, где прямое цитирование используется гораздо чаще, американские медиа больше подчеркивают важность журналистской реинтеграции и интерпретации информации, что отражает фундаментальные различия в практике профессионализма в разных медиасистемах. Такой подход, с одной стороны, предоставляет журналистам большую свободу в реконструкции сообщений источников, а с другой – отражает внутреннее недоверие американских СМИ к официальной информации из неевропейских стран.

Кроме того, еще одной заметной особенностью освещения американскими СМИ демографических проблем Китая является предпочтение личных историй и микронарративов. Анализ показывает, что внимание американских СМИ к теме «семья и социальная структура» (22,89%) значительно выше, чем у российских СМИ (10,35%). Этот стиль репортажа является как проявлением традиции «очеловечивания» в американских СМИ, так и стратегическим выбором для привлечения внимания читателей в рамках коммерческой логики. Демонстрируя влияние

политики через личные истории, американские СМИ эмоционально привлекают читателей и одновременно неявно конструируют определенные ценностные суждения.

В итоге, особенности освещения американскими СМИ демографических проблем Китая – *использование ценностных фреймов, акцент на личных правах и свободах, использование негативно окрашенной лексики и предпочтение личных нарративов* глубоко связаны с их «либеральной» медиасистемой.

Таким образом, в отличие от российских СМИ, склонных использовать относительно объективные фреймы «фактического описания и международного сравнения», американские медиа больше тяготеют к конструированию фреймов «личных прав и критики политики», основанных на ценностных суждениях. Это различие отражает фундаментальное различие между медиасистемами двух стран: *«евразийская гибридная» модель России в международных репортажах сохраняет относительно нейтральную, фактоориентированную позицию, в то время как «либеральная» модель США больше подчеркивает интерпретацию глобальных событий через призму западных ценностей.*

Влияние двусторонних отношений на конструирование демографического медиадискурса

Медиадискурс формируется не только внутренними факторами медиасистемы, но и глубоко подвержен влиянию внешней политики государства и его двусторонних отношений. Закономерно, что различный характер российско-китайских и американо-китайских отношений напрямую влияет на интерпретацию и фреймирование демографических проблем Китая в российских и американских СМИ.

Влияние российско-китайского всеобъемлющего стратегического партнерства. В период 2013–2024 гг. статус российско-китайских двусторонних отношений постоянно повышался. «В 2011 году были

установлены отношения всеобъемлющего стратегического партнерства, в 2019 году отношения были повышены до уровня «всеобъемлющего стратегического партнерства новой эпохи», а в 2021 году был продлен Договор. В настоящее время российско-китайские отношения достигли наилучшего уровня за всю историю»³⁶⁷. В 2016–2017 годах обе страны провели Годы российско-китайского медиаобмена, и на этой основе продолжили углублять сотрудничество, формируя и совершенствуя механизмы регулярного медиасотрудничества³⁶⁸, такие как Российско-китайский форум интернет-СМИ и другие мероприятия, которые предоставили обеим сторонам платформу для глубокого взаимодействия, способствуя взаимопониманию и стратегическому сотрудничеству.

Исследования Цзя и соавторов показывают, что отношения между медиа двух стран прошли путь трансформации от модели «Россия как образец» к «равноправному сотрудничеству»: «Взаимодействие между Китаем и Россией в медиасфере эволюционировало от односторонней модели, когда китайские СМИ изучали опыт СССР/России, к двусторонней модели сотрудничества, основанной на взаимном обучении и совместном развитии»³⁶⁹. Одновременно с этим, по мере продвижения евразийской интеграции³⁷⁰ и постоянного развития медиасистем стран БРИКС³⁷¹, Китай, Россия и другие страны стремятся преодолеть информационные структуры, в которых доминирует Запад, подчеркивая важность построения многополярного медиапорядка на основе собственных культурных традиций. Этот механизм сотрудничества не только усилил взаимный информационный обмен, но и

³⁶⁷ Отношения Китая с Россией // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – октябрь 2024. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/sbgx_679114/ (дата обращения: 13.04.2025). [中华人民共和国外交部.中国同俄罗斯的关系]

³⁶⁸ Ли Шухуа, Цзинь Хуэйсинь. Текущее состояние, проблемы и рекомендации по сотрудничеству СМИ Китая и России // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. – 2019. – № 2. – С. 139–154. [李淑华, 靳会新. 中俄媒体合作的现状,问题与建议. 俄罗斯东欧中亚研究]

³⁶⁹ Цзя Л., Стровский Д. Л., Сухорецкая А. Е. Взаимодействие Китая и России в сфере массовой информации: от подхода «Россия как модель для подражания» до равного сотрудничества // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2020. – №. 2. – С. 85–115.

³⁷⁰ Мартыненко Е.В. Специфика освещения межкультурной коммуникации России и стран БРИКС в международных новостных агентствах / Е.В. Мартыненко, А.Е. Базанова, А.К. Малаховский, А.А. Иванова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 609–627.

³⁷¹ Вартанова Е.Л. Национальные медиа в условиях деглобализации: альтернативность опыта БРИКС // Меди@льманах. – 2024. – №3. – С. 8–16.

позволил российским СМИ получать прямой доступ к официальной информации из Китая, снижая зависимость от западных медиаканалов, что способствовало формированию более сбалансированной и многогранной позиции в освещении событий.

Именно в контексте таких двусторонних отношений мы наблюдаем, что российские СМИ используют относительно объективные и позитивные нарративные фреймы при освещении демографических проблем Китая. Обращаясь к анализу эволюции интенсивности тем LDA по годам в разделе 2.1., можно увидеть общую тенденцию в интенсивности внимания России к данной проблематике: тема 1 «Демографическая политика» и тема 2 «Демографические изменения и международные сравнения» являются доминирующими, при равномерном распределении остальных тем. Примечательно, что после 2018 года тема 2 «Демографические изменения и международные сравнения» постепенно превзошла тему 1 «Демографическая политика», увеличив свою долю с менее чем 10% до почти 50% в 2020 году и почти 60% в 2024 году.

Это явление отражает тенденцию России интерпретировать демографические изменения в Китае целостно и стратегически, основываясь на отношениях стратегического партнерства. Российские СМИ больше сосредоточены на макроэкономических международных последствиях этих изменений, чем на конкретных деталях реализации политики, рассматривая их как часть изменения глобальной демографической структуры, а не просто как вопрос внутренней политики. Таким образом, сталкиваясь с данными о отрицательном приросте населения Китая, российские СМИ склонны интерпретировать это как «проблему, с которой сталкиваются все развитые страны», избегая чрезмерной негативизации и драматизации ситуации.

Более того, эта нарративная тенденция согласуется с явлениями, обнаруженными в нашем лингвистическом анализе: как видно из результатов раздела 2.2., российские СМИ часто используют нейтральные описательные сочетания со словом «политика», такие как «демографическая»,

«официальная» (хотя негативные оценки также присутствуют, но в меньшей степени). Кроме того, российские СМИ часто используют прямую речь и преимущественно позитивные глаголы передачи чужой речи, в основном прибегая к прямому цитированию китайских СМИ или официальных источников, минимизируя идеологическую обработку информации и подчеркивая авторитетность и объективность источников, что способствует формированию положительного образа Китая как стратегического союзника и торгового партнера Российской Федерации³⁷². Эти языковые особенности в значительной степени обусловлены хорошими стратегическими отношениями между Россией и Китаем, что позволяет российским СМИ сохранять относительно сбалансированную и нейтральную позицию по вопросам демографии Китая, избегая чрезмерных оценок и сохраняя фокус на макростратегических вопросах.

Влияние стратегического соперничества между США и Китаем. В отличие от позитивной динамики китайско-российских отношений, в период 2013–2024 гг. китайско-американские отношения претерпели трансформацию от концепции «новых отношений между великими державами» к стратегическому соперничеству. Особенно заметное напряжение в двусторонних отношениях возникло после 2018 года вследствие торговых споров и политических разногласий. Именно 2018 год стал точкой отсчета в эскалации торгового конфликта между США и Китаем, после чего отношения между странами постепенно вступили в фазу всеобъемлющего стратегического соперничества. В том же году правительство США реорганизовало и модернизировало систему управления международными медиа, создав Агентство глобальных медиа США (USAGM). В новом пятилетнем стратегическом плане, опубликованном в 2022 году, Китай был однозначно определен как основной «противник», что привело к дальнейшему усилению стратегии международных коммуникаций,

³⁷² Хабаров, А. А. Образ Китая в российских и американских СМИ / А. А. Хабаров, А. П. Чудинов, Ян Кэ. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2022. – №2. – С. 159-171.

нацеленной преимущественно на Китай ³⁷³. Это, в свою очередь, способствовало формированию критического и конфронтационного тона в освещении китайской тематики в американских СМИ.

Анализ эволюции тематических трендов, выявленных с помощью LDA (латентного размещения Дирихле), показывает, что в отличие от российских медиа, где долгое время доминировали макротемы «демографическая политика» и «демографические изменения», освещение китайской демографической проблематики в американских СМИ характеризуется многообразием и фрагментированностью, демонстрируя явление «тематического сдвига»: в период 2016-2020 гг. (особенно с началом торговой войны в 2018 году) американские медиа уделяли максимальное внимание теме «семья и социальная структура» (около 40%), фокусируясь на влиянии демографической политики на жизнь отдельных людей. После начала пандемии COVID-19 в 2020 году заметно возросло количество публикаций по теме «национальные меньшинства и права человека». К 2023 году, когда ООН объявила, что население Индии вскоре превзойдет китайское, а в Китае впервые была зафиксирована отрицательная демографическая динамика, значительно увеличилась доля публикаций, посвященных «экономическому развитию» и «старению населения», появилось множество материалов, нагнетающих так называемую «теорию демографического коллапса Китая». Американские СМИ склонны напрямую связывать сокращение населения Китая с экономическим спадом, выстраивая линейную причинно-следственную цепочку: «сокращение населения → нехватка рабочей силы → снижение производительности → экономический спад → ослабление совокупной национальной мощи». Этот предустановленный нарратив отражает типичное мальтузианское мышление, предполагающее детерминированную связь между населением и ресурсами, где демографические изменения напрямую определяют уровень социально-

³⁷³ Лю Жуйшэн, Чэнь Синьсинь. Международная коммуникационная стратегия США в отношении Китая на фоне «великих перемен века»: трансформация и ограничения – анализ международной коммуникационной политики государственных СМИ США // Современная коммуникация. – 2024. – Т. 46, № 8. – С. 34–42. [刘瑞生, 陈欣欣. “百年大变局”背景下美国对中国的国际传播战略: 转型与局限——基于美国政府媒体的国际传播政策解析. 现代传播]

экономического развития. В своих публикациях о демографической ситуации в Китае американские медиа рассматривают демографические изменения исключительно через призму ресурсного фактора, игнорируя сложность демографического перехода в процессе модернизации.

Примечательно, что медиадискурс и двусторонние отношения представляют собой не одностороннее влияние, а сложную систему взаимного конструирования. С одной стороны, характер двусторонних отношений формирует медийные фреймы освещения; с другой стороны, медиадискурс участвует в конструировании общественного восприятия другой страны, влияя на социальный фундамент двусторонних отношений. Таким образом, *углубление сотрудничества между китайскими и российскими медиа способствует формированию более целостного и сбалансированного восприятия Китая российской общественностью, тогда как негативные фреймы в американских медиа усиливают предубеждения американской общественности против Китая, что дополнительно обостряет напряженность в двусторонних отношениях.* Этот механизм циклического взаимодействия превращает демографический медиадискурс в важную переменную международных отношений, которая одновременно находится под влиянием двусторонних отношений и оказывает обратное воздействие на их развитие.

Культурные ценности как фактор формирования демографического медиадискурса

Помимо медиасистем и двусторонних отношений, глубинные культурные ценности, с одной стороны, формируют когнитивные рамки и ценностные позиции журналистов, а с другой — влияют на ожидания и модели понимания аудитории. Медиа вынуждены соответствовать этим культурным ожиданиям, что приводит к различным дискурсивным репрезентациям.

Согласно теории X-Y матриц Кирдиной, X-матрица характеризуется доминированием государства в экономике, централизацией власти и коллективистской идеологией, что типично для Азии, России и ряда других регионов. Y-матрица, напротив, представлена рыночной экономикой, федеральной или демократической структурой и индивидуалистической идеологией, характерными для развитых западных стран ³⁷⁴. Данная институциональная классификация в аспекте измерения коллективизм-индивидуализм перекликается с теорией культурных измерений нидерландского социолога Герта Хофстеде (Geert Hofstede), который отмечает: «По шкале индивидуализм-коллективизм США характеризуются высоким уровнем индивидуализма (91 балл), в то время как Китай демонстрирует ярко выраженную коллективистскую ориентацию (20 баллов) (при этом Гонконг — 25 баллов, Тайвань — 17 баллов), а Россия занимает промежуточное положение (39 баллов)». Г. Хофстеде определяет культуру как «коллективное программирование сознания, которое отличает членов одной группы или категории людей от других» ³⁷⁵. Величина культурной дистанции может также влиять на глубину понимания медиа межкультурных вопросов: чем больше культурная дистанция, тем выше вероятность искажений и упрощений в медийном освещении дел другой страны.

Китайский социолог Фэй Сяотун в своей работе «Система воспроизводства» указывает: «В традиционном китайском обществе репродуктивное поведение индивида рассматривалось как проявление продолжения рода и социальной ответственности, а не как сугубо личный выбор» ³⁷⁶. В Китае почитаются конфуцианские ценности «жэнь» (человеколюбие и ответственность в межличностных отношениях) и «ли» (нормы поведения, поддерживающие общественный порядок), подчеркивающие приоритет коллективного благополучия над

³⁷⁴ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию / С.Г. Кирдина. – СПб.: Нестор-Истор., 2014. – С. 306.

³⁷⁵ Hofstede, G., Hofstede, G. J., & Minkov, M. (2010). *Cultures and Organizations: Software of the Mind: Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival* (3rd ed., p. 95–96). New York, NY: McGraw-Hill.

³⁷⁶ Фэй Сяотун. Сельский Китай. Репродуктивная система. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 1998. – С. 142. [费孝通. 乡土中国. 生育制度. 北京大学出版社]

индивидуальным выбором. На этой основе китайская традиционная демографическая мысль с позиций инструментальной рациональности уделяла больше внимания «контролю» населения. Следовательно, в современном контексте *китайские медиа конструируют ориентированный на государственное развитие макронарратив управления, рассматривая демографическую политику как органическую часть стратегии национального развития, с акцентом на социальное благополучие и коллективные интересы, что легитимизирует институциональную систему.*

В отличие от этого, фреймы американских медиа отражают глубоко укоренившиеся *индивидуалистические ценности, что естественным образом приводит к освещению китайской демографической политики через призму «личных прав», с акцентом на критику прав личности и национальных меньшинств, подчеркивая негативные аспекты политики «другого» в противовес американским институциональным принципам.* Как отмечает Э. Фармер: «На протяжении многих лет американцы предлагали китайцам те ценности, которые они сами ценят превыше всего, будучи уверенными в превосходстве собственных ценностей. Когда китайцы решительно отвергают эти предложения, это всегда вызывает глубокое потрясение, [...] американские медиа часто рассматривают Китай как ‘другого’ и определяют его через призму идеологического противостояния, стратегической конкуренции или сотрудничества» ³⁷⁷ . Поэтому мы наблюдаем, что в некоторых публикациях американские медиа используют дискурсивную стратегию конструирования позитивного образа «нас» (“US”) и негативного образа «их» (“Others”) ³⁷⁸ . Как отмечает Г. Ганс, «в американской журналистике существуют «устойчивые ценности» (этноцентризм, альтруистическая демократия, ответственный капитализм, пасторализм малых городов, индивидуализм и умеренность), которые

³⁷⁷ Farmer, E. L. (1990). Sifting truth from facts: The reporter as interpreter of China. In C.C. Lee (Ed.), *Voices of China: The interplay of politics and journalism* (p. 243–262). New York, NY: Guilford Press.

³⁷⁸ van Dijk, T.A. (2013). Ideology and discourse. In M. Freedен & M. Stears (Eds.), *The Oxford handbook of political ideologies* (online edition, pp. 396–398). Oxford University Press.

особенно ярко проявляются в международных репортажах, где страны часто оцениваются по степени их соответствия американским ценностям»³⁷⁹.

Россия находится в промежуточном положении между индивидуализмом и коллективизмом. Ее культура обладает *дуальностью*, которую российский экономист Александр Аузан определяет как «две России» — «коллективистская Россия (K-Russia) и индивидуалистическая Россия (I-Russia)»³⁸⁰. Кирдина в своей теории X-Y матриц также объясняет, что Россия преимущественно является страной X-матрицы, но в определенные периоды она также абсорбировала некоторые институциональные характеристики Y-матрицы»³⁸¹. Эта культурная дуальность отражается в особенностях освещения событий российскими медиа. *Они не склонны ни к абсолютной защите коллективистских ценностей, ни к критической позиции с точки зрения западного индивидуализма.* Вследствие этого российские медиа часто демонстрируют относительно нейтральную позицию при освещении международных вопросов, сосредотачиваясь на представлении фактов и проведении международных сравнений, а не на вынесении оценок с позиций единой ценностной системы.

3.2. Стратегии оптимизации международной коммуникации по демографическим вопросам

На основе сравнительного анализа, представленного в предыдущих разделах, данная часть исследования посвящена стратегиям международной коммуникации Китая по демографическим вопросам. Здесь рассматривается, как понимание различий в конструировании дискурса в разных медиасистемах может помочь в оптимизации освещения демографических вопросов Китая на международной арене. Международная интерпретация

³⁷⁹ Gans, H. (1979). *Deciding what's news*. (p. 42). New York, NY: Pantheon.

³⁸⁰ Аузан А. А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. — М.: АСТ, 2022. — С. 160.

³⁸¹ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию / С.Г. Кирдина. — СПб.: Нестор-Истор., 2014. — С. 306.

демографической политики и траектории развития Китая напрямую влияет на формирование имиджа страны, что придает практическую значимость оптимизации коммуникационных стратегий в этой области.

Повышение баланса и прозрачности в формировании дискурса

Долгое время международный коммуникационный ландшафт характеризовался дисбалансом «сильный Запад - слабый Восток», где влияние китайского дискурса было относительно ограниченным. В. Манценрайтер отмечает, что в конкуренции за конструирование смыслов, где доминируют западные медиа, у Китая практически нет возможности участвовать в формировании дискурса, а восприятие Китая западной общественностью содержит врожденные предубеждения. Вместо того чтобы предоставлять пространство для диалектического исследования различных моделей развития, мейнстримные медиа способствуют укреплению национальных стереотипов³⁸².

Необходимо реконструировать нарративные рамки демографической проблематики. Настоящее исследование показывает, что американские медиа склонны выстраивать линейное повествование (исторические ошибки → текущий кризис → будущий упадок), изображая демографические изменения в Китае как необратимый спад. Чтобы преодолеть эту одномерную интерпретацию, китайским медиа следует выйти за рамки единственного измерения «численности населения» и сформировать многомерную систему демографического дискурса.

Подход, основанный на доминировании общего количества населения, а не на структурных факторах, с трудом освобождается от глубокого влияния мальтузианской демографии. Он чрезмерно акцентирует контроль, корректировку и управление общей численностью населения, что приводит к потере объяснительной силы в новых глобальных условиях низкой

³⁸² Manzenreiter, W. (2010). The Beijing Games in the western imagination of China: the weak power of soft power. *J Sport Soc Issue*, 34(1), 29–48.

рождаемости, старения и отрицательного прироста населения ³⁸³. В международной коммуникации *Китай может поместить демографические изменения в макроконтекст глобального демографического развития, подчеркивая, что это универсальное явление в процессе модернизации, а не уникальный китайский кризис*. Конкретно говоря, можно параллельно демонстрировать аналогичные тенденции в развитых странах, объясняя демографические изменения Китая как «часть глобального демографического перехода». Можно также *представлять старение населения одновременно как вызов и возможность, подчеркивая потенциал развития «серебряной экономики»* — например, рост рынка товаров и услуг для пожилых людей, развитие геронтотехнологий, создание рабочих мест в сфере ухода за престарелыми и условия для высококачественного развития, создаваемые оптимизацией демографической структуры за счет повышения уровня образования и профессиональной квалификации рабочей силы.

Необходимо повысить сбалансированность освещения для укрепления доверия. По результатам нашего анализа, в публикациях «China Daily» практически отсутствуют негативные или спорные материалы по демографическим вопросам, в то время как американские медиа открыто поднимают и акцентируют спорные аспекты демографической политики. Такое избегание негативной информации в китайских медиа парадоксально снижает достоверность освещения. «Стремление китайских медиа к излишней осторожности в международной коммуникации, когда они опасаются каждого слова и преимущественно сообщают о хорошем, игнорируя проблемы, на практике оказывается вредным. Американский психолог Карл Ховланд в своем исследовании теории убеждения пришел к выводу: если аудитория изначально склонна противостоять точке зрения коммуникатора, то представление обеих сторон вопроса обычно эффективнее, чем освещение только одной стороны.» Китайским медиа следует

³⁸³ Чжу Хуэй, Лу Цзехуа. Китайская модернизация ведет к инновациям в глобальном управлении населением в условиях серьезных изменений // Журнал Университета Сунь Ятсена (Общественные науки). – 2024. – Т. 64, № 1. – С. 169–180. [朱荟 & 陆杰华. 大变局下中国式现代化引领全球人口治理革新. 中山大学学报(社会科学版)]

комбинировать «одностороннюю аргументацию» с «двусторонними аргументациями» в коммуникационном процессе, освещая как позитивную информацию, так и не избегая проблемных вопросов, тем самым повышая доверие к коммуникации через сбалансированное освещение³⁸⁴. Например, при освещении политики «трех детей» следует не только подчеркивать ее позитивные аспекты, но и объективно признавать существующие вызовы — высокие расходы на воспитание детей, трудности совмещения работы и семьи, одновременно представляя меры правительства по решению этих проблем.

В ответ на необъективное международное общественное мнение *необходимо развивать проактивную способность к установлению повестки дня*. В 2021 году американские и европейские медиа широко распространяли тезис о «демографическом кризисе» в Китае, утверждая, что демографические проблемы Китая «могут даже повлиять на реализацию китайской мечты». Представитель МИД Китая Хуа Чуньин своевременно ответила, указав: «Общая численность населения Китая продолжает расти, и страна по-прежнему занимает первое место в мире по численности населения; мы будем продвигать высококачественное развитие и целенаправленно разрабатывать стратегии и политики, связанные с населением». Она также напомнила международному сообществу: «Оглядываясь на последние несколько десятилетий, практически на каждом ключевом этапе развития Китая Запад делал различные суждения и прогнозы о Китае, появлялись различные теории, такие как разные версии 'теории китайской угрозы' или 'теории краха Китая'. Но с продолжающимся развитием Китая все эти теории одна за другой были опровергнуты фактами»³⁸⁵. Этот активный ответ не

³⁸⁴ Чжао Явэнь, Ван Цзэншуй. Анализ тематических различий в освещении «визита Си Цзиньпина в США в 2015 году» китайскими и американскими СМИ – на примере «China Daily» и «New York Times» // Университет журналистики. – 2016. – № 4. – С. 11–18. [赵雅文,王泽帅.中美媒体"2015 习近平访美"报道的主题差异分析——以《中国日报》与《纽约时报》为例]

³⁸⁵ МИД ответил на спекуляции иностранных СМИ о «демографическом кризисе» в Китае: добро пожаловать вместе встречать и свидетельствовать реализацию китайской мечты // Синьхуа. 2021, 12 мая. URL: http://www.xinhuanet.com/2021-05/12/c_1127438461.htm (дата обращения: 20.04.2025). [外交部回应外媒渲染"中国人口危机": 欢迎一起迎接并见证中国梦的实现.新华网.]

только демонстрирует стратегическую уверенность, но и помогает улучшить негативное направление международной общественной мысли.

Необходимо повысить международную достоверность и прозрачность китайской демографической статистики. С одной стороны, при освещении демографических вопросов важно обеспечить уважение к научным фактам, проводить фактчекинг, гарантировать правильное использование соответствующей терминологии, точно и объективно объяснять причины текущих демографических проблем, избегая преувеличений или расплывчатых формулировок. С другой стороны, можно повысить авторитетность источников информации через сотрудничество с международными организациями, такими как Фонд ООН по народонаселению, для публикации данных с прагматичным подходом. Кроме того, можно поощрять китайских демографов активно высказываться в международных академических журналах и на медиаплатформах, прорывая западные дискурсивные барьеры и повышая международную видимость профессиональных китайских голосов. Более того, укрепление содержательного сотрудничества с международными аналитическими центрами и академическими институтами может способствовать распространению более объективных реальных перспектив демографического развития Китая через разнообразные сторонние каналы.

Гуманизация демографического дискурса через баланс макрополитики и индивидуальных историй

Исследование показывает, что китайские медиа в освещении демографических вопросов делают акцент на макрополитических нарративах, в то время как американские медиа умело используют индивидуальные истории для создания эмоционального отклика. Это различие отражает не только разные подходы к журналистской практике, но и, на более глубоком уровне, фундаментальные расхождения в коммуникационных концепциях Востока и Запада. Линь Шендонг и соавторы (2023) отмечают, что

традиционная китайская концепция «юэфу» (yuefu - успокоение беспокойного сердца) подчеркивает «внутреннее принятие» и стремится к внутреннему пониманию и добровольному согласию, основываясь на космологическом представлении о «единстве неба и человека»; в то время как западная традиция «убеждения» (persuasion) делает акцент на «убеждении словами», опираясь на формальную логику и состязательные дебаты, стремясь достичь результатов через рациональный дискурс в публичном пространстве³⁸⁶. Эти культурные различия напрямую влияют на выбор коммуникационных стратегий, однако в глобализированной среде исключительная опора на любую из этих моделей коммуникации затрудняет эффективное преодоление культурных барьеров.

Ван Минь и Ван Линьяо (2022), проведя интервью с иностранцами, проживающими в Китае, обнаружили, что одна из важных причин, по которой «китайские истории» не достигают эффективно международной аудитории в китайской внешней коммуникации, заключается в чрезмерной зависимости от макрополитических нарративов и недостаточном внимании к культурной адаптации и психологии восприятия аудитории. Иностранная аудитория легче воспринимает неполитизированные культурные и экономические нарративы, но когда информация затрагивает конфликты позиций и идентичностей, часто проявляет сопротивление или молчание³⁸⁷.

Поэтому важно *включать голоса различных социальных субъектов*. В международной коммуникации не следует полагаться исключительно на перспективы правительства и экспертов, но также широко интегрировать опыт и мнения обычных граждан, общественных организаций и предприятий. Например, приглашение некоммерческих организаций, участвующих в уходе за пожилыми людьми, частных компаний, предоставляющих поддержку в воспитании детей, и семей из городских и сельских районов для рассказа о

³⁸⁶ Линь Шэндун, Сюань Чанчунь, Лу Фэйла. Прослеживая происхождение китайских и западных теорий коммуникации: «юэфу» и «убеждение» // Коммуникация и общество. – 2023. – № 64. – С. 63–93. [林升棟, 宣長春, 普非拉. 中西傳理溯源: 悅服與說服之間. 傳播與社會學刊]

³⁸⁷ Ван Минь, Ван Линьяо. Почему истории Китая не удается затронуть «Другого»? Отклонения и ограничения в процессе «преодоления барьеров» и «выхода в мир» китайской истории // Коммуникация и общество. – 2022. – № 61. – С. 127–159. [王敏, 王令瑤. 為何沒能擊中他者: 中國故事破圈出海的偏差與局限. 傳播與社會學刊]

своим реальным опытом не только помогает представить многоуровневые усилия китайского общества в решении демографических проблем, но и разрушает монолитную официальную нарративную структуру, демонстрируя более динамичный и аутентичный образ страны.

Более того, на основе интерпретации макрополитики усилить эмоциональную составляющую индивидуальных рассказов, чтобы зрители могли легче сопереживать. Абстрактные демографические данные можно сделать более наглядными, показывая реальные изменения в жизни обычных семей при корректировке политики. В практике распространения информации следует умело объединять информационный и повествовательный подходы, чтобы не только передавать важные сведения общественности, но и придавать им потребительскую ценность для привлечения аудитории.

Например, рассказывая о новой политике поддержки рождаемости или о макродемографических данных, можно использовать конкретные истории: как молодые городские семьи воспитывают детей при поддержке новых программ или как сельские пожилые люди благополучно проводят старость в системе социального обеспечения. Такой подход делает гуманитарный аспект демографической политики более очевидным. Этот способ повествования не только усиливает читабельность и эмоциональный отклик, но и эффективно противостоит чрезмерно упрощенным и негативным индивидуальным примерам в западных СМИ. Кроме того, особое внимание следует уделять индивидуальным примерам из Китая, которые часто цитируются в международных репортажах, предоставляя более полный контекст и информацию о дальнейшем развитии событий, чтобы избежать использования личных историй вне контекста и в политических целях.

Также важно обращать внимание на гуманитарный аспект в обсуждении демографических вопросов. Профессор Института демографических исследований Пекинского университета Му Гуанцзун отмечает: «Китайская демографическая политика не должна рассматривать

рождаемость только как инструментальную переменную. Для решения проблемы низкой рождаемости необходимо признать её человеческое измерение». Он далее анализирует: «В современном Китае неблагоприятные условия для деторождения проявляются в разных аспектах, включая идеологический уровень, культурные традиции и уровень политических институтов... Людям репродуктивного возраста, которые 'хотят, но не могут иметь детей' или 'готовы, но боятся заводить детей', нужно предоставить достаточную поддержку. Тех, кто имеет низкое желание иметь детей, можно гуманно направлять к умеренной рождаемости. Однако в конечном счёте необходимо уважать самостоятельность их репродуктивных решений и избегать объективизации репродуктивной функции женщин»³⁸⁸. Поэтому в международной коммуникации, помимо инструментальных аспектов демографической политики (например, технических показателей рождаемости), следует больше внимания уделять её гуманитарному измерению. Например, как обеспечить поддержку группам с низкой рождаемостью, вопросам женского здоровья или гендерного равенства – это способствует более эффективному общению в межкультурной среде.

Находя баланс между макронарративами и микроисториями, можно создать стратегию международной коммуникации по демографическим вопросам, обладающую большей культурной адаптивностью и эмоциональным резонансом, что действительно реализует переход от «монолога» к «межкультурному диалогу», повышая принятие и влияние китайских историй в глобальном общественном мнении.

Инновационные подходы к освещению демографических проблем в Китае

В настоящее время международные медиа, освещающие демографические проблемы Китая, обычно демонстрируют уклон в сторону

³⁸⁸ Му Гуанцзун, Линь Цзиньлун. О дружественном к рождаемости обществе – риски и управление на этапе эндогенной низкой рождаемости // Исследования и дискуссии. – 2021. – № 7. – С. 56–69+178. [穆光宗 & 林进龙. 论生育友好型社会——内生性低生育阶段的风险与治理. 探索与争鸣].

«демографического детерминизма», склонны устанавливать линейную положительную корреляцию между общей численностью населения и экономическим развитием. Такое упрощенное понимание игнорирует модулирующее воздействие множества переменных, таких как качество населения и возрастная структура, а также скрывает системные связи между демографическими изменениями и социальными, экономическими и технологическими факторами.

Для преодоления этого стереотипного дискурса Китаю необходимо внедрить более динамичную перспективу развития в коммуникацию по демографическим вопросам. Например, экономист Цай Фан отреагировал на тот факт, что население Индии превзошло население Китая: «Для получения демографического дивиденда или преодоления демографических препятствий необходим ряд других условий, включая уровень экономических стимулов, общий уровень образования рабочей силы, уровень рыночного распределения ресурсов, степень открытости внешнему миру и уровень распределения экономического развития. При отсутствии этих необходимых условий население может стать лишь бременем, а не превратиться в дивиденд, ускоряющий экономический рост. Поэтому титул ‘страны с крупнейшим населением в мире’ напрямую не связан с эффективностью развития и уровнем развития»³⁸⁹.

В международной коммуникации китайским медиа *следует подчеркивать качественное развитие, а не количественные изменения, акцентируя внимание на том, как образование, инновации и другие меры помогают реагировать на изменения в демографической структуре.* Например, в 2023 году валовой коэффициент охвата высшим образованием в Китае достиг 60,02%, общее количество исследователей занимает первое место в мире, а доля в мировых исследованиях и разработках — второе

³⁸⁹ Цай Фан. Эпоха отрицательного прироста населения: вызовы и возможности для экономического роста Китая. – CITIC Publishing Group, 2023. – С. 352. [蔡昉.人口负增长时代：中国经济增长的挑战与机遇. 中信出版集团]

место ³⁹⁰. Эти данные показывают, что Китай переходит от «демографического дивиденда» к «кадровому дивиденду». Ключевой посыл этого перехода: «Экономический рост может испытывать как положительное, так и отрицательное влияние факторов демографического перехода, однако изменение демографических тенденций не является predetermined судьбой или пределом и не должно становиться окончательным определяющим фактором экономического роста» ³⁹¹.

Важно повышать международный вклад опыта Китая в области демографического управления. Несмотря на текущие вызовы, связанные с демографической структурой, опыт развития Китая по-прежнему имеет международную ценность. В новой системе глобального демографического управления Китай больше не является имитатором или последователем в вопросах планирования семьи и контроля численности населения; сопровождая развитие от «бедности и отсталости» до «второй по величине экономики мира», Китай становится участником, партнером и вкладчиком в новую систему глобального демографического управления. Например, согласно данным Всемирного банка, за последние 40 лет Китай вывел из бедности более 800 миллионов человек ³⁹² и создал систему базового медицинского страхования, охватывающую 1,4 миллиарда человек. В настоящее время некоторые развивающиеся страны переживают быстрый демографический переход и сталкиваются с проблемами, аналогичными китайским. В международной коммуникации Китай может более активно делиться своими инновационными практиками в таких областях, как адресная борьба с бедностью, интеграция городских и сельских районов, инклюзивное социальное обеспечение, демонстрируя, как эти политики

³⁹⁰ Against All Odds, Global R&D Has Grown Close to USD 3 Trillion in 2023. // WIPO. – 18 декабря 2024. – URL: <https://www.wipo.int/web/global-innovation-index/w/blogs/2024/end-of-year-edition> (дата обращения: 31.03.2025).

³⁹¹ Цай Фан. Эпоха убыли населения: вызовы и возможности экономического роста Китая. – Пекин: Издательская группа CITIC, 2023. – С. 352. [蔡昉. 人口负增长时代: 中国经济增长的挑战与机遇. 中信出版集团.]

³⁹² Совместный исследовательский отчет: китайский опыт вывода 800 миллионов человек из бедности // Группа Всемирного банка. – 1 апреля 2022. – URL: <https://www.shihang.org/zh/news/press-release/2022/04/01/lifting-800-million-people-out-of-poverty-new-report-looks-at-lessons-from-china-s-experience> (дата обращения: 20.04.2025). [联合研究报告: 8亿人摆脱贫困的中国经验. 世界银行集团.]

эффективно решают социальные проблемы, вызванные изменениями в демографической структуре.

В эпоху технологических трансформаций демографические вопросы также *нуждаются в интеграции с инновационной перспективой развития, демонстрируя прогрессивное мышление Китая в отношении общих проблем человечества*. McKinsey Global Institute прогнозирует, что к 2030 году во всем мире около 800 миллионов рабочих мест будут заменены автоматизацией, но в то же время будут созданы новые возможности трудоустройства³⁹³. На фоне быстрого развития новых технологий, таких как искусственный интеллект, в противовес несколько пессимистичным ожиданиям от демографических структурных изменений, искусственному интеллекту приписываются более оптимистичные перспективы — он не только может напрямую способствовать экономическому росту, но и может трансформировать влияние демографии на экономику. В этом контексте Китай должен активно обсуждать, как передовые технологии в таких областях, как цифровые технологии, искусственный интеллект и биотехнологии, могут предложить новые решения для глобального демографического управления. В частности, можно делиться опытом Китая в сферах умного ухода за пожилыми людьми, телемедицины, цифрового образования, показывая, как технологические инновации помогают обществу лучше адаптироваться к изменениям в демографической структуре. Одновременно можно исследовать перспективу будущей рабочей силы на основе «человеко-машинного сотрудничества», обсуждая, как переопределить ценность человека и значение работы в эпоху искусственного интеллекта. Такая перспектива помогает изменить стереотипное представление в международном общественном мнении о «реактивном реагировании на кризис» (то есть о политике, направленной лишь на экстренное реагирование, а не на стратегическое и перспективное

³⁹³ Global Institute. Jobs lost, jobs gained: What the future of work will mean for jobs, skills, and wages. // McKinsey Global Institute. – 28 ноября 2017. – URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages> (дата обращения: 31.03.2025).

планирование), демонстрируя инновационное мышление и глобальное видение Китая как ответственной великой державы.

Кроме того, с точки зрения форм коммуникации, *следует в полной мере использовать разнообразные каналы цифровой эпохи*. Можно усилить применение визуальных элементов в коммуникации по демографическим вопросам, демонстрируя эволюцию и эффективность китайской демографической политики через визуализацию данных, документальные фильмы, короткие видео и другие разнообразные формы. Например, можно создать серию документальных фильмов об изменениях в жизни семей разных поколений в различных регионах Китая, позволяя международной аудитории понять траекторию демографического развития Китая с разных точек зрения. Визуальная коммуникация не только преодолевает языковые барьеры, но и эффективно передает сложную информацию, особенно подходит для продвижения на новых платформах, таких как социальные медиа, достигая более молодой и разнообразной международной аудитории.

Демонстрируя внутренние связи между демографическими вопросами и экономическим, социальным и технологическим развитием, китайские медиа могут преодолеть предустановленные западными СМИ рамки «кризиса», представляя более полную и сбалансированную картину развития. Как отмечает китайский экономист Цай Фан: «Демографические изменения — это вызов, но еще больше — возможность; ключевым является то, как адаптироваться к этим изменениям через институциональные инновации и технологический прогресс»³⁹⁴. Эта рациональная и всесторонняя перспектива не только помогает международному сообществу лучше понять демографическую политику Китая, но и вносит конструктивные идеи в глобальное демографическое управление.

Вывод по главе 3

³⁹⁴ Цай Фан. Эпоха убыли населения: вызовы и возможности экономического роста Китая. – Пекин: Издательская группа CITIC, 2023. – С. 352. [蔡昉. 人口负增长时代：中国经济增长的挑战与机遇. 中信出版集团.]

Для понимания формирования дискурса недостаточно просто выявить структуру текста. Ключевым является глубинное объяснение медийных практик и социальных сил, которые их формируют. Крайне важно понять, как эти силы влияют на выражение различных акторов в разных контекстах. Исходя из этого, третья глава направлена на объяснение различий в конструировании дискурса, представленных во второй главе, с точки зрения медиасистем, двусторонних отношений и культурных ценностей, а также на предложение рекомендаций по оптимизации международной коммуникации по демографическим вопросам Китая.

Исследование показывает, что китайская модель «институционализированного консенсуса» устанавливает нарративные рамки, ориентированные на национальное развитие. Российская «евразийская гибридная модель» демонстрирует относительно нейтральную позицию, акцентируя внимание на изложении фактов и международных сравнениях. Американская же «либеральная модель» конструирует критический дискурс через призму индивидуалистических ценностей. Кроме того, исследование обнаруживает, что двусторонние отношения оказывают значительное влияние на формирование медийного освещения: китайско-российское стратегическое сотрудничество способствует рациональной и сдержанной интерпретации демографических вопросов Китая в российских медиа, в то время как китайско-американское стратегическое соперничество приводит к «кризисности» и «идеологизации» демографических проблем Китая в американских медиа. Более того, коллективистские ценности Китая, индивидуализм США и гибридная культура России в определенной степени также влияют на медиадискурс о демографических проблемах Китая.

На основе этих выводов в данной главе предлагается несколько рекомендаций по оптимизации международной коммуникации по демографическим вопросам Китая. Во-первых, следует реконструировать демографические дискурсивные рамки, фокусируясь на переходе от «количества» к «качеству», укреплять дискурсивное лидерство и повышать

сбалансированность и прозрачность освещения. Во-вторых, необходимо сочетать макрополитику с микроисториями, усиливать эмоциональный отклик, подчеркивая заботу о жизни людей, лежащую в основе демографической политики. Наконец, следует расширять разнообразие коммуникационных субъектов, уделять внимание интеграции технологических инноваций и демографического управления, таким как исследования в областях умного ухода за пожилыми, цифрового образования и «человеко-машинного сотрудничества», чтобы повысить дискурсивное влияние и доверие к Китаю в международном общественном мнении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискурсивное конструирование демографических проблем в международном медиапространстве представляет собой не просто отражение объективной реальности, но сложный процесс формирования социальных смыслов, глубоко укорененный в идеологических, культурных и геополитических контекстах.

В рамках теоретического осмысления проблемы в первой главе была предложена концепция *«демографического медиадискурса»* как сложной дискурсивной практики, которая не только передает конкретную информацию о демографических процессах, но и активно конструирует определенные рамки восприятия, ценностные установки и идеологические позиции, влияющие на общественное понимание демографических вопросов. Данная концепция охватывает стратегический отбор, конструирование и распространение медиаинформации, связанной с демографическими изменениями, демографической политикой и ее социально-экономическими последствиями, рождаемостью, миграцией, старением населения и другими аспектами народонаселения, используя при этом как языковые, так и неязыковые символы. В отличие от более узкого понятия «демографическая коммуникация», традиционно связанного с пропагандой планирования семьи и восходящего к определению Института коммуникационных исследований Востока и Запада 1977 года, демографический медиадискурс охватывает более широкий спектр вопросов, включая социальные, экономические и геополитические аспекты демографических изменений.

Для комплексного анализа масштабного корпуса из 1783 медиатекстов трех стран в исследовании был применен интегративный подход, названный «тематическое моделирование с поддержкой корпусного дискурсивного анализа» (Topic Model-Assisted Corpus Discourse Analysis), объединяющий тематическое моделирование (LDA), корпусную лингвистику и критический дискурс-анализ (КДА). Необходимость в таком методологическом решении

была обусловлена объемом эмпирического материала и задачей обеспечения объективности межнационального сравнения. Данный метод позволяет преодолеть ограничения традиционного КДА, связанные с субъективностью выбора материала и интерпретации результатов, обеспечивая количественную обоснованность выводов при сохранении глубины качественного анализа. Разработанный методологический инструментарий может быть успешно адаптирован для исследования других социально значимых тем в международной коммуникации, таких как экологический, экономический или политический дискурс.

Эмпирическое исследование базировалось на трехмерной аналитической рамке Н. Фэрклоу, что позволило провести систематический анализ от макроуровня тематических структур до микроуровня языковых средств, обеспечивая комплексное понимание механизмов дискурсивного конструирования в различных социокультурных контекстах.

Прежде всего, для выявления более широких тематических структур и тенденций в медийном освещении демографических вопросов, был применен метод LDA-тематического моделирования, позволивший на макроуровне проследить тематическую структуру медиатекстов трех стран и динамику их тематической интенсивности. Результаты показали, что китайские СМИ формируют управленческий нарратив, ориентированный на национальное развитие, фокусируясь на демографической политике и рождаемости, структурных изменениях населения и экономических вызовах, а также вопросах брака и деторождения через призму коллективистского и девелопменталистского мышления. Российские СМИ используют фактологический и сравнительный подход, концентрируясь на политике рождаемости и международных демографических сопоставлениях, рассматривая китайские изменения в контексте глобальной демографической структуры. Американские СМИ создают ценностно-критический дискурс, акцентируя экономическое развитие, социальные последствия политики рождаемости и семейную структуру через призму индивидуальных свобод,

включая характерное внимание к спорам о правах человека. В темпоральном аспекте наблюдались различные дискурсивные эволюции: китайские СМИ трансформировались от пропагандистских материалов к многоуровневому анализу социально-экономических вызовов, американские — от критики ограничений личной свободы к формированию нарратива о «демографическом коллапсе», в то время как российские медиа сохраняли стабильную глобальную сравнительную перспективу с постепенным усилением внимания к международным стратегическим аспектам.

Далее, опираясь на трехмерную модель КДА Н. Фэрклоу, были исследованы механизмы конструирования демографического медиадискурса на уровнях текстового анализа, дискурсивной практики и социальной практики. На текстовом уровне применялись методы коллокационного и метафорического анализа для выявления языковых средств конструирования демографического медиадискурса Китая в медиа трех стран.

Коллокационный анализ ключевого слова «политика/policy» с использованием корпусного программного обеспечения AntConc выявил три различные дискурсивные стратегии. Китайские СМИ демонстрируют «девелопменталистский» дискурс с преобладанием позитивных коллокаций (universal, supportive, comprehensive, effective), представляя политику как научный инструмент содействия национальному развитию, что дополнительно подкрепляется глаголами поддержки и оптимизации (encourage, support, promote, optimize). Американские медиа используют дискурс «свободы и прав человека» с доминированием негативных оценок (controversial, notorious, draconian, restrictive), изображая демографическую политику Китая как авторитарную и негуманную, при этом глагольные коллокации подчеркивают принудительный характер (enforce, impose, control) и неизбежность провала (abandon, fail, violate). Российские СМИ придерживаются дискурса «сбалансированной объективности» с преимущественно нейтральными описаниями (демографический, официальный, государственный) и процедурными глаголами (проводить,

действовать, внедрять), объективно транслируя факты корректировки демографической политики.

Метафорический анализ 218 метафорических выражений в заголовках новостей (76 китайских, 88 американских, 54 российских) был проведен на основе теории концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона с использованием метода МПР, разработанного группой Праггледжазом. Данный анализ выявил, что китайские СМИ переосмысливают демографию как экономическую возможность через сбалансированные метафорические фреймы, формируя когнитивную рамку «видеть возможности в вызовах», концептуализируя демографические трудности как стимул для инновационного развития. Российские СМИ создают драматический нарратив с контрастными элементами, описывая демографические изменения через призму кризиса и предельных состояний («демографическая зима», «демографический взрыв»), с акцентом на международную конкуренцию, дополняя повествование культурным колоритом через метафоры народных сказок. Американские СМИ конструируют устойчивый негативный нарратив на основе логики «ошибок и последствий» с акцентом на самнанесенный ущерб, формируя представление о ситуации как о череде стратегических просчетов с серьезными социальными издержками.

На уровне дискурсивной практики автоматизированная идентификация цитат с использованием NLP-технологий выявила различия в практиках цитирования. Анализ показал, что китайские и американские СМИ предпочитают косвенную речь (75,05% и 67,30% соответственно), что указывает на высокую степень журналистской интерпретации и предоставляет больше возможностей для конструирования фреймов, в то же время российские медиа тяготеют к прямой речи (64,01%), усиливая эффект аутентичности и достоверности. В выборе глаголов цитирования все три медиасистемы преимущественно придерживаются нейтральных форм (80–82%) как проявление стремления к видимой объективности, при этом российские СМИ значительно чаще используют условно-положительные

глаголы цитирования (12,33% против 3,88% в Китае и 3,71% в США), подчеркивая определенность сведений, а американские медиа чаще применяют глаголы с надзорным оттенком, усиливая критический характер дискурса.

На уровне социальной практики были выявлены ключевые факторы, влияющие на конструирование демографического медиадискурса. Исследование показало, что различия в освещении демографических проблем Китая определяются особенностями национальных медиасистем (консенсусно-централизованная в Китае, евразийская гибридная в России, либеральная в США), характером двусторонних отношений (стратегическое партнерство между Россией и Китаем, стратегическое соперничество между США и Китаем) и культурными ценностями (коллективизм в Китае, дуализм в России, индивидуализм в США). Комплексное взаимодействие этих факторов создает уникальные дискурсивные среды, в которых формируются специфические интерпретации демографических процессов.

На основе проведенного анализа были разработаны три ключевых направления оптимизации демографического медиадискурса Китая в международной коммуникации:

1. реконструкция нарративных рамок с акцентом на переходе от количественных показателей к качественному развитию человеческого капитала;
2. достижение баланса между макрополитическими нарративами и индивидуальными историями для повышения эмоционального отклика международной аудитории;
3. формирование инновационного дискурса, интегрирующего демографические вопросы с технологическими инновациями и развитием человеческого потенциала.

Таким образом, данное исследование подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что демографические вопросы как глобальная проблематика в международной коммуникации формируются не только объективными

фактами, но и глубоко зависят от особенностей национальных медиасистем, характера двусторонних отношений и культурных ценностей. Это проявляется в дифференцированном конструировании дискурса: китайские СМИ создают нарратив национального развития с акцентом на коллективное благо; российские СМИ поддерживают видимую нейтральность через стратегии фактологического описания и международного сравнения; американские СМИ конструируют ценностно-критический дискурс, опираясь на индивидуалистические принципы.

В теоретическом плане исследование подтверждает концептуальные положения о дискурсе как активном инструменте социального конструирования реальности и демонстрирует, как в глобализированном мире демографический медиадискурс становится важным фактором формирования международного общественного мнения и влияния на двусторонние межгосударственные отношения. Сочетание методов критического дискурс-анализа с инструментами компьютерной лингвистики, а также рассмотрение демографического медиадискурса как стратегически важного элемента международной коммуникации, обогащает методологию исследований медийного пространства и создает надежную эмпирическую базу для развития данного междисциплинарного направления. В практическом аспекте результаты работы предоставляют теоретическую базу для оптимизации стратегий международной коммуникации по вопросам демографической ситуации в Китае с учетом механизмов дискурсивного конструирования и особенностей восприятия информации в различных культурных средах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Литература и источники на русском языке

1. Алефиренко Н. Ф. Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность // Медиалингвистика. – 2016. – № 1 (11). – С. 49–57.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 136–137.
3. Аузан А. А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. – М.: АСТ, 2022. – С. 160.
4. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. – 2007. – № 1. – С. 19–35.
5. Вакуленко Ю. Р. Специфика освещения проблемы демографии в печатных СМИ // Огарев-Online. – 2016. – № 12(77). – С. 5.
6. Вартанова Е. Л. Медиасистема России: учебник для студентов вузов / Е. Л. Вартанова. – Москва: Аспект Пресс, 2021. – С. 424.
7. Вартанова Е. Л. Национальные медиа в условиях деглобализации: альтернативность опыта БРИКС // Меди@льманах. – 2024. – №3. – С. 8–16.
8. Вартанова Е. Л. Российская медиасистема в начале 2020 гг.: вызовы эпохи неопределенности / Е.Л. Вартанова, Д.В. Дунас. // Меди@льманах. – 2022. – № 6 (113). – С. 8–17.
9. Вартанова, Е. Л., Дунас Д.В. Российская медиасистема в начале 2020 гг.: вызовы эпохи неопределенности// Меди@льманах. – 2022. – № 6(113). – С. 8–17.
10. Варченко В. В. Формы и функции цитатной речи в медиа-тексте (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2007. – С. 181.

11. Виноградова Е. Ю. Познавательные возможности дискурс-анализа в социологическом исследовании // Социология вчера, сегодня, завтра: Вторые социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под ред. О. Б. Божкова. – СПб.: Эйдос, 2008. – С. 40–47.
12. Волкова И. И., Кемарская И. Н., Лободенко Л. К. и др. Экосистема медиа: цифровые модификации. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2021. – С. 252.
13. Волкова И. И., Осиповская Е. А. Особенности игрового кода политических медиакommunikаций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2–1 (32). – С. 47–50.
14. Ворошилова, А. И. «информационная война» за демографию в эпоху социальных сетей / А. И. Ворошилова, М. В. Такмаков // Воспитание как стратегический национальный приоритет: Международный научно - образовательный форум, Екатеринбург, 15–16 апреля 2021 года. Т. 4. – 2021. – С. 413–417.
15. Грабельников А. А. Русская газета, цифровая среда и аудитория / А. А. Грабельников, Т. С. Родионова. – Москва : Российский университет дружбы народов, 2022. – С. 349.
16. Даирова К. Н. Структурно-семантические особенности цитаты и ее функционирование в тексте (на материале английской научной лингвистической литературы): дисс...канд. филол. наук: 10.02.04. – Тверь: ТГУ им. Г. Р. Державина, 1983. – С. 156.
17. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
18. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация М.: Прогресс, 1989. – С. 312.
19. Демина И. Н., Шкондин М. В. Медиасистема России: методологические аспекты оптимизации // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – № 2 (5). – С. 187–199.

20. Демина И. Н., Шкондин М. В. Медиа-система России: методологические аспекты оптимизации // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – № 2 (5), – С.187–199.
21. Демографический взрыв или мистификация? Сколько на самом деле китайцев // Аргументы и Факты. – 7 мая 2017. – URL: https://aif.ru/politics/world/demograficheskiy_vzryv_ili_mistifikaciya_skolko_na_samom_dele_kitaycev (дата обращения: 10.12.2024).
22. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. – 2015. – № 1 (6). – С. 45–56.
23. Добросклонская Т. Г. Прикладные аспекты медиалингвистических исследований // Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа: сб. статей. – Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2015. – С. 18–22.
24. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. - М. : Флинта: Наука, 2008.– С. 257-261
25. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиа-дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003.
26. Зайцева С. Ю. Цитата как сигнал полемичности текста / С. Ю. Зайцева // Значение и смысл слова. – Москва : МГУ, 1987. – С. 120
27. Иванова Т. К., Бушканец Л. Е. Перспективы применения междисциплинарных методов в дискурс-анализе текста политической направленности на примере речи П. А. Столыпина // Медиалингвистика. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 124–144.
28. Исмаилова, О. И. Языковые средства реализации деструктивных речевых стратегий в российском и британском медиа-политическом дискурсе / О. И. Исмаилова // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3(75). – С. 54–59.

29. Казак М. Ю., Махова А. А. Разнотипные интертексты в журналистском тексте: опыт функционального описания // Медиалингвистика. – 2015. – № 2 (8). – С. 93–103.
30. Каменева В. А., Рабкина Н.В. «Этическая оценка» как одна из тактик актуализации стратегии делегитимизации в предвыборном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. – Т. 12, № 3. – С. 743—757.
31. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
32. Катайцева Н. А., Щурова И. В. Метафора как способ формирования языковой картины мира в современных центральных и региональных российских интернет-СМИ (на примере текстов культурной тематики) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2022. – № 1. – С. 119–135.
33. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис. докт. филол. наук: 10.02.19. – М., 2003. – С. 90.
34. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в Х-У-теорию / С.Г. Кирдина. – СПб.: Нестор-Истор., 2014. – С. 306.
35. Кирина, М. А. Сравнение тематических моделей на основе LDA, STM и NMF для качественного анализа русской художественной прозы малой формы / М. А. Кирина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 93-109..
36. Китай планирует повысить пенсионный возраст на пять лет // ТАСС. – 25 декабря 2013. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/856897> (дата обращения: 06.01.2025).
37. Кожемякин Е. А., Красикова Т.Р. Эпистемический порядок медиадискурса: специфика операций смыслопорождения // Медиалингвистика. – 2016. – № 1 (11). – С. 31–40.

38. Кожемякин Е. Институциональные дискурсы: программа сравнительных исследований // Человек. Сообщество. Управление. – 2007. – № 2. – С. 101
39. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования/ Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – Белгород, 2010. – № 12 (83). – С. 13–21.
40. Костанда О.В. Лексические особенности заголовков шведских газет. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Ивановича Стеблин-Каменского, СПб.: 36. Наука, 2003. С. 43–49.
41. Красина М. Н. Дискурс, дискурс-анализ и методы их применения в междисциплинарных проектах / М. Н. Красина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2018. – № 2. – С. 159–165.
42. Мартыненко Е. В., Базанова А. Е., Малаховский А. К., Иванова А. А. Медиасистемы постсоветского пространства: векторы эволюции и методы исследований // Вопросы теории и практики журналистики. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 609–627.
43. Мартыненко Е. В. Специфика освещения межкультурной коммуникации России и стран БРИКС в международных новостных агентствах / Е.В. Мартыненко, А.Е. Базанова, А.К. Малаховский, А.А. Иванова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 609–627.
44. Мировые СМИ активно обсуждают новость о первом за 60 лет сокращении населения Китая. // RG. – 17 января 2023. – URL: <https://rg.ru/2023/01/17/mirovye-smi-aktivno-obsuzhdaiut-novost-o-pervom-za-60-let-sokrashchenii-naseleniia-kitaia.html> (дата обращения: 12.01.2025).
45. Население Китая в 2022 году сократилось впервые за 60 лет // Интерфакс. – 17 января 2023. – URL: <https://www.interfax.ru/world/880978> (дата обращения: 12.01.2025).

46. Население Китая сократилось на 850 тысяч человек // РИА Новости. – 17 января 2023. – URL: <https://ria.ru/20230117/kitay-1845343056.html> (дата обращения: 11.01.2025).
47. Никонова Е. А. Цитация как основание для дифференциации жанров масс-медиа / Е. А. Никонова // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 5. – С. 243–261.
48. О нас «China Daily» // Сайт «China Daily». URL: https://www.chinadaily.com.cn/e/static_e/about (дата обращения: 13.04.2025).
49. О сегодняшнем дне // Интерфакс. URL: <https://group.interfax.ru/interfax/about/today/> (дата обращения: 10.04.2025).
50. Отец 29-летнего холостяка попытался покончить с собой из-за отсутствия внуков // Lenta.ru. – 28 января 2022. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/01/28/mda/> (дата обращения: 22.12.2024).
51. Пекин опровергает данные американского доклада об уйгурах в Синьцзяне // Российская газета. – 17 сентября 2020. – URL: <https://rg.ru/2020/09/17/pekin-oprovergaet-dannye-amerikanskogo-doklada-ob-ujgurah-v-sincziane.html> (дата обращения: 14.01.2025).
52. Радина Н. К. Методика идентификации контекстуальных идеологем в цифровом медиадискурсе (на примере медиадискурса о пандемии covid-19) / Н. К. Радина // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2021. – № 5. – С. 116–136.
53. Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Освещение семейно-демографической политики в СМИ: результаты всероссийского исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 236–248.
54. Саблина М. В. Цитата и цитирование в текстах современных российских газет: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2011. – С. 172.

55. Саитова Д. Г. Институт СМИ в контексте реализации демографической политики России: региональный опыт / Д. Г. Саитова, М. С. Бахтина // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2022. – Т. 2, № 4. С. 95–109.
56. Саурбаев Р. Ж. Речевые стратегии политического новостного дискурса на материале британской прессы: монография / Р. Ж. Саурбаев, Х. С. Шагбанова. – М: Новый индекс. – 2020. – С. 101.
57. Смирнова О. В. Исследование газеты в условиях цифровизации: актуализация подходов / О. В. Смирнова // Меди@льманах. – 2024. – № 1(120). – С. 18–24.
58. Суслов И. В., Тихонова С. В., Балаш В. А. Конструирование образа СССР в традиционных печатных медиа (на примере «Аргументов и фактов»): опыт статистического и качественного анализа коммуникационных стратегий // Медиалингвистика. – 2024. – Т. 11, № 2. – С. 224–236
59. РФ: смена демографической политики позволит КНР решить важные задачи // РИА Новости. – 29 октября 2015. – URL: <https://ria.ru/20151029/1310294385.html> (дата обращения: 15.01.2025).
60. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
61. Темнова Е. В. Современные подходы к изучению дискурса / Е. В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация. Том Выпуск 26. – М: МАКС Пресс. – 2004. – С. 24–32.
62. Толмасова О. С. Структурно-функциональные особенности английских газет заголовков в сопоставлении с газетным информационным текстом: автореферат дис. канд. филол. наук. Ленинградский гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., – 1981. – С. 8.
63. Трофимова Г. Н. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: дис. ... докт. филол. наук. М. 2004.

64. Тучкова В. В. Современная семья в зеркале российского телевидения // Медиаскоп. – 2012. – № 2. – С. 6.
65. Уварова Е. А. Медиааспект и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий / Е. А. Уварова // Вестник МГОУ. – 2015. – № 5. – С. 47–53.
66. Хабаров А. А. Образ Китая в российских и американских СМИ / А. А. Хабаров, А. П. Чудинов, Ян Кэ. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2022. – №2. – С. 159–171.
67. Цзя Л., Стровский Д. Л., Сухорецкая А. Е. Взаимодействие Китая и России в сфере массовой информации: от подхода «Россия как модель для подражания» до равного сотрудничества // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2020. – №. 2. – С. 85–115.
68. Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – № 9 (4). – С. 83–93.
69. Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 50. – С.135–148.
70. Число браков в Китае упало до самого низкого уровня с 1986 года // Коммерсантъ. – 14 июня 2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6043686?query=%D0%A0%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%8F> (дата обращения: 05.01.2025).
71. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.
72. Шилина М. Г. Тенденции развития современных медиасистем и актуальные концепции теории СМК // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. – 2010. – С. 6–22.

73. Эксперты: снижение численности населения Китая потребует изменения модели развития // ТАСС. – 19 января 2023. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16833923> (дата обращения: 15.01.2025).
74. Юмагузин В. В. Основные ошибки и неточности в статьях по демографической тематике в СМИ / В. В. Юмагузин, М. В. Винник // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2016. – № 4. – С. 3–21.
75. Якова Т. С., Волкова И. И. Classical theories of media systems: relevance for the contemporary research // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2023. – Т. 28. – № 2. – С. 344–354.

Литература и источники на английском языке

77. 8 billion lives, infinite possibilities. // UNFPA. – 2023. – URL: <https://www.unfpa.org/swp2023> (дата обращения: 27.03.2024).
78. A Shrinking, Aging China May Have Backed Itself Into a Corner // The New York Times. – 18 января 2023. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/18/world/asia/china-population-politics.html> (дата обращения: 11.01.2025)
79. Abdi, R., & Basarati, A. (2016). A critical analysis of the representation of Yemen crisis in ideologically-loaded newspaper headlines. GEMA Online Journal of Language Studies, 16(3), 37–27.
80. Against All Odds, Global R&D Has Grown Close to USD 3 Trillion in 2023. // WIPO. – 18 декабря 2024. – URL: <https://www.wipo.int/web/global-innovation-index/w/blogs/2024/end-of-year-edition> (дата обращения: 31.03.2025).
81. Ainsworth, S., & Hardy, C. (2004). Critical discourse analysis and identity: why bother? Critical Discourse Studies, 1(2), 225–259.

82. Alejandro, A., & Zhao, L. (2024). Multi-Method Qualitative Text and Discourse Analysis: A Methodological Framework. *Qualitative Inquiry*, 30(6), 461–473.
83. AllSides Media Bias Chart // AllSides. URL: <https://www.allsides.com/media-bias/media-bias-chart> (дата обращения: 13.04.2025).
84. Al-Omari, M., Elhersh, H., al Huneety, A., & Mashaqba, B. (2024). Authorship analysis of three Jordanian columnists: Is there a linguistic fingerprint? *Cogent Arts & Humanities*, 11(1).
85. Amoussou, F., Allagbe, A. (2018). Principles, Theories and Approaches to Critical Discourse Analysis. *Int J Stud Engl Lang Lit*, 6(1):11–18.
86. Anthony, L. (2018). *Introducing English for specific purposes*. Routledge.
87. Aranda, A. M., Sele, K., Etchanchu, H., Guyt, J. Y., & Vaara, E. (2021). From big data to rich theory: Integrating critical discourse analysis with structural topic modeling. *European Management Review*, 18(3), 197–214.
88. Baker, P. (2006) *Using Corpora in Discourse Analysis*. London: Continuum.
89. Baker, P., & Levon, E. (2015). Picking the right cherries? A comparison of corpus-based and qualitative analyses of news articles about masculinity. *Discourse & Communication*, 9(2), 221–236.
90. Baker, P., Gabrielatos, C., KhosraviNik, M., Krzyżanowski, M., McEnery, T., & Wodak, R. (2008). A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press. *Discourse & Society*, 19(3), 273–306.
91. Bartsch, S., & Evert, S. (2014). Towards a Firthian notion of collocation. *Network Strategies, Access Structures and Automatic Extraction of Lexicographical Information*, 2, 48-61.
92. Bednarek, M. (2024). Topic modelling in corpus-based discourse analysis: Uses and critiques. *Discourse Studies*, 0(0).
93. Benson, R., Wood, T. (2015) Who says what or nothing at all? Speakers, frames, and frameless quotes in unauthorized immigration news in the United States, Norway, and France. *American Behavioral Scientist*, 59(7), 802–821.

94. Bilá, Magdaléna and Svetlana V. Ivanova. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics*. 24 (2). 219–252.
95. Blei, D. (2012) Probabilistic Topic Models. *Communications of the ACM*, 55, 77–84.
96. Brinkmann, F. (2019). Topical discourse structures: Using topic modeling in discourse analysis approaches. *Human IT: Journal for Information Technology Studies as a Human Science*, 14(3), 83–114.
97. Brookes, G., & McEnery, T. (2018). The utility of topic modelling for discourse studies: A critical evaluation. *Discourse Studies*, 21(1), 3–21.
98. Burman, E., & Parker, I. (1993). Against discursive imperialism, empiricism and constructionism: Thirty-two problems with discourse analysis. In E. Burman & I. Parker (Eds.), *Discourse analytic research: Repertoires and readings of texts in action* (pp. 155–172). London: Routledge.
99. Busso, L., Petyko, M., Atkins, S., et al. (2022) Operation Heron: Latent topic changes in an abusive letter series. *Corpora*, 17(2), 225–258.
100. Carretero, M., Domínguez Romero, E., Martín de la Rosa, V. (2024). Reported Speech in Opinion Newspaper Articles and Political Speeches: An English/Spanish Contrastive Approach. In: Baicchi, A., Broccias, C. (eds) *Constructional and Cognitive Explorations of Contrastive Linguistics*. Springer, Cham.
101. Cassen, R. (1994). Population and development: Old debates, new conclusions. In R. Cassen, K. K. Griffin, & R. C. H. Haas (Eds.), *Population and development: Old debates, new conclusions* (pp. 1–26). New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.
102. Casterline, J. B. (2001). Mass media and fertility change. In National Research Council (Ed.), *Diffusion processes and fertility transition: Selected perspectives* (Chapter 7, pp. 208–235). Washington, DC: National Academies Press.

103. Chen, T., Hou, P., Wu, X., Yang, J., & Cong, G. (2023). Changes of people's fertility attitudes based on analysis of online public opinion on three-child policy in China. *Biodemography and Social Biology*, 68(4), 166–195.
104. Cheng, W. (2013). Corpus-based linguistic approaches to critical discourse analysis. In C. Chapelle (Ed.), *The encyclopedia of applied linguistics* (pp. 1353–1360). West Sussex, UK: Wiley-Blackwell.
105. China Slowdown Hastens Looming Pension Crisis // *The Wall Street Journal*. – 3 ноября 2016. – URL: http://www.wsj.com/articles/china-slowdown-deepens-looming-pension-crisis-1478165548?mod=Searchresults_pos19&page=10 (дата обращения: 12.01.2025).
106. China Wants to Boost Births. But It's Wary of Losing Control // *The New York Times*. – 12 мая 2021. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/12/business/china-births-limits.html> (дата обращения: 09.01.2025).
107. China's birthrates are falling amid demographic crisis. It is not alone // *The Washington Post*. – 18 января 2023. – URL: https://www.washingtonpost.com/world/2023/01/17/china-birth-rate-population-decline-global?itid=sr_4_83ab052d-3ede-43e1-8368-0b3f4d2e12de (дата обращения: 10.01.2025).
108. China's Decline Became Undeniable This Week. Now What? // *The New York Times*. – 17 января 2023. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/17/opinion/china-population-decline.html> (дата обращения: 15.01.2025).
109. China's Demographic Danger Grows as Births Fall Far Below Forecast // *The Wall Street Journal*. – 9 февраля 2019. – URL: https://www.wsj.com/articles/chinas-demographic-danger-grows-as-births-fall-far-below-forecast-11549717201?mod=Searchresults_pos2&page=4 (дата обращения: 18.01.2025).

110. China's Economic Slump Bodes Ill for Birth Numbers // The Wall Street Journal. – 4 сентября 2022. – URL: https://www.wsj.com/articles/chinas-economic-slump-bodes-ill-for-birth-numbers-11662289200?mod=Searchresults_pos6&page=1 (дата обращения: 20.01.2025).
111. China's first population decline in 60 years sounds demographic alarm // The Washington Post. – 17 января 2023. – URL: https://www.washingtonpost.com/world/2023/01/17/china-population-shrinking-decline-crisis?itid=sr_3_83ab052d-3ede-43e1-8368-0b3f4d2e12de (дата обращения: 14.01.2025).
112. China's population is about to shrink for the first time since the great famine struck 60 years ago. // World Economic Forum. – 26 июня 2022. – URL: <https://www.weforum.org/stories/2022/07/china-population-shrink-60-years-world/> (дата обращения: 27.03.2024).
113. China's Self-inflicted Pain // The New York Times. – 18 января 2023. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/18/briefing/china-population-economy.html> (дата обращения: 09.01.2025).
114. Chinese Growth Slows Amid Historic Population Decline // The Wall Street Journal. – 17 января 2023. – URL: https://www.wsj.com/podcasts/whats-news/chinese-growth-slows-amid-historic-population-decline/8D32394A-9767-496E-BB02-947E36BF1BF8?mod=Searchresults_pos4&page=3 (дата обращения: 08.01.2025).
115. Christmann, G. B. (2017). Analysing Changes in Discursive Constructions of Rural Areas in the Context of Demographic Change. Towards Counterpoints in the Dominant Discourse on “Dying Villages”. *Comparative Population Studies*. 41, 3–4.
116. Conzo, P., Fuochi, G., Anfossi, L., et al. (2021). Negative media portrayals of immigrants increase ingroup favoritism and hostile physiological and emotional reactions. *Sci Reports*, 11, Article 16407.

117. Could the Year of the Dragon bring the baby boom that Asia needs? Maybe. // The Washington Post. – 10 февраля 2024. – URL: https://www.washingtonpost.com/world/2024/02/10/lunar-year-dragon-babies-china-asia?itid=sr_6_83ab052d-3ede-43e1-8368-0b3f4d2e12de (дата обращения: 18.01.2025).
118. David, C. C., Legara, E. F. T., Aiu, J. M. L., & Monterola, C. P. (2014). News frames of the population issue in the Philippines. *International Journal of Communication*, 8, 1247–1267.
119. de Smaele, H. (1999). The Applicability of Western Media Models on the Russian Media System. *European Journal of Communication*, 14(2), 173–189.
120. Deaths of Seniors in Hospital Fire Point to China's Elder Care Shortfall // The New York Times. – 8 мая 2023. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/08/world/asia/china-hospital-fire-elderly.html?searchResultPosition=27> (дата обращения: 17.01.2025).
121. Demography is politics. // Ipsos. – 2023. – URL: <https://www.ipsos.com/en/almanac-2024/demography-politics> (дата обращения: 28.03.2024).
122. Etzemüller, T. (2011). The population discourse: a transnational matrix; the case of Germany and Sweden. *Historical Social Research*, 36(2), 101-119.
123. Fairclough, N. (1995) *Media discourse*. London, UK: Arnold.
124. Fairclough, N. (2003). *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London: Routledge.
125. Fairclough, N. (1992). *Discourse and social change*. Cambridge: Polity Press
126. Fairclough, N. (2001). *Language and Power*. 2nd edition. Harlow, Eng.; New York: Routledge.
127. Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London and New York: Routledge.
128. Fairclough, N. (2010). *Critical discourse analysis: The critical study of language* (2nd ed., p. 59). Longman.

129. Fairclough, N., & Wodak, R. (1997). Critical Discourse Analysis. In T. van Dijk (Ed.), *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction* (Vol. 2, p. 258-284). London: Sage.
130. Fairclough, N., Mulderrig, J., & Wodak, R. (2011). Critical discourse analysis. In T. A. van Dijk (Ed.), *Discourse studies: A multidisciplinary introduction* (pp. 357–374). London, England: SAGE.
131. Family planning fines spark controversy // China Daily. – 8 августа 2013. – URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-08/08/content_16878829.htm (дата обращения: 07.01.2025).
132. Farmer, E. L. (1990). Sifting truth from facts: The reporter as interpreter of China. In C.C. Lee (Ed.), *Voices of China: The interplay of politics and journalism* (p. 243–262). New York, NY: Guilford Press.
133. Firth, J. R. (1957). *Papers in linguistics 1934–1951*. Oxford University Press.
134. Floyd, A. (2000). The reporting verbs and the bias in the press. *Alicante Journal of English Studies*, 13, 43–52.
135. Foucault, M. (1972). *The archaeology of knowledge* (p. 49). Pantheon Books.
136. Fowler, R. (1991). *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. London; New York: Routledge.
137. Gabrielatos, C. (2018). Keyness analysis: Nature, metrics and techniques. In C. Taylor & A. Marchi (Eds.), *Corpus approaches to discourse: A critical review* (p. 225-258). Routledge.
138. Gans, H. (1979). Deciding what's news. (p. 42). New York, NY: Pantheon.
139. Geis, M. L. 1987. *The Language of Politics*. New York: Springer Verlag.
140. Gervasi, K. (2014). Direct and indirect speech in Spanish language news reports. *Journal of Language and Politics*, 13(1), 51–76.
141. Glattbach, J. (1977). Public information and mass media in population communication programs. In *A synthesis of population communication experience* (p. 85). East-West Communication Institute.

142. Global Institute. Jobs lost, jobs gained: What the future of work will mean for jobs, skills, and wages. // McKinsey Global Institute. – 28 ноября 2017. – URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages> (дата обращения: 31.03.2025).
143. Goldstone, J.A., Kaufmann, E.P., Toft, M.D. (2012). *Political Demography: How Population Changes are Reshaping International Security and National Politics*. Boulder, CO: Paradigm.
144. Goonasekera, A. (1986). Media and population. *Sri Lanka Population Digest*, 1, 12–20.
145. Greenhalgh, S. (2003). Planned Births, Unplanned Persons: “Population” in the Making of Chinese Modernity. *American Ethnologist*, 30(2), 196–215.
146. Greenhalgh, S. (2003). Science, Modernity, and the Making of China’s One-Child Policy. *Population and Development Review*, 29(2), 163–196.
147. Grol-Prokopczyk, H. (2018). Celebrity culture and demographic change: The case of celebrity nonmarital fertility, 1974–2014. *Demographic Research*, 39, 251–284.
148. Grundmann, R. (2021). Using large text news archives for the analysis of climate change discourse: some methodological observations. *Journal of Risk Research*, 25(3), 395–406.
149. Guo, J., & Feng, M. (2024). Social media exposure’s effects on public support toward three-child policy in China: role of cognitive elaboration, perceived negative effects, and institutional trust. *Journal of Public Policy*, 44(1), 121–142.
150. Halliday, M. A. K. (1994). *An introduction to functional grammar* (2nd ed.). New York, NY: Routledge, Chapman and Hall, Inc.
151. Hallin, D. C., & Mancini, P. (2004). Comparing media systems: Three models of media and politics (pp. 66–75). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
152. Harris, Z. (1952). Discourse analysis. *Language*, 28(1), 1–30.

153. Hauser, N. W. (2011). American discourse on China: A cross-time comparison of U.S. news framing of China's one-child policy, 1979-2009 [Thesis, University of Missouri--Columbia].
154. Hofstede, G., Hofstede, G. J., & Minkov, M. (2010). Cultures and Organizations: Software of the Mind: Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival (3rd ed., p. 95–96). New York, NY: McGraw-Hill.
155. In need of a baby boom, China clamps down on vasectomies // The New York Times. – 28 декабря 2019. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/28/world/asia/china-xinjiang-children-boarding-schools.html> (дата обращения: 08.01.2025).
156. Individual News Source Ratings // Ad Fontes Media. URL: <https://adfontesmedia.com/rankings-by-individual-news-source/> (дата обращения: 13.04.2025).
157. Is long-term negative population growth coming? // China Daily. – 17 января 2023. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202301/17/WS63c64be3a31057c47ebaa22d.html> (дата обращения: 10.01.2025).
158. Jacobs, T., & Tschötschel, R. (2019). Topic models meet discourse analysis: a quantitative tool for a qualitative approach. *International Journal of Social Research Methodology*, 22(5), 469–485.
159. Jakobson, R. (1960). Linguistics and Poetics. In T. Sebeok (Ed.), *Style in Language* (pp. 350-377). Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press.
160. Jaworska, S., Nanda, A. (2018). Doing well by talking good: A topic modelling-assisted discourse study of corporate social responsibility. *Applied Linguistics*, 39(3), 373–399.
161. Jin, B. (2023). A Topic-Modelling-Assisted Discourse Study of DiDi's Delisting from the New York Stock Exchange in Anglo-American Media Coverage. *Critical Arts*.

162. Jo, W. (2019). Possibility of Discourse Analysis using Topic Modeling. *Journal of Asian Sociology*, 48(3), 321–342.
163. Kakavoulia, M., & Politis, P. (2010). Indirect discourse in Greek news articles: Voices and reporting verbs. *Glossologia*, 18, 11–24.
164. Kar, S. B., Demangone, D. M., & Kar, B. B. (1975). Communication research in family planning: An analytical framework. In *Population Communication: Technical Documentation* (No. 2, p. 5). Paris: UNESCO.
165. Kim, J. (1988). Rethinking population communication. *Asia-Pacific Population Journal*, 3(4), 3–16.
166. Kristeva, J. (1980). *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. New York: Columbia University Press.
167. Lakoff, G., Johnson, M. (2003). *Metaphors We Live By*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
168. Lippmann, W. (1997). Public opinion (pp. 15–27). New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.
169. Liu, X., & Li, H. (2019). Study on the evolution of the dissemination model of China's fertility policy. *Journal of Peking University (Philosophy and Social Sciences)*, 56(5), 14-23.
170. Liu, M., & Huang, J. (2024). Framing responsibilities for climate change in Chinese and American newspapers: A corpus-assisted discourse study. *Journalism*, 25(8), 1792–1811.
171. Liu, Y., & Li, D. (2022). The US-China battle over Coronavirus in the news media: Metaphor transfer as a representation of stance mediation. *Discourse & Society*, 33(4), 456–477.
172. Liu, Y., & Tay, D. (2023). Modelability of WAR metaphors across time in cross-national COVID-19 news translation: An insight into ideology manipulation. *Lingua*, 286, 103–490.
173. Lu, Y., Zhou, T. (2024). A critical discourse analysis of Chinese diplomatic speeches on China-US relations. *Humanit Soc Sci Commun* 11, 1674.

174. Mahmoodi, K., Mohammadpur, A., & Rezaei, M. (2015). A discourse analysis of population policies in the context of politics in Iran. *Quality & Quantity*, 49(5), 1883–1895.
175. Main Data of the Seventh National Population Census News Release. // National Bureau of Statistics of China. – 2021. – URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202105/t20210510_1817185.htm (дата обращения: 02.11.2024).
176. Manzenreiter, W. (2010). The Beijing Games in the western imagination of China: the weak power of soft power. *J Sport Soc Issue*, 34(1), 29–48.
177. May, J. F. (2012). *World Population Policies: Their Origin, Evolution, and Impact*. New York: Springer.
178. McEnery, T., & Hardie, A. (2012). *Corpus linguistics: Method, theory and practice*. Cambridge University Press.
179. Merli, M. G., Moody, J., Verdery, A., & Yacoub, M. (2023). Demography's changing intellectual landscape: A bibliometric analysis of the leading Anglophone journals, 1950–2020. *Demography*, 60(3), 865–890.
180. Messerschmidt, R. (2014). “Garbled demography” or “Demographization of the social”? – A Foucaultian Discourse Analysis of German Demographic Change at the Beginning of the 21st Century. *Historical Social Research*, 39(1 (147)), 299–335.
181. Murakami, A., Thompson, P., Hunston S, Vajn D (2017) ‘What is this corpus about?’ Using topic modelling to explore a specialised corpus. *Corpora*, 12(2), 243–277.
182. Nation's population drops for first time in 6 decades // China Daily. – 18 января 2023. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202301/18/WS63c72783a31057c47ebaa31d.html> (дата обращения: 12.01.2025).
183. Nylund, M. (2003). Quoting in front-page journalism: Illustrating, evaluating and confirming the news. *Media, Culture & Society*, 25(6), 844–851.

184. Opinion | China is aging. Can it accept the clear solution? // The Washington Post. – 23 сентября 2024. – URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/09/23/china-population-decline-worker-shortage-labor?itid=sr_2_0734d60c-3f5d-4f97-8fca-e98986d5d056 (дата обращения: 15.01.2025).
185. Opinion | China's looming population slide could make it an even more dangerous global threat // The Washington Post. – 5 марта 2021. — URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/03/05/chinas-looming-population-slide-could-make-it-an-even-more-dangerous-global-threat?itid=sr_9_83ab052d-3ede-43e1-8368-0b3f4d2e12de (дата обращения: 08.01.2025).
186. Partington, A., Morley, J., & Haarman, L. (Eds.). (2004). *Corpora and discourse*. Bern, Switzerland: Peter Lang.
187. Pei, J., Cheng, L. (2024). Representations of 5G in the Chinese and British press: a corpus-assisted critical discourse analysis. *Humanit Soc Sci Commun*, 11, 400.
188. Poston, Jr, D. L., & Bouvier, L. F. (2016). *An Introduction to Demography*. In *Population and Society* (pp. 3–16). chapter, Cambridge: Cambridge University Press.
189. Richardson, J, E. (2007). *Analysing Newspaper: An approach from critical discourse analysis*. New York: Palgrave Macmillan.
190. Sari, C. A. M., Utari, P., & Satyawan, I. A. (2022). Identification of Communication Strategies for Population Control in Indonesia: A Systematic Review. *KnE Social Sciences*, 7(5), 741–756.
191. Saussure, F. (1916). *Course in General Linguistics*. McGraw-Hill Education.
192. Schindlmayr, T. (2001). The Media, Public Opinion and Population Assistance: Establishing the Link. *Family Planning Perspectives*, 33(3), 128–132.
193. Schröder, K. C. (2005). Media Pragmatics. In K. Brown (Ed.), *Encyclopedia of Language and Linguistics* (2 ed., Vol. 7, pp. 623-631). Pergamon Press.

194. Semino, E. (2020). "Not Soldiers but Fire-fighters" – Metaphors and Covid-19. *Health Communication*, 36(1), 50–58.
195. Shuttleworth, M. (2017). *Studying Scientific Metaphor in Translation*. Oxford: Taylor & Francis.
196. Smirnova, A.V. (2009). Reported speech as an element of argumentative newspaper discourse. *Discourse & Communication*, 3(1), 79–103.
197. Steen, G., & Pragglejaz Group. (2007). MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. *Metaphor and Symbol*, 22(1), 1–39.
198. Stubbs, M. (1994). Grammar, text, and ideology: Computer-assisted methods in the linguistics of representation. *Applied Linguistics*, 15(2), 201–223.
199. Taboada, M. (2024). Reported speech and gender in the news: Who is quoted, how are they quoted, and why it matters. *Discourse & Communication*, 0(0).
200. Teitelbaum, M. S. (2014). Political demography: Powerful forces between disciplinary stools. *International Area Studies Review*, 17(2), 99–119.
201. The Missing Girls: How China's One-Child Policy Tore Families Apart // The Wall Street Journal. — 18 сентября 2024. — URL:https://www.wsj.com/world/china/the-missing-girls-how-chinas-one-child-policy-tore-families-apart-b0f37ac0?mod=Searchresults_pos1&page=1 (дата обращения: 15.01.2025).
202. Thompson, G. (1996). Voices in the text: Discourse perspectives on language reports. *Applied Linguistics*, 17(4), 501–530.
203. Thompson, G., & Yiyun, Y. (1991). Evaluation in the reporting verbs used in academic papers. *Applied Linguistics*, 12, 365–382.
204. Törnberg, A., & Törnberg, P. (2016). Muslims in social media discourse: Combining topic modeling and critical discourse analysis. *Discourse, Context & Media*, 13, 132–142.

205. Törnberg, A., & Törnberg, P. (2016). Combining CDA and topic modeling: Analyzing discursive connections between Islamophobia and anti-feminism on an online forum. *Discourse & Society*, 27(4), 401–422.
206. Tuchman, G. (1978). *Making News: A Study in the Construction of Reality*. New York: Free Press.
207. U.N. Confirms India's Population Is Overtaking China's // The Wall Street Journal. – 24 апреля 2023. – URL: https://www.wsj.com/articles/u-n-confirms-indias-population-is-overtaking-chinas-8e5b2c8e?mod=Searchresults_pos6&page=7 (дата обращения: 12.01.2025).
208. Valente, T. W., Poppe, P. R., & Merritt, A. P. (1996). Mass-media-generated interpersonal communication as sources of information about family planning. *Journal of Health Communication*, 1(3), 247–265.
209. van Dijk, T. (2013). CDA is NOT a method of critical discourse analysis. Retrieved from <http://www.edisoportal.org/debate/115-cda-not-method-critical-discourse-analysis>
210. van Dijk, T.A. (1988). *News as Discourse* (p.11–35) Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
211. van Dijk, T. A. (2013). Ideology and discourse. In M. Freeden & M. Stears (Eds.), *The Oxford handbook of political ideologies* (online edition, pp. 396–398). Oxford University Press.
212. van Dijk, T. A. (1991). *Racism and the press* (p. 256). London, England: Routledge.
213. van Dijk, T. A. (1993). Principles of critical discourse analysis. *Discourse & Society*, 4(2), 249–283.
214. van Krieken, K. (2020). Do reconstructive and attributive quotes in news narratives influence engagement, credibility and realism? *Journalism Studies*, 21(2): 145–161.
215. van Leeuwen, T. (2008). *Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis*. New York, NY: Oxford University Press.

216. Vartanova, E. (2012). The Russian media model in the context of post-Soviet dynamics. In D. C. Hallin & P. Mancini (Eds.), *Comparing media systems beyond the Western World* (pp. 119–142). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
217. Vartanova, E. (2020). The Internet in the Structure of the Russian Media System. In: Davydov, S. (eds) *Internet in Russia. Societies and Political Orders in Transition*. Springer, Cham. 2
218. Vartanova, E. (2002). “Media Structures: Changed and Unchanged.” In Kaarle Nordenstreng, Elena Vartanova, and Yassen Zassoursky (eds.). *Russian Media Challenge* (pp. 21–72; 2nd ed.). Helsinki: Kikimora Publications.
219. Volosinov, V. N. (1973). *Marxism and the Philosophy of Language*. New York: Seminar Press.
220. Wang, Q. and X. Sun. (2020). Fertility choices in China under the two-child policy, *International Sociology* 35(3): 284–311.
221. Whyte, M. K., Feng, W., & Cai, Y. (2015). Challenging Myths About China’s One-Child Policy. *The China Journal*, 74, 144–159.
222. Wodak, R. (2001). The discourse-historical approach. In R. Wodak & M. Meyer (Eds.), *Methods of critical discourse analysis* (pp. 74–77). Sage.
223. Wodak, R., Chilton, P. (2005). *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis: Theory, methodology and interdisciplinarity*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
224. Ye, M., & Thomas, P. (2020). Paternalism in China Daily’s coverage of Chinese Muslims (2001–2015). *Discourse & Communication*, 14(3), 314–331.
225. Yung Park, I. (2022). The Discourse on Multi-Child Families in South Korea's Media and Popular Culture. *Korean Studies*, 46, 227–258.
226. Zelizer, B. (1989) ‘Saying’ as collective practice: Quoting and differential address in the news. *Text*, 9(4), 369–388.
227. Zhao, Y (2021) *A Critical Discourse Analysis of New Reports on UN Climate Change Conferences from Chinese and US Mainstream Newspapers*. China Acad J Electronic Publishing House.

228. Zhao, Y. (2012). Understanding China's media system in a world historical context. In D. C. Hallin & P. Mancini (Eds.), *Comparing media systems beyond the Western World* (pp. 143–176). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
229. Zhou, R., Qin, S. (2020). A Critical Discourse Analysis of News Reports on Sino-US Trade War in The New York Times. *Engl Lang Teach*, 13, 85–96.
230. Zhou, M., & Guo, W. (2022). Sooner, later, or never: Changing fertility intentions due to Covid-19 in China's Covid-19 epicentre. *Population Studies*, 77(1), 123–140.
231. Zhu, R., Hou, W., & Krever, R. (2023). Images of China in the Australian press: Time for new frames and new readings of old frames to broaden the horizons of framing analysis? *Media International Australia*, 0(0).

Литература и источники на китайском языке

252. В 2012 году численность трудоспособного населения впервые сократилась, началось снижение демографического дивиденда // Жэньминь жибао. – 10 мая 2013. – URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0510/c1026-21438675.html> (дата обращения: 28.11.2024). [2012 年劳动年龄人口首次减少, 人口红利开始消失.人民网.]
253. Ван И, Чжоу Цзинь. Распространение страха перед материнством среди женщин в социальных медиа и социальное управление этим явлением // Журнал Шанхайского университета транспорта (Философия и социальные науки). – 2023. – № 10. – С. 55–67. [万忆 & 周景怡. 社交媒体中女性“恐育”情绪的感染扩散与社会治理. 上海交通大学学报(哲学社会科学版)]
254. Ван Минь, Ван Линьяо. Почему истории Китая не удастся затронуть «Другого»? Отклонения и ограничения в процессе «преодоления барьеров» и «выхода в мир» китайской истории // Коммуникация и

- общество. – 2022. – № 61. – С. 127–159. [王敏,王令瑤.為何沒能擊中他者:中國故事破圈出海的偏差與局限.傳播與社會學刊]
255. Ван Цинь. Исследование дискурса китайской демографической политики в американских СМИ на основе корпуса // Корпусная лингвистика. – 2022. – № 2. – С. 109–126+169. [王琴. 基于语料库的美国媒体中国人口话语建构研究.语料库语言学]
256. Доклад о демографической ситуации в Китае // Население Юва. Жэнь Цзэпин, Лян Цзяньчжан, Хуан Вэньчжэн, Лю Цзюнь, Хэ Яфу. – 22 ноября 2024. – URL: https://www.sohu.com/a/829109752_467568 (дата обращения: 10.01.2025). [中国人口形势报告 2024.育娲人口. 任泽平, 梁建章, 黄文政, 吕俊, 何亚福.]
257. Жоу Шэн, У Бо, Тянь Фуцин. Исследование формирования интернет-повестки дня на основе политики трёх детей // Глобальный журнал СМИ. – 2022. – № 3. – С. 125–142. [周胜,吴波 & 田福庆.基于三孩政策的网络议程设置研究]
258. Жэнь Юань. Переход к адаптивной демографической политике // Нанкинские социальные науки. – 2019. – № 4. – С. 49–55. [任远. 转向一种适应性的人口政策. 南京社会科学]
259. Изменения рождаемости в Китае: вызовы и меры реагирования//Национальный институт развития Пекинского университета. Чжан Цзюньсэнь, Го Жуфэй, И Цзюньцзянь. – 16 октября 2023. – URL: <https://nsd.pku.edu.cn/cbw/tlg1/tlg2023/532656.htm> (дата обращения: 15.12.2024). [中国生育率变化: 挑战与对策. 北京大学国家发展研究院. 张俊森, 郭汝飞, 易君健.]
260. Исследование условий выживания семей, потерявших единственного ребенка: куда нам деваться в старости? // Жэньминь жибао. – 22 января 2013. – URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/0122/c49154-20283225->

- 4.html (дата обращения: 11.12.2024). [失独家庭生存状况调查——我们的晚年何处安放.人民网.]
261. К концу 2013 года число пользователей мобильных телефонов в Китае превысило 1,2 миллиарда, 80% интернет-пользователей выходили в сеть через мобильные устройства // Государственное управление по делам киберпространства Китая. – 20 апреля 2024. – URL: https://www.cac.gov.cn/2024-04/20/c_1715291120716362.htm (дата обращения: 05.01.2025). [到 2013 年年底, 我国手机用户超过 12 亿, 通过手机上网的网民占 80%. 国家互联网信息办公室.]
262. Ли Дэн. Исследование фрейминга освещения политики рождаемости в «Жэньминь Жибао» (2013–2021 гг.) // Диссертация, Юго-Западный университет. – 2022. [李等.《人民日报》2013-2021 年生育政策报道框架研究硕士(学位论文,西南大学).]
263. Ли Ли, Сюн Сюань, Цао Шаньюй. Колеблющиеся репродуктивные установки: взаимодействие и борьба между репродуктивным сознанием женщин детородного возраста и распространением информации // Журналистика и литература. – 2023. – № 11. – С. 54–66. [黎黎, 熊宣 & 曹珊雨. “摇摆”的生育意愿: 育龄女性生育认知与信息传播的互动与博弈.新闻与写作]
264. Ли Цзе, Чэнь Чаомэй. CiteSpace: извлечение и визуализация научных текстов // Издательство Столичного университета экономики и торговли. – 2016. – С. 2. [李杰, 陈超美. CiteSpace: 科技文本挖掘及可视化. 北京: 首都经济贸易大学出版社.]
265. Ли Шухуа, Цзинь Хуэйсинь. Текущее состояние, проблемы и рекомендации по сотрудничеству СМИ Китая и России // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. – 2019. – № 2. – С. 139–154. [李淑华, 靳会新. 中俄媒体合作的现状,问题与建议. 俄罗斯东欧中亚研究]

266. Линь Шэндун, Сюань Чанчунь, Пу Фэйла. Прослеживая происхождение китайских и западных теорий коммуникации: «юэфу» и «убеждение» // Коммуникация и общество. – 2023. – № 64. – С. 63–93. [林升棟, 宣長春&普非拉. 中西傳理溯源:悅服與說服之間.傳播與社會學刊]
267. Ло Мэнфань. Международное сравнительное исследование рождаемости и демографической политики // Академические исследования Цзянхуа. – 2024. – № 3. – С. 26–34. [罗梦凡. 生育率与人口政策的国际比较研究. 江汉学术]
268. Лю Жуйшэн, Чэнь Синьсинь. Международная коммуникационная стратегия США в отношении Китая на фоне «великих перемен века»: трансформация и ограничения – анализ международной коммуникационной политики государственных СМИ США // Современная коммуникация. – 2024. –Т. 46, № 8. – С. 34–42. [刘瑞生, 陈欣欣.“百年大变局” 背景下美国对中国的国际传播战略: 转型与局限——基于美国政府媒体的国际传播政策解析.现代传播]
269. Лю Жуньлинь. Исследование интерпретации и стратегий пропаганды политики трёх детей в китайских и немецких медиа // Исследования языка и культуры. – 2022. – № 4. – С. 206–208. [刘润林. 中德主流媒体对三孩政策的解读与宣传策略研究.语言与文化研究]
270. Лю Жуньлинь. Исследование интерпретации и стратегий пропаганды политики трёх детей в китайских и немецких медиа // Исследования языка и культуры. — 2022. – № 4. – С. 206–208. [刘润林. 中德主流媒体对三孩政策的解读与宣传策略研究.语言与文化研究]
271. Лю Сяоянь, Ли Хунцзян. Эволюция моделей распространения демографической политики Китая // Журнал Пекинского университета (Философия и социальные науки). – 2019. – № 5. – С. 14–23. [刘小燕 & 李泓江. 中国生育政策传播模式演变考察. 北京大学学报]

272. Лю Цзюань, Сун Тинтин. «Сконструированная тревожность»: использование социальных медиа и восприятие женщинами рисков, связанных с деторождением // Медиаобзор. 2022. – № 6. – С. 79–86. [刘娟 & 宋亭亭. “被渲染的焦虑”: 社交媒体使用与女性生育风险感知. 传媒观察]
273. Лю Цянь. Дискурсивные фреймы и дискурсивное манипулирование: о стратегиях конструирования общественного мнения о Китае в индийских мейнстрим-медиа // Современная коммуникация (Журнал Коммуникационного университета Китая). – 2024. – № 46(10). – С. 88–96. [刘倩. 话语框架与话语操控:论印度主流媒体对华舆情建构策略.现代传播]
274. Ма Чао. Взаимодействие медийной и политической повесток: исследование отношений в рамках политики трёх детей // Журнал Сихуаского университета. – 2023. – № 6. – С. 46–54. [马超. 政策传达、政策倡议与共识互动: 三孩政策中的媒体议程与政策议程关系研究.西华大学学报]
275. МИД ответил на спекуляции иностранных СМИ о «демографическом кризисе» в Китае: добро пожаловать вместе встречать и свидетельствовать реализацию китайской мечты // Синьхуа. 2021, 12 мая. URL: http://www.xinhuanet.com/2021-05/12/c_1127438461.htm (дата обращения: 20.04.2025). [外交部回应外媒渲染"中国人口危机": 欢迎一起迎接并见证中国梦的实现.新华网.]
276. Му Гуанцзун, Линь Цзиньлун. О дружественном к рождаемости обществе – риски и управление на этапе эндогенной низкой рождаемости // Исследования и дискуссии. – 2021. – № 7. – С. 56–69+178. [穆光宗 & 林进龙. 论生育友好型社会——内生性低生育阶段的风险与治理. 探索与争鸣].
277. Национальная экономика преодолела давление и вышла на новый уровень //Национальное бюро статистики Китая. – 17 февраля 2023. – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202301/t20230117_1892090.html

- (дата обращения: 25.12.2024). [国民经济顶住压力再上新台阶. 国家统计局.]
278. Обеспечение эффективной реализации политики поддержки рождения трех детей // Жэньминь жибао. – 18 августа 2021. – URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2021/0818/c1003-32197337.html> (дата обращения: 19.01.2025). [让三孩生育支持政策落地见效. 人民网.]
279. Отношения Китая с Россией // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – октябрь 2024. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/sbgx_679114/ (дата обращения: 13.04.2025). [中华人民共和国外交部. 中国同俄罗斯的关系]
280. Почему молодые люди не хотят иметь детей? Насколько мы далеки от общества, благоприятного для деторождения?// Жэньминь жибао. – 13 мая 2021. – URL: <http://js.people.com.cn/BIG5/n2/2021/0513/c360299-34723961.html> (дата обращения: 02.01.2025). [2021 年輕人為什麼不願生孩子？距離生育友好型社會還有多遠. 人民网.]
281. Совершенствование системы отпусков и страхования в сфере деторождения // Жэньминь жибао. — 21 июня 2021. — URL: <http://society.people.com.cn/n1/2021/0621/c1008-32135327.html> (дата обращения: 10.12.2024). [完善生产休假和保险制度. 人民网.]
282. Совместный исследовательский отчет: китайский опыт вывода 800 миллионов человек из бедности // Группа Всемирного банка. – 1 апреля 2022. – URL: <https://www.shihang.org/zh/news/press-release/2022/04/01/lifting-800-million-people-out-of-poverty-new-report-looks-at-lessons-from-china-s-experience> (дата обращения: 20.04.2025). [联合研究报告：8 亿人摆脱贫困的中国经验. 世界银行集团.]
283. Статья в «Жэньминь жибао» от 5 июля 1957 года // Жэньминь жибао. – 2015. – URL: <http://politics.people.com.cn/ywzx/n/2015/0728/c363762->

- 27371444.html (дата обращения: 18.12.2024). [资料: 1957年7月5日《人民日报》文章. 人民网.]
284. Статья в «Жэньминь жибао» от 9 сентября 1980 года // Жэньминь жибао. — 2015. — URL: <http://politics.people.com.cn/ywkw/n/2015/0728/c363762-27371973.html> (дата обращения: 25.12.2024). [1980年9月9日《人民日报》文章. 人民网.]
285. Су Ин, Чжан Чжэньцзяо. Прорыв западного контекста: расширение теоретической адаптивности сравнительных исследований медиасистем // Международная журналистика. — 2022. — Т. 44, № 9. — С. 131–153. [苏颖 张振娇. 突破西方情境:比较媒介体制研究的理论适应性拓展. 国际新闻界]
286. Сунь Бинъюй. Интерпретация и критика «освобождающих от ответственности» мизогинистских высказываний в сети: анализ женского критического дискурса на материале Douban // Журнал Циндаоского аграрного университета (Социальные науки). — 2023. — № 2. — С. 100–106. [孙炳宇. “免责性”网络厌女言论的解读与批判——基于豆瓣语料的女性批评话语分析. 青岛农业大学学报]
287. Ся Вэйбо, Янь Гуйси, Ван Жао. Вопросы и теоретические направления в столетнем исследовании демографической коммуникации с международной точки зрения // Журнал Цилинского педагогического университета. — 2024. — № 5. — С. 99–108. [夏维波, 颜贵禧 & 王娆. 国际视域下百年人口传播研究的问题指向和理论动向. 吉林师范大学学报(人文社会科学版)]
288. Тан Цзиньтай, Ши Цзиньмин. Ключевые дискурсы и дискурсивные рамки: анализ формирования диалога США о Китае // Политические исследования. — 2022. — № 2. — С. 66–77. [汤景泰, & 史金铭. 核心话语与话语框架: 论美国涉华对话的话语建构. 政治学研究]
289. Тянь Сюэюань. Стратегия великой державы: обзор и перспективы демографической политики нового Китая. — Фуцзяньское народное

- издательство, 2020. С.299.[田雪原.大国之策: 新中国人口政策回顾与展望. 福建人民出版社.299.]
290. Учитывая, что население мира превышает 8 миллиардов человек, какое влияние это окажет на планетарное здоровье и устойчивое развитие? //ООН. – 2023. – URL: <https://news.un.org/zh/story/2023/04/1117202> (дата обращения: 27.03.2024). [世界人口超过 80 亿, 对地球健康和可持续发展有何影响]
291. Фэй Сяотун. Сельский Китай. Репродуктивная система. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 1998. – С. 135–160. [费孝通. (1998). 乡土中国. 生育制度. 北京大学出版社]
292. Фэй Сяотун. Сельский Китай. Репродуктивная система. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 1998. – С. 142. [费孝通. 乡土中国. 生育制度. 北京大学出版社]
293. Ху Инлэй, Лю Инцзе. Анализ освещения темы политики трёх детей в ведущих СМИ с позиции теории фрейминга: на примере People's Daily Online и Xinhua.net // Научно-технические коммуникации. – 2023. – Т. 15, № 8. – С. 63–65. [胡颖蕾, & 刘英杰. 框架理论视角下主流媒体的三孩议题报道分析——以人民网、新华网为例. 科技传播, 15(8), 63–65.]
294. Цай Фан. Эпоха отрицательного прироста населения: вызовы и возможности для экономического роста Китая. – CITIC Publishing Group, 2023. – С. 352. [蔡昉.人口负增长时代: 中国经济增长的挑战与机遇. 中信出版集团]
295. Цзи Дэцян, Янь Бовэй. Между внутренним и внешним: пограничная логика исследований коммуникации «глобального Китая» // Глобальный журнал СМИ. – 2024. – Т. 11, № 3. – С. 158–171. [姬德强, 闫伯维. "内外之间: "全球中国"传播研究的边界逻辑." 全球传媒学刊]
296. Цзэн Жуньси, Ян Сиси. Дискурсивные рамки и семантические стратегии зарубежных СМИ в освещении китайской политики // Журнал

- информации. – 2017. – № 6. – С. 99–104+92. [曾润喜 & 杨喜喜. 国外媒体涉华政策传播的话语框架与语义策略.情报杂志]
297. Цзэн Жуньси, Ян Сиси. Дискурсивные рамки и семантические стратегии зарубежных СМИ в освещении китайской политики // Журнал информации. – 2017. – № 6. – С. 99–104+92.[曾润喜 & 杨喜喜. 国外媒体涉华政策传播的话语框架与语义策略.情报杂志]
298. Чжан Линь, Ань Жочэнь. Исследование рамки внешней коммуникации политики второго ребенка в Китае // Современные коммуникации (Журнал Китайского университета коммуникаций). – 2018. – № 2. – С. 165–167. [张琳 & 安若辰.(2018).我国“二胎政策”对外传播框架研究.现代传播(中国传媒大学学报).]
299. Чжан Ханьсян. О демографической коммуникации в контексте научного прогресса // Современная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 49–51. [张汉湘.论科学发展语境下的人口传播.现代传播.中国传媒大学学报]
300. Чжан Яодань. Степень магистра в области сравнительных исследований по интерпретации проблем роста населения китайскими и британскими СМИ (диссертация, Северо-Западный университет). – 2016. [张耀丹. 中英媒体对人口增长问题构建比较研究硕士(学位论文,西北大学).]
301. Чжао Цянь, Цай Шуминь. Репрезентация «остранивания» экологического образа Китая: анализ дискурсивных механизмов в «The New York Times» // Журнал Хэбэйского педагогического университета (Философия и социальные науки). – 2024. – Т. 47, № 1. – С. 147–156. [赵乾, & 蔡舒敏.中国生态环境形象的“他者化”呈现: 基于《纽约时报》的话语机制分析. 河北师范大学学报(哲学社会科学版)]
302. Чжао Явэнь, Ван Цзэшуй. Анализ тематических различий в освещении «визита Си Цзиньпина в США в 2015 году» китайскими и американскими СМИ – на примере «China Daily» и «New York Times» //

- Университет журналистики. – 2016. – № 4. – С. 11–18. [赵雅文, 王泽帅.中美媒体"2015 习近平访美"报道的主题差异分析——以《中国日报》与《纽约时报》为例]
303. Чжоу Кайцзе. Дисбаланс и адаптация официального и общественного дискурсов в политике рождения второго и третьего ребенка // Диссертация, Хубэйский университет. – 2022. [周凯婕.从二孩到三孩生育政策官民话语的错位与调适硕士(学位论文,湖北大学).]
304. Чжоу Шэн, У Бо, Тянь Фуцин. Исследование формирования интернет-повестки дня на основе политики трех детей // Журнал глобальных медиа-исследований. – 2022. – № 03. – С. 125–142. [周胜,吴波 & 田福庆.基于三孩政策的网络议程设置研究.全球传媒学刊]
305. Чжу Хуэй, Лу Цзехуа. Китайская модернизация ведет к инновациям в глобальном управлении населением в условиях серьезных изменений // Журнал Университета Сунь Ятсена (Общественные науки). – 2024. – Т. 64, № 1. – С. 169–180. [朱荟 & 陆杰华.大变局下中国式现代化引领全球人口治理革新.中山大学学报(社会科学版)]
306. Чжу Цюлян. Исследование эволюции демографической политики нового Китая. — Чанша: Издательство Хунаньского педагогического университета, 2015. С. 70–72. [朱秋莲. 新中国人口生育政策变迁研究. 长沙: 湖南师范大学出版社]
307. Чэнь Дуй. Демографический дивиденд, демографический переход и экономический рост (диссертация, Сычуаньский университет) – 2021. – С. 10–15. [陈对. 人口红利、人口转变与经济增长 (博士学位论文, 四川大学).]
308. Чэнь Хун, Цинь Цзин, Пан Юй. Дискурсивное регулирование политики планирования семьи: анализ политической сети на основе концепции «разделяемого дискурса» // Университет журналистики. – 2017. – № 2. – С. 23–39. [陈虹, 秦静 & 潘玉. 计划生育政策话语调控——基于共享话语的政策网络分析路径.]

309. Шао Пэн, Ван Шэн, Инь Энтин. Эффект наделения властью в сетевом трауре: дискурсивные практики и борьба за власть в мемориальных пространствах социальных медиа // Журнал коммуникации и общества. – 2024. – № 70. – С.115–151. [邵鵬, 王晟 & 應恩挺. 網絡哀悼的賦權效應: 社交媒體哀悼空間的話語實踐與權力博弈. 傳播與社會學刊 1]
310. Шэнь Яньвэй. Исследование взаимодействия между правительством, СМИ и общественностью в процессе публичной коммуникации государственной политики // Диссертация, Восточно-Китайский педагогический университет. — 2018. [沈艳伟. 公共政策传播中政府、媒体与公众互动关系 (学位论文, 华东师范大学).]
311. Юй Чжэшунь, Ли Сюэ. Сравнительный анализ косвенной речи в освещении конфликта в Докладе в изданиях China Daily и The Times of India // Иностранные языки и литература. – 2023. – № 6. – С. 3–19, 48, 129. [尤泽顺 & 李雪. 《中国日报》和《印度时报》关于洞朗对峙报道的转述话语对比分析. 外国语言文学.]
312. Ян Гуан, Ван Юэ. Угроза и эффективность: анализ обсуждений страха перед рождением детей в социальных медиа и факторов влияния // Журналист. – 2023. – № 11. – С. 83–94. [杨洸 & 王越. 威胁与效能: 社交媒体“生育恐惧”讨论的主题分析和影响因素研究. 新闻记者]
313. Ян Жоунань. Рамки освещения темы двух детей в ведущих китайских газетах: анализ публикаций «Жэньминь Жибао» (2012–2017) // Восточная коммуникация. – 2018. – № 5. – С. 155–158. [杨若男. 中国主流报纸二孩议题的报道框架——对《人民日报》(2012-2017)报道的考察. 东南传播]

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Программные коды, использованные в данном исследовании: :

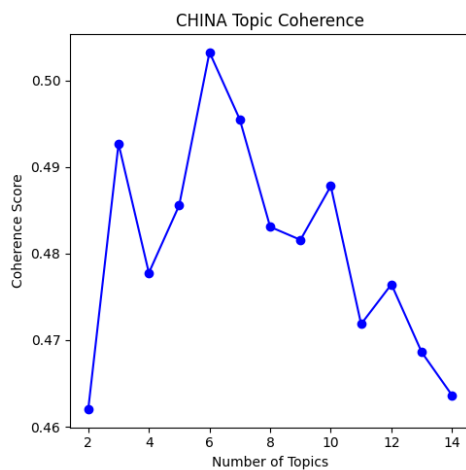
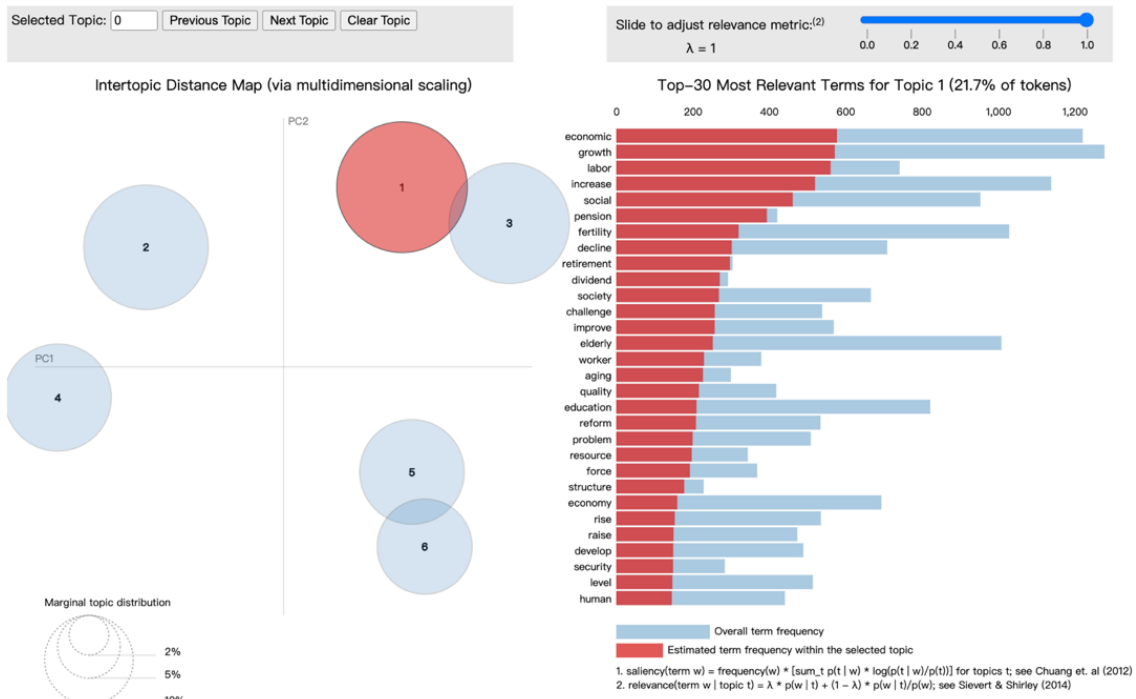
<https://github.com/Xiaoting777/LDA-.git>

Результаты визуализации тематического моделирования корпусов

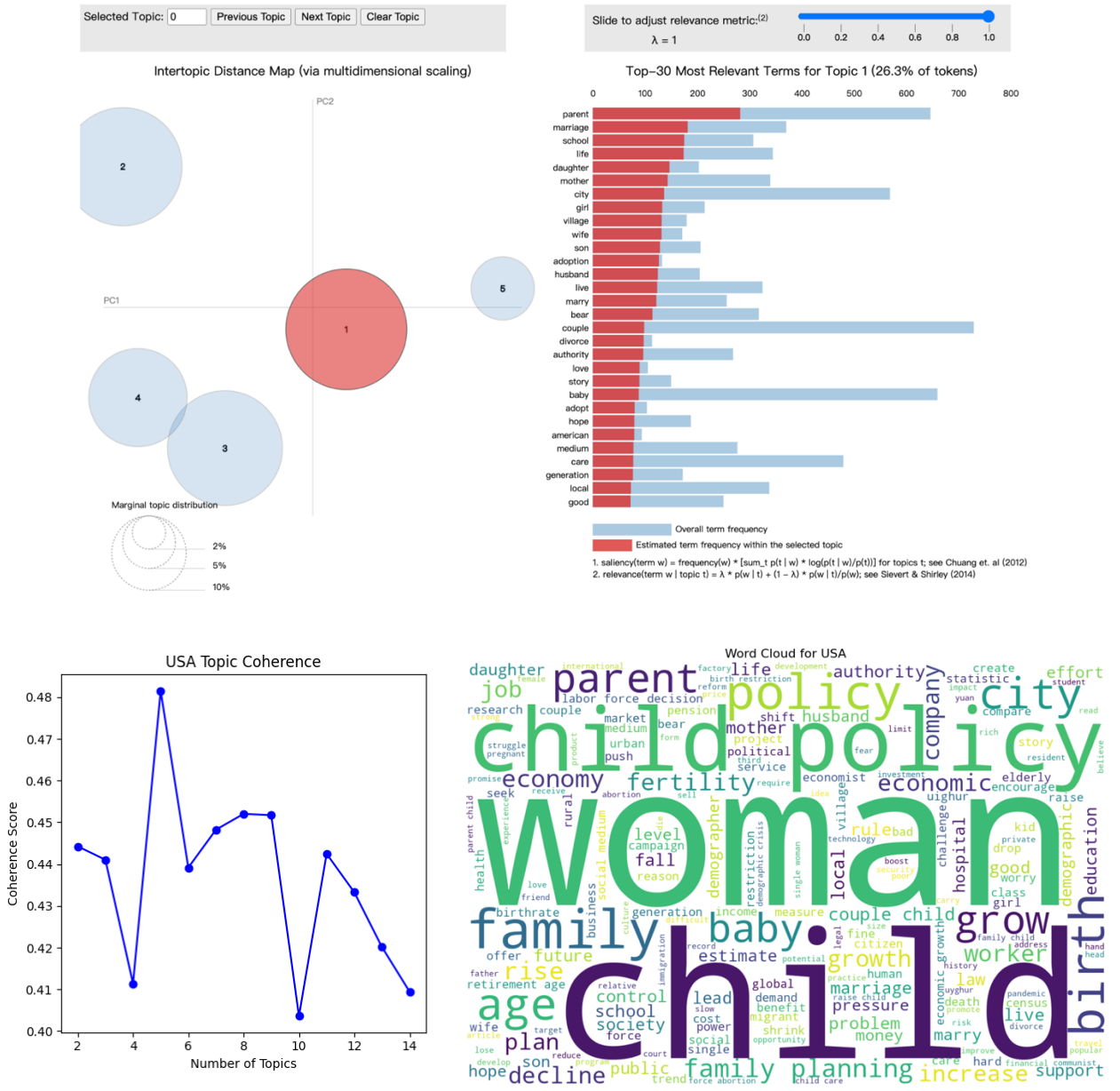
В дополнение к анализу тематического моделирования в приложении представлены дополнительные результаты визуализации тематического моделирования корпусов китайского, американского и русского языков, в том числе:

1. Карта расстояний между темами (Intertopic Distance Map): отображает степень семантической близости между темами. Размер круга отражает долю темы в корпусе: чем больше круг — тем значимее тема. Расстояние между кругами указывает на различия в содержании.
2. Столбчатая диаграмма 30 наиболее релевантных терминов: показывает ключевые слова по каждой теме. Синим обозначена важность термина в выбранной теме, красным — его частота в общем корпусе. Это помогает выявить уникальность и общность слов.
3. Графики когерентности и перплексии: оценивают оптимальное число тем. Более высокая когерентность означает лучшую интерпретируемость модели. Пик когерентности: Китай — 6 тем (≈ 0.51), США — 5 (≈ 0.48), Россия — 6 (≈ 0.46).
4. Облако слов: визуализирует наиболее частотные лексемы. В китайском корпусе преобладают “family”, “policy”, “development”; в американском — “woman”, “child”, “parent”; в русском — “ребёнок”, “семья”, “рождаемость”.

Китай

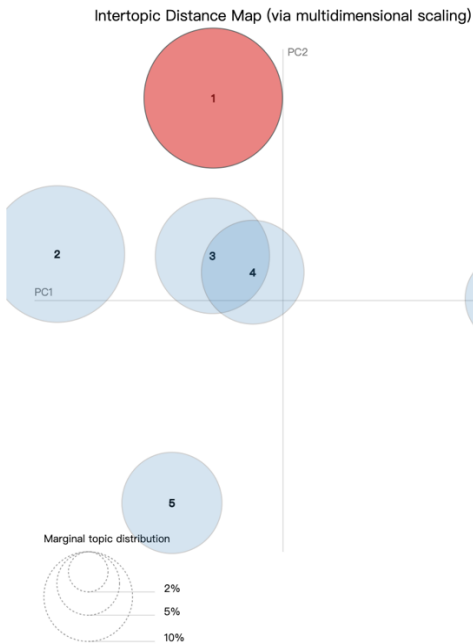
CIIA

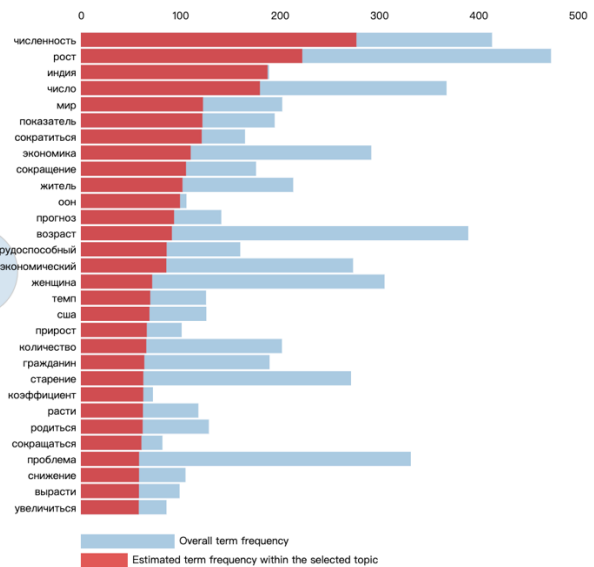
Россия

Selected Topic: Previous Topic Next Topic Clear Topic

Slide to adjust relevance metric:⁽²⁾ $\lambda = 1$

Top-30 Most Relevant Terms for Topic 1 (24.4% of tokens)

1. $\text{saliency}(\text{term } w) = \text{frequency}(w) * [\sum_t p(t | w) * \log(p(t | w) / p(t))]$ for topics t ; see Chuang et. al (2012)
2. $\text{relevance}(\text{term } w | \text{topic } t) = \lambda * p(w | t) + (1 - \lambda) * p(w | t) / p(w)$; see Slervet & Shirley (2014)

